А. П. НАЗАРОВ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

Бишкек Издом „Кыргызстан“ 1998.

А. П. НАЗАРОВ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник РАН,
член-корреспондент НАН Республики
Казахстан К. М. Мусаев

Бишкек Издом «Кыргызстан» 1998.

ББК 81. 63. 25
Н — 19

НАЗАРОВ А. П:
Н — 19 Фразеологическая стилистика кыргызского языка — Бишкек: Кыргызстан, 1998—112 с.
ISBN 5235 — 5 — 655 — 01151 — 4

Книга посвящена важнейшим вопросам стилистики кыргызской фразеологии. На основе анализа большого фактического материала в ней дается научное обоснование художественно-функциональным основам экспрессивности кыргызской фразеологии. Автором выявлены и детально описаны лингвистические факторы, лежащие в основе экспрессивности фразеологических единиц, средства и приемы создания фразеологической экспресии.

Книга рассчитана на студентов, преподавателей, аспирантов филологических специальностей, переводчиков и научных работников по теории фразеологии.

Она также представляет интерес для тех, кто интересуется кыргызским языком и его фразеологией.

Н 4602020400
451(11)—98

ББК 81. 63. 25

Без объявления

Рецензенты
доктор филологических наук, профессор З. Г. УРАКСИН
кандидат филологических наук, доцент Ж. ОСМОНОВА

ISBN 5235 — 5 — 655 — 01151 — 4 (С) Издом «Кыргызстан» 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Кыргызы являются одним из древнейших кочевых народов, как утверждают историки, о них знали еще до нашей эры. Однако как представители кочевого народа, принцип жизни которых «все мое ношу на себе и в Памяти» они не могли опредмечивать себя как делают оседлые народы, ни в городах, ни в храмах, ни в письменности, ни в других материальных ценностях. Но зато они создали такое бесценное средство — удобоносимый, переносный посредник, в котором каждое поколение может созерцать свою связь с предыдущим и передавать накопленное духовное богатство будущим в лице совокупного устного знания: преданий, легенд, сказок, обычаев, религиозных верований, общественных заповедей, полезных наставлений, выражающихся в кристаллизованном виде в пословицах и образных выражениях.

Постоянное нахождение на лоне природы и тесная связь с нею сделали кыргызов поэтами, наделенными особой поэтической душой. Недаром академик Василий Васильевич Радлов — выдающийся ученый-филолог с мировым именем — с восхищением удивлялся тому, как кыргызы отличаются от своих соплеменников тюркского происхождения необыкновенным умением говорить. Более ста лет тому назад он писал: «Кыргыз всегда говорит бегло, не останавливаясь и не запинаясь Излагая свои мысли точно и ясно, он умеет придать своей речи известную долю изящества и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у него является часто ясный ритмический размер, так что предложения следуют друг за другом в виде стихов и куплетов, и производят впечатление стихотворения».

Да, только поэтичная душа и поэтичный язык могли создать такие шедевры устного народного творчества как океаноподобный эпос «Манас», состоящий из полумиллиона строк и не имеющий себе равного ни по глубине и широте содержания ни по изяществу формы изложения, и малые эпосы, составляющие в настоящее время более сорока томов, не говоря уже о бога-

тейших сокровищах пословиц, поговорок и образных выражений, известные в лингвистике как фразеологизмы.

С приобретением независимости Республики перед учеными гуманитариями встала задача огромной государственной важности—всесторонне и комплексно исследовать устное творческое наследие кыргызского народа и показать миру во всей его красоте и великолепии. Настало время жить по принципу: «Умей не только брать, но и давать другому».

В этом контексте большой интерес представляет предлагаемая читателям книга кандидата филологических наук, доцента А. П. Назарова «Фразеологическая стилистика кыргызского языка», которая, если сказать популярно, вводит читателя в дивный и волшебный мир фразеологии. Подобно опытному гиду, автор книги знакомит читателей шаг за шагом с достопримечательностями этого мира. Просто и увлекательно, и в то же время строго научно, рассказывает о художественных и функциональных основах экспрессивности (выразительности) фразеологизмов. Из этой книги читатель узнает о том, как построен Фразеологический дворец кыргызского языка, какие художественные средства использованы при его постройке, на каких закономерностях зиждется его обновление.

Читая эту книгу, каждый, даже неподготовленный читатель, непременно становится соучастником и соисследователем удивительных событий и приключений, которые совершаются с фразеологизмами.

Добро пожаловать, в волшебный мир фразеологии!

Посвящаю светлой памяти отца Патидина и матери Бахринсы

ВВЕДЕНИЕ

В процессе становления фразеология как наука прошла ряд фаз и стадий: Если в 50-е годы она, образно говоря, на ходилась «в стадии скрытого развития» (54, 126), а в 60-е годы «в колыбели» (6.67), то в 70-е уже выходит «за узкие, сковывающие ее рамки одного из разделов лексикологии» (51, 342). В настоящее время фразеология, преодолев «стадию первичного накопления языковых фактов и их предварительной классификации», находится «в фазе системного осмысления объекта исследования, в фазе более тонкого и глубокого анализа тех языковых явлений которые были выдвинуты (во многом на интуитивной основе) на начальном этапе развития в качестве основных понятий» (107, 9—10).

Одной из наиболее актуальных проблем фразеологии, определяемой на настоящем этапе, таким образом, является комплексное исследование средств, способов и приемов создания фразеологической экспрессии.

Данное положение является справедливым и для тюркской, и в частности для кыргызской фразеологии, так как лингвистические средства и приемы создания фразеологической экспрессии до сих пор в тюркских языках системно не исследованы.

Не изучены существующие приемы речевого использования фразеологических единиц. Не выявлен экспрессивный потенциал таких приемов. Между тем, установление системы средств и приемов создания фразеологической экспресии имеет важное значение для уяснения экспрессивной природы и сущности фразеологических единиц, для изучения лингвистических основ экспрессивности фразеологической системы и стилистического потенциала отдельно взятого языка.

В общетеоретическом плане понятия «экспрессия», «экспрессивность», «Фразеологическая единица» (далее ФЕ) еще не имеют единого и достаточно полного определения. Исходя из дефиниций экспрессии и описания ее особенностей в лингвистической литературе (1; 9; 15; 30; 45; 85) принимаем следующее понимание терминов. Фразеологическая экспрессия-способность фразеологизма выражать понятие ярко, наглядно, красочно, передавать интенсивность его смыслового содержания, наивысшую степень признака, напряженность действия, создавать особое восприятие—своеобразный компонент его

смысловой структуры, обусловленный особенностями его семантики, формальной структуры, звуковой организации и функционирования в речи. Фразеологическая экспрессивность — наличие у фразеологизмов выразительной, воздействующей силы. Под фразеологической единицей мы понимаем устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением. В кыргызском языке, как и в других тюркских языках, «всякая фразеологическая единица —это устойчивое словосочетание, но не всякое устойчивое словосочетание есть фразеологическая единица» (62, 115).

В книге выявлены лингвистические факторы, лежащие в основе экспрессивности фразеологических единиц и закономерность речевого использования их, которая состоит в том, что при функционировании в текстах различных жанров ФЕ, как правило, претерпевают различного рода трансформации в зависимости от целей и задач конкретной речи и особенностей речевой ситуации. Определены и классифицированы языковые средства и приемы трансформации ФЕ, используемые для создания фразеологической экспрессии, которые составляют художественно-функциональные основы экспрессивности фразеологических единиц кыргызского языка.

Методологической основой данной работы является учение о том, что суть диалектического познания заключается в раздвоении единого и познании противоречивых частей его (55, 316). Для нас: «...язык и речь—не разные явления, а разные стороны одного явления. Все лингвистические единицы являются единицами, языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой—к речи» (57, 60).

Материалом для написания книги послужили более 2000 фразеологических единиц, занесенные в 6000 карточек автора, которые посредством сплошной выборки были извлечены из оригинальных произведений современной кыргызской художественной литературы, образцов фольклора, поэзии и периодической печати.

ГЛАВА I
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Фразеологические единицы, принимая участие как в «первичном», так и во «вторичном» членении континуума внеязыковой действительности (18, 32) и являясь выразительными средствами, выполняют в языке экспрессивную функцию. Выразительность заключена в самой природе фразеологизмов и является их специфической чертой (20,92; 24,48; 26,125; 60,125; 62,24; 65,130; 66,218; 81,79—80; 94,22; 96,24; 106,19) Экспрессивность фразеологических единиц определяется рядом лингвистических факторов и создается разнообразными средствами. В основе экспрессивности ФЕ кыргызского языка, как показал анализ, лежит целая система лингвистических факторов, а именно: семантические, лексико-семантические, стилистические и звуковые.

§ 1. Семантические факторы, лежащие в основе экспрессивности фразеологических единиц.

Из семантических факторов, обеспечивающих экпрессивность ФЕ, самым существенным и решающим является семантическое переосмысление или, по терминологии Б. А. Ларина, семантическое обогащение значения в сторону образной типичности (54,145). В сфере фразеологии кыргызского языка существуют два вида переосымсления: метафорическое и метонимическое. Подробно остановимся на каждом из них.

Метафорическое переосмысление. В основе подавляющего большинства фразеологизмов кыргызского языка лежит метафорическое переосмысление. Оно заключается в переносе значения, основанном на сходстве между предметами, явлениями или понятиями. Виды подобного сходства, лежащие в основе метафорических фразеологизмов, весьма разнообразны и порой трудно-определимы. Нами выделены восемь видов таких сходств:

1. Перенос по сходству внешней формы:
   а) животного: сүткө тойгон күчүктөй -- «пухленький», «толстенький» (букв. «словно щенок, насытывшийся молоком») балапан түгү түшө элек —«неоперившийся «тот,, кто еще не стал самостоятельным человеком»

(букв. «птенец, который еще не успел сбросить с себя птенцовый пух»);

б) предмета быта: тили курмөөго келбе—«язык не поворачивается» (букв. «у него язык не завязывается»), куюшканы кыйшаюу — «не везет» (букв. «у него подхвостник косой»);

в) вида продукта: каймагы бузулба — «ничего не случится» (букв. «его сливки не испортятся»);

г) вида оружия: мизи кайт —«присмиреть» (букв. «его острие притупилось»);

д) природного явления: опол тоодой —«громадина» (букв. «словно огромная гора»).

2. Перенос по сходству цвета:

а) органа тела птиц: сары ооз балапан —«младенец» (букв. «желторотый птенчик»);

б) плодов растительности: кызыл чиедей — «совсем малый» (букв. «словно красная вишня»).

3. Перенос по сходству действия: жолуна тур —«вставлять палки в колеса» (букв. «стоять на пути кого-нибудь»), жарга така— «прижать к стенке» (букв. «прижать к пропасти»).

4. Перенос по сходству положения: бычактын мизинде — «висеть на волоске» (букв. «находиться на острие ножа»), эки оттун ортосунда—«быть в безвыходном положении» (букв. «находиться между двумя огнями»).

5. Перенос по сходству состояния: ийне жеген иттей—«страшно исхудалый, изможденный» (букв. «как собака, проглатившая иголку»), буту күйгөн тооктой —«сильно обеспокоенный» (букв. «словно курица, у которой ноги горят»).

6. Перенос по сходству поведения: ат үстүнөн мамиле жаса—«кое-как, через пень колоду» (букв. «обращаться с кем-либо, не слезая с коня»), ары карап ыйлап, бери карап күл —«делать хорошую мину при плохой игре» (букв. «туда смотрит —плачет, сюда смотрит —смеется»).

7. Перенос по сходству характера:

а) человека: күн тийген жердин күчү— «человек, непостоянный в своих симпатиях», «сума переметная» (букв. «рабыня того места, куда достигают лучи солнца»); животного: үй күчүк—«сидень, домосед» (букв. «домашний щенок»), чөптөн башкага зыяны жок—«скромный, тихий, безвредный» (букв. «человек, никому не приносящий вреда, разве что травкам»).

8. Перенос по сходству явлений:

а) связанных с человеком или животным: жарасына тий — «дразнить», «пощупать ахиллесову пяту» (букв. «прикоснуться к его ране»);

б) связанных с деятельностью человека: түбүнө суу куй— «уничтожить, ликвидировать, истратить» (букв. «лить воду в корень»);

в) связанных с биологическим процессом: он түлөгүнөн бир түлөгүн түлөй элек — «совсем молод» (букв. «из своих десяти линек, он еще ни разу не слинял»);

г) связанных с растительным миром: тамыр жай— «основательно обосноваться» (букв. «пустить корни»), он гүлү нөн бир гүлү ачыла элек—«совсем молод» (букв. «у него из десяти цветков еще не раскрылся ни один»).

Метонимическое переосмысление. Оно состоит в переносе значения, основанном не на сходстве, как в метафорическом переосмыслении, а на смежности двух предметов, явлений или понятий. Поэтому между прямым и переносным значениями метонимических фразеологизмов связь более тесная, чем между аналогичными значениями метафорических фразеологизмов. Существуют различные виды смежности, лежащие в основе метонимических фразеологизмов. В кыргызском языке наиболее распространены следующие виды:

1. Название части вместо целого. Этот вид смежности имеет следующие разновидности:

1.1 Обозначение части человеческого тела, его движения вместо самого человека и его действия. Фразеологизмы, основанные на данном виде переосмысления, как правило, содержат психологическую и моральную характеристику человека. В этих фразеологизмах опорным, семантически стержневым компонентом выступает тот, который называет орган или часть тела человека:

а). голова: чаар баш —«непослушный» (о детях), «своенравный» (о взрослых) (букв. «пестрая голова»), баш көтөр — «выступать против кого-либо» (букв. «поднять голову»);

б) голова, глаза: баш-көз бол —«присмотреть», «опекать» (букв. «быть головой и глазами кому-нибудь»);

в) лоб: жарык маңдай — «счастливый, везучий» (букв. «светлый лоб»);

г) волосы: тебе чачы тик тур — «сильно испугаться», «рассердиться» (букв. «волосы на макушке встали дыбом»);

д) веки и брови: кабак кашым дебе — «ему нипочем, ему хоть бы что», «преодолевать всякие трудности со спокойствием» (букв. «он не говорит: мои веки, мои брови»);

е) веки: кабагын карыш сал — «опечалиться», «насупиться» (букв. «опустить свои веки длиною в одну пядь»);
ж) глаз: көзү ачык —«мудрый», «грамотный» (букв. «у него глаза открытые»);
з) рот: ачык ооз —«ротозей», «оолтливый» (букв. «открытый рот»);
и) небо: жез таңдай — «искусный, талантливый певец» (букв. «железное нёбо»);
й) зубы: сары тиш— «старик» (букв. «желтый зуб»);
к) шея: жоон моюн —«грубиян» (букв. «толстая шея»);
л) ухо: кызыл кулак — «спекулянт» (букв. «красное ухо»);
м) грудь: эр көкүрөк — «мужественный», «богатырь» (букв. «мужская грудь»), бок көкүрөк —«трусливый» (букв. «дерьмовая грудь»);
н) сердце: эр жүрөк — «богатырь» (букв. «мужское сердце»);
о) печень: таш боор —«бессердечный» (букв. «каменная печень»);
п) легкие: жел өпкө —«хвастун», «пустозвон» (букв. «воздушные легкие»);
р) подмышки: жел колтук —«легкомысленный человек» (букв. «воздушные подмышки»);
с) руки: колу ачык— «щедрый» (букв. «руки у него открытые»);
т) руки, ноги: колдуу, буттуу—«мастер на все руки» (букв. «человек с руками и ногами»).
у) пятки: жел таман —«летун», «непоседа» (букв. «воздушные пятки»).

1.2. Обозначение состояния части тела вместо обозначения состояния самого человека:

а) головы: башына күн түш — «на него свалилась беда» (букв. «на него (на его голову) упала трудность (солнце»);
б) сердца: жүрөгү оозуна тыгыл —«сильно испугаться» (букв «его сердца застряло в горле»);
в) печени: боорун жерден албай кал —«сильно горевать» (букв. «не мочь поднять свою печень с земли»);
г) ребра: кабыргасы кайыш —«жалеть кого-либо» (букв. «его ребра гнутся, сгибаются за него»).
д) внутренностей или живота: ичи оору — «проявлять симпатию к кому -либо» (букв. «его живот (внутренность) болит»);
е) глаз: бир көзүнөн кан, бир көзүнөн жаш ал — «доканать, измучить кого-либо» (букв. «из одного глаза взять кровь, а из другого —слезу»).

1.3. Обозначение вместо человека предмета, которым он пользуется и который рассматривается как его неотъемлемая часть. Это может быть элементы одежды, постельные принадлежности или принадлежности еды, верховой езды и т. п. Фразеологизмы этого типа также содержат характеристику человека, а именно:

а) характеристику женщины: ак жоолук —«добрая половина» (букв. «белый платок»), жайыл көрпө —«гостеприимная» (букв. «открытое одеяло»), кара элечек—«вдова в трауре» (букв. «черный тюрбан»);
б) характеристику мужчины: кызыл камчы —«жестокий и скорый на расправу» (букв. «красная плеть»), кызыл тебетей — «чиновник», «хан» (букв. «красная шапка»);
в) характеристику как женщины, так и мужчины: жайыл дасторкон—«гостеприимная», «гостеприимный» (букв. «открытый скатерть»).

2. Название органа или его части вместо выполняемой им функции:

а) называются брови и ресницы: каш кирпиги бузулуу — «расстроиться» (букв. «расстроились его брови и ресницы»);
б) называются руки: колу колуна жукпайт — «работать быстро и складно» (букв. «рука руки не касается»);
в) называются ноги: буту бутуна тийбейт —«проворно, торопливо (бегать, ходить, работать)» (букв. «нога ноги не касается»).

3. Название причины вместо результата действия: оозуна талкан куй—«молчать» (букв. наполнить рот толокном») жаагы жап бол — «замолчать» (букв. у него закрылись челюсти»).

4. Название результата действия вместо его причины: тишин кирин сор —«положить зубы на полку» (букв. «сосать зубной налет»), этегин жырт —«хлопотать безрезультатно» (букв. «рвать полы своего платья»), казаны оттон түш—«материальные дела плохи у кого-либо» (букв. «у него котел «слез» с огня»).

5. Название конкретного предмета вместо абстрактного понятия:

а) для обозначения понятия «здоровье»: агы ак, кызылы кызыл —«здоровый» (ая) (букв. «у него белое бело, красное красно»);
б) совести: бетинде кызылы бар— «совестливый (ая)» (букв. « у него на лице есть красное»);
в) зависти: көзү кызар —«завидовать» (букв. «у него глаза краснеют»);
г) беспокойства: ичкени ирим, жегени желим — «горе горе -

вать» (букв. «он пьет гной, ест клей»);

д) власти, управления: эки чылбыр бир тизгин —«власть», «руководство» (букв. «две веревки, один повод»);

е) разграбления: кызыл уук кыл —«разграбить дочиста» (букв. «оголить унины», «оставить юрты без покрытия»);

ж) времени: ат тезегин кургатпай— «слишком часто» (букв. «не давая лошадиному навозу высохнуть»), карга кык чокуй электе — «рано утром» (букв. «пока ворона еще не успела клюнуть навоз»);

з) пространства: иттин үнү угулган жерде —«близко, совсем рядом» (букв. «на расстоянии слышимости собачьего лая»), ат чабым жерде —«близко», «не так далеко» (букв. «на расстоянии лошадиного пробега»).

Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что метафорическое и метонимическое переосмысления, являясь основой основ образования фразеологических единиц, играют ведущую роль в создании фразеологической экспрессии, а другие средства создают экспрессию, накладываясь на них.

§2. Лексико-стилистические факторы, лежащие в основе экспрессивности фразеологических единиц.

Повтор. Особенность повтора заключается в двухратном или трехкратном повторении какого-либо фразеологического компонента или компонентов. Как известно, в тюркских языках «с удвоением слова обычно связано понятие усиления качества или количества, распределения или разделения, повторяемости или учащения действия или другие понятия» (40,95). Повторение компонента (компонентов) во фразеологизмах создает особую экспрессию через усиления его (их) значения.

В кыргызском языке чаще всего повторяется один или два компонента фразеологизма. Повторение трех компонентов — редкое явление. Это объясняется тем, что повторение трех компонентов слишком увеличивает количественный состав фразеологизма, что выводит его из рамок оптимального слухового восприятия (об этом подробно см. § 4).

1. Фразеологизмы, в которых повторяется один компонент:

а) повторяется первый компонент: өзү бий, өзү хан— «сам себе хозяин» (букв. «сам бий, сам хан»); өз колу өз оозуна жет —«самостоятельно распоряжаться результатами своего труда» (букв. «дотянуть свои руки до своего рта»), жабылуу аяк жабылуу бойдон калсын— «все шито-крыто» (букв. «пусть закрытая чаша останется закрытой»);

б) повторяется срединный компонент: ак койдон ачкоо, боз койдон момун — «натворивши что-либо, представлять из себя самого смирного, самого безобидного человека» (букв. «безобиднее белой овцы, смирнее серой овцы»);

в) повторяется конечный компонент: сен көр, мен көр — «как рукой сняли», «как в воду кануло» (букв. «ты посмотри, я посмотрю»).

2. Фразеологизмы, в которых повторяется два компонента: колуна кол, бутуна бут болуу —«стать первым помощником» (букв. «стать рукою руке, ногою ноге»); бир көзүнө, бир көзүнө жоо —«жить в недоверительных, враждебных отношениях» (букв. «один глаз враг другому»).

3. Фразеологизмы, в которых повторяется три компонента: оң кулагың менен да, сол кулагың менен да ук —«слушай очень внимательно» (букв. «слушай и правым, и левым ухом»).

Тавтология. В лингвистике термин, «тавтология» имеет и «широкое», и «узкое» значения. Разные авторы подводят под них различные явления (11,467; 21,26—35; 43,51; 23,6—12; 56,13—17; 83,346; 88,85—87).

Признается и фразеологическая тавтология. К ней обычно относят устойчивые двусоставные словосочетания с однокорневыми компонентами (21; 56; 88), выполняющие в речи экспрессивную функцию. Говоря о функции фразеологической тавтологии, А. Г. Ломов, С. Г. Талышкина отмечают ее усилительную функцию, а А. М. Бушуй подчеркивает функцию детализации и уточнения значения.

В кыргызском языке фразеологическая тавтология проявляется в очень своеобразных формах и структуре, заключающихся в том, что фразеологизмы этой категории, во-первых, не двукомпонентные, а, как правило, многокомпонентные, во-вторых, в создании тавтологии могут участвовать как все компоненты ФЕ, так и только отдельные ее компоненты, в-третьих, тавтологичные компоненты ФЕ могут быть как однокорневыми, так и разнокорневыми.

С точки зрения участия всех и не участия отдельных компонентов в создании тавтологии, фразеологические единицы кыргызского языка подразделяются на две группы, фразеологические единицы, в которых в создании тавтологии принимают активное участие все компоненты и фразеологические единицы, в которых в создании тавтологии отдельные компоненты не принимают участия.

К первой группе относятся двучастные фразеологизмы, т. е. фразеологизмы, состоящие из двух самостоятельных частей, каждая из которых при прочих условиях может относительно

самостоятельно употребляться вне связи с другой частью: жээрин жеп, ичерин ичкен—«старик или старуха» (букв. «тот, кто уже съел и выпил то, что ему полагалось»), жылан чакпай, жылкы теппей —«ни с того, ни с сего, не имея серьезной причины, на это» (букв. «змея его не ужалила, лошадь его не лягнула»). Особенность ФЕ этой группы состоит в том, что у них тавтологизация происходит как бы двукратно при обычном понимании фразеологической тавтологии, так как каждая часть фразеологизма представляет собой относительно самостоятельную тавтологическую единицу.

Ко второй группе относятся ФЕ, неразделимые на относительно самостоятельные части: гикесинен тик туруу — «приниматься за работу со всей душой, работать не покладая рук» (букв. «стоят смирно»); учмактын учуна чыгаруу — «разругать на все корки» (букв. «выгонять из рая»). Во всех этих фразеологизмах в тавтологизации не учавствует последний компонент. Могут не участвовать и два компонента: көкөйүнө көк талкандай тийүү — «надоедать», «допекать» (букв. «осточертеть как привычное толокно»).

В зависимости от того, является ли тавтологизирующие компоненты однокорневыми или разнокорневыми, также можно подразделять ФЕ данной категории на две группы: ФЕ, в которых тавтологизирующие компоненты являются однокорневыми и ФЕ, в которых тавтологизирующие компоненты имеют омонимичные корни по звучанию, но разные по этимологии:

1. Фразеологизмы-тавтологизмы с однокорневыми компонентами: каймакка куймак куйгандай — «хорошо сочетаться, гармонировать», «прекрасная чета» (букв. «словно оладьи в сливках»); чечекейи чеч болуу — «быть в приподнятом, веселом настроении» (букв. «хрусталики его глаз полные-полные»);

2. Фразеологизмы-тавтологизмы с омонимичными корнями: көрбөгөнү көр болуу — «видать виды», «мытарствовать» (букв. «он все видал, кроме могилы»); Ыңырчагы ырдап, керегеси керде—«разориться, обеднеть» (букв. «бычье седло у него поет, остов юрты оголился»). Таким образом, тавтология во фразеологизмах, уточняя, детализируя и усиливая значения, создает особый вид фразеологической экспрессии.

Синонимический повтор. Данный вид отличается от других видов повтора тем, что повторяющиеся компоненты ФЕ находятся между собой в синонимических отношениях. Такое отношение этих компонентов обычно ограничивается рамкой данного фразеологизма. Так, например, слова өпкө «легкие», и боор «печень» по лексическому значению не являются синонимами,

но в составе фразеологизма өпкө боорумду чабайын—«милый мой, ненаглядный мой (выражение ласки, преданности, желания пожертвовать собой)» (букв. «ударить бы моими легкими, моей печенью») представляют собой синонимы. Наличие таких компонентов в составе ФЕ понимается нами как синонимический повтор. Синонимический повтор является основой экспрессивности значительной части фразеологизмов кыргызского языка.

Синонимические компоненты ФЕ с точки зрения их семантики могут быть:

1. Тематически близкими: коюн колтук алыш—«сдружиться», «быть в дружеских отношениях», «войти в чье-либо доверие» (букв. «обменяться пазухами и подмышками»), кабагым кашым дебе — «ему нипочем, ему хоть бы что», «преодолевать всякие трудности со спокойствием» (букв. «он не говорит: мои веки, мои брови»).

2. Тематически не связанными: өзүн өзү билүү, өтүгүн төрго илүү — «самовольничать» (букв. «знать самого себя и повесить свои сапоги на почетное место»).

3. Семантически противоположными: ойду омкоруп, тоону томкор — «совершать большие дела» (букв. «долы переворачивать, горы выворачивать»).

Синонимичность компонентов фразеологизма может быть и результатом синонимических отношений слов вне данного фразеологизма, например, өйдөдө өбөк, ылдыйда жөлөк —«надежная опора» (букв. «опора в вышине, подпорка в низине»).

§ 3. Стилистические факторы, лежащие в основе экспрессивности фразеологических единиц.

Экспрессивность фразеологизмов во многом определяется стилистическими факторами. Важными средствами создания фразеологической экспрессии являются тропы. Тропы играют главную роль в образовании ФЕ и создании их экспрессивности, придавая им гармонию формы и содержания, благозвучие, образность, художественно-изобразительное свойство, способность передавать тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки точно, ярко и красочно. Экспрессивность многочисленных фразеологизмов кыргызского языка основана на различных тропах.

Гипербола. В основе гиперболы лежит преувеличение признака или качества данного предмета или явления в целях большего его выделения, подчеркивания. По мнению А. Г. Наза-

ряна, гипербола свойственна только метафорическим фразеологизмам (64,250). Факты кыргызского языка показывают, что гипербола свойственна не только метафорическим, но и метонимическим фразеологизмам. Например: кара кылды как жарган —«исключительно справедливый» (букв. «расщепивший черный волосок на две равные части») и эки бутун бир өтүккө тык — «сунуть (втиснуть) чьи-либо две ноги в один сапог»). В первом примере представлена гиперболизованная метафорическая ФЕ, а во втором — гиперболизованная метонимическая ФЕ.

Гиперболические фразеологизмы очень разнообразны по тематике, но чаще всего они обозначают понятия, связанные с человеком, временем и пространством.

Фразеологизмы, связанные с человеком:

1. Оценка его общественного положения, взаимоотношения, способности, нравственных и моральных качеств:

а) общественного положения: атагы таш жарган — «быть очень авторитетным», «завоевать авторитет», «прославиться» (букв. «его слава расколола камень»); санда жок — «тот, кто и в счет не идет, кого и за человека-то не считают» (букв. «тот, кто не идет в счет»); тирүү десе санда жок, өлүү десе көрдө жок—«(о человеке) никчемный» (букв. «если считать его живым, то его нет в числе живых людей , если считать мертвым, его нет в могиле»);

б) взаимоотношения: арасынан кыл өтпө — «быть в близких, дружеских отношениях» (букв. «между ними даже волосинка не пройдет»); оту күйүшпө — «не ужиться» (букв. «их огонь не разжигается»); от менен суудай—«непримиримые враги» (букв. «словно огонь и вода»);

в) способности: колунан көөр төгүлгөн — «мастер на все руки» (букв. «из его рук сыплются драгоценные камни»), бит тин ичегисине кан куйган—«он на ходу подметки режет» (букв. «он в жилы вши кровь вливает»);

г) нравственных и моральных качеств: ала жипти аттаба— «исключительно честный» (букв. «не перешагнуть через чью-либо пеструю волосяную веревку»); чычканга кебек алдырбаган— «скупой хитрец» (букв. «такой, что мышам не позволит отрубей украсть»).

2. Фразеологизмы, обозначающие различные эмоции человека:

а) радости: төбөсү көккө жет — «быть на седьмом небе» (букв. «его макушка коснулась неба»), кубанычы койнуна батпа —«быть вне себя от радости» (букв. «его радость не помещается в пазуху»);

б) гнева: төбө чачы тик тур — «приходить в ярость» (букв. «его волосы встали дыбом»); каны ичине тарт —«рассвирепеть» (букв. «побледнеть от ярости»);

в) огорчения: бармагын кырча тиште —«выразить раскаяние», «раскаиваться» (букв. «откусить себе палец»), оозун карман— «воздержаться» (букв. «прикрыть ладонью свой рот»);

г) обиды: көңүлү үч көчкөн журттай кал — «сильно обидеться на кого-либо» (букв. «разочароваться в ком-либо так, как будто в трижды откочевавших людях»);

д) сильного желания: эки көзү төрт бол — «быть объектом большого желания» (букв. «его глаза четырьмя стали»); ак эткенден так эт — «сильно желать увидеть кого- либо или что либо» (букв. «он не перестает говорить «ак» и «так»);.

3. Фразеологизмы, обозначающие физическое состояние: жүзүнөн кан там — «кровь с молоком» (букв. «с его лица кровь капет»); кирпигинен тартса жыгылгыдай — «обессиленный, уставший» (букв. «такой, что дерни за ресницу, и он упадет»).

4. Фразеологизмы, обозначающие время, пространство: көзду ачып жумганча — «мигом» (букв. «не успеешь открыть и закрыть глаза»); ак төөнүн карды жарыл — «благодатное время» (букв. «такое время, когда от изобилия разрывается живот белого верблюда»); иттин үнү угулган жер —«совсем близко» (букв. на расстоянии слишимости собачьего лая»).

Литота. В научной литературе, в учебных пособиях по стилистике и в специальных словарях лингвистических терминов мы находим разноречивые определения литоты (10,84; 11,220; 32,218-219; 51,39; 79,166; 83,132; 105,244). Мы определяем литоту как троп, в котором сознательно подчеркивается незначительность предмета речи с точки зрения его размеров, силы, результатов и т. п. В основе фразеологизмов кыргызского языка лежит литота, подчеркивающая незначительность человеческих качеств, его действий, а также предметов и явлений.

1. Фразеологизмы, подчеркивающие незначительность отдельных человеческих качеств, способностей и действий:

а) с точки зрения занимаемого ими положения в обществе: сайда саны, кумда изи жок — «человек, не пользующийся авторитетом» (букв. «он не числится среди речных камешков, его следов нет на песке»);

б) с точки зрения его способности приносить людям пользу: колунан кокон тыйын келбейт — «никудышний человек» (букв. «даже гроши не могут чеканить его руки»);

в) с точки зрения его неспособности приносить вреда: кылына тие алба — «не мочь приносить какого-либо вреда кому-нибудь» (букв. «он не может дотрагиваться до волосинки другого»);

г) с точки зрения полезности какого-либо действия: арадай жерге чарадай жыйын кыл — «за мухой с обухом» (букв. «на малом пространстве сборища с большую чашу»).

2. Фразеологизмы, подчеркивающие незначительность предмета или явления:

а) с точки зрения его общественной ценности: сокур тыйынга арзыбайт — «не стоит и гроша» (букв. «не стоит и ломаного гроша»);

б) с точки зрения его размеров: тырмактын учундай — «мизерный» (букв. «размером с ноготок»), ийненин көзүндөй — «совсем мизерное» (букв. «размером с игольное ушко»).

Антитеза. Фразеологическая антитеза выражается в антонимическом противопоставлении компонентов ФЕ, являющихся антонимами и вне данного словосочетания. Однако некоторые исследователи, и в частности И. Р. Гальперин, утверждают что нельзя рассматривать как антитезы фразеологические единицы, образование которых основано на антонимах, на том основании, что «в этих образованиях, как и во всех фразеологических единицах, значение целого доминирует над значением компонентов. Следовательно, отталкивания, обязательного условия антитезы, здесь не может быть, и поэтому нет антитезы» (32,244). Да, компоненты фразеологизма в своих значениях подчиняются целостному значению фразеологизма, но это отнюдь не означает, что они не обладают семантической автономностью. Исследования фразеологии различных языков в функциональном аспекте привели ученых к следующим выводам: вариативная часть фразеологии составляет ядро фразеологической системы (37,39), фразеологической единице свойственна семантическая членимость (38; 72; 76; 92), и наконец, компоненту ФЕ присущ широкий диапазон варьирования: от несамостоятельного элемента в исходном значении до самостоятельного слова (46,19).

Все это дает нам достаточное основание для того, чтобы считать ФЕ с антонимичными компонентами фразеологической антитезой.

При антитезе сопоставляются противоположные понятия, явления и представления и т. д. Вследствие чего особо подчеркивается, сильнее выделяется контраст, лежащий в основе данного фразеологизма, что и делает фразеологизм экспрессивным.

Фразеологизмы, основанные на антитезе, по своему компонентному составу и по структуре неоднородны. Они распадаются на следующие группы: фразеологизмы, в составе которых количество антонимичных компонентов не более двух и фразеологизмы, в которых количество антонимичных компонентов более двух.

Например: аңды дөңдү караба — «невнимательный, нечуткий» (букв. «он не смотрит ни на ямы и ни на бугры»); акты караны тааныган — «опытный, мудрый» (букв. «он умеет отличать белое от черного»); женилдин асты, оордун үстү менен — «жить легким, но прибыльным трудом» (букв. «по поднизу легкого, по поверхности тяжелого»); оту менен кирип, күлү менен чык — «беспрекословно выполнять всякую работу и терпеть всяческие помыкания» (букв. «заходить в чей-либо дом вместе с огнем и выходить оттуда вместе с золой»).

Фразеологизмы-антитезы по структуре бывают, как и другие фразеологизмы, одночастные и двучастные:

одночастные фразеологизмы-антитезы: ичи-тышы бирдей — «человек, с открытой душой» (букв. «его внутренняя и внешняя стороны, одинаковы»), айырма асман менен жердей — «большая разница» (букв. «разница, как небо от земли»);

б) двучастные фразеологизмы-антитезы: баш көргөндү, көз корбейт — «большая суматоха» (букв. «того, чего видит голова, не могут видеть глаза»); оозунан ак ит кирип, кара ит чык — «изругать, разнести на все корки» (букв. «в его рот заходят белые собаки, и выходят — черные»).

Во фразеологизмах-антитезах, как было сказано выше, антонимичные компоненты, как правило, являются антонимами и вне данного фразеологизма, т. е. антонимами по словарному значению. Однако имеются случаи, когда они могут вступать в антонимичные отношения только в составе данного фрзаеологизма, являясь в лексической системе тематически близкими единицами. Например: оозуң кайсы десе, мурдуң көрсөтөт — «он ни в зуб ногой» (букв. «если его спросят, где твой рот, он покажет нос»); ит менен мышыктай — «быт в враждебных отношениях» (букв. «как собака с кошкой»). В этих примерах антонимичные компоненты ооз — «рот» и мурун «нос», ит — «собака» и мышык — «кошка» в лексической системе являются тематически близкими единицами и приобретают антонимичность только в пределах указанных фразеологизмов.

Фразеологизмы — антитезы неоднородны также и по содержанию. Они подразделяются на две большие группы: фразеологизмы, которые обозначают особо противоречивые и сложные понятия, явления и человеческие характеры и фразеоло-

гизмы, обозначающие сильные эмоции человека.

1. а) фразеологизмы—антитезы, обозначающие безвыходное положение или состояние: бир аягы жерде, бир аягы көктө —«находиться в безвыходном положении или состоянии» (букв. «одна его нога на небе, а другая нога на земле»), оң колунун ачуусун, сол колу менен бас— «проявлять выдержанность» (букв. «унять левой рукой гнев правой руки»);

б) фразеологизмы—антитезы, обозначающие противоречивую сущность определенных явлений: көктөн издегенин жерден тап —«найти легко и без труда, то, что долго и мучительно искал человек» (букв. «найти на земле того, чего искал в небе»);

в) фразеологизмы —антитезы, обозначающие противоречивый характер определенной категории людей: өлүү десең көрдө жок, тирүү десең жерде жок —«ни рыба ни мясо» (букв. «если считать его умершим, то его нет в могиле, если считать его живым, то нет его на земле»), төө десең, бээ дейт —«ты про Фому, а он про Ерему» (букв. «скажешь ему верблюд, а он тебе скажет кобыла»).

2. Фразеологизмы-антитезы, обозначающие сильные эмоции:

а) положительные эмоции: өлгөнү тирилгендей—«быть на седьмом небе» (букв. «так радоваться, как будто кто-то из его умерших воскрес»);

б) отрицательные эмоции: эки чайнап, бир бурк — «разделаться с кем-нибудь в два счета» (букв. «два раза разжевав, один раз выплюнуть»).

Оксюморон. У лингвистов нет единого мнения о природе и сущности оксюморона. Одни считают, что это индивидуальный прием, другие рассматривают его как разновидность антитезы, третьи относят к стилистическим фигурам, построенным на антонимии (10,94; 11,286; 32,144; 51,44; 79,241).

Существование оксюморонных фразеологизмов признается большинством исследователей, но отдельными авторами оно отрицается. Так, например, по мнению И. Р. Гальперина, «оксюмороны не могут по своей природе образовать фразеологические единицы. Семантические отношения между компонентами оксюморонных сочетаний можно определить скорее как центробежные, чем центростремительные, а именно центростремительные семантические отношения являются условием образования фразеологических единиц» (32,146). Между тем, факты кыргызского языка и результаты ряда исследований, проведенных на материале русского, английского и азербайджанского языков, подтверждают обратное (74; 87; 104). Оксюморонные

фразеологизмы определяются некоторыми авторами как «фразеологические обороты со словами- антонимами, представляющие собой оксюморонные структуры, т. е. сочетания друг с другом слов, выражающих прямо противоположные понятия и по этой причине предметно-логически, казалось бы совершенно не соединимых» (88; 81; 105; 118). Такое определение будет слишком узким для кыргызского языка и покрывает лишь незначительную часть оксюморонных фразеологизмов типа «тирүү өлүк» (живой труп), «суудан кургак чык» (выйти сухим из воды), более того, не позволяет провести четкую линию между фразеологизмами -антитезами и фразеологизмами-оксюморонами.

Пожалуй, на первый взгляд может показаться, что фразеологизмы- антитезы и есть фразеологизмы-оксюмороны, поскольку в образовании как первых, так и последних участвуют компоненты с противоположными значениями . Но в действительности между ними есть существенные различия, которые заключаются в том, что в антитезных фразеологизмах компоненты противопоставлены друг другу предметно-логически и обязательным условием их существования является отталкивание. В оксюморонных же фразеологизмах компоненты сами по себе не являются антонимами, но их существование в одном фразеологизме представляется противоречивым и делает содержание фразеологизма алаогичным. Например, жумурткадан кыр тап —«копаться в подноготной» (букв. «находить грань у яйца»). При компонентном анализе в этом обороте слово жумуртка —«яйцо» и слово кыр-«грань» не антонимы, но они противопоставлены друг другу как предмет и его признак, причем отсутствующий признак, что делает их соединение в одном обороте противоречивым, а смысловое содержание, выражаемое этим словосочетанием, алогичным. Именно такое разноаспектное противопоставление, на наш взгляд, отличает оксюморонные фразеологизмы от антитезных, в которых противопоставление одноаспектное и равнообъемное. Вот почему и антитезные и оксюморонные фразеологизмы могут передавать особо противоречивые и сложные понятия и явления действительности, не заменяя друг друга, но каждый по-своему.

Данная закономерность существенна и для тех фразеологизмов-оксюморонов, в которых «одному и тому же объекту действительности приписываются одновременно свойства «быть а» и «быть не-а» (70,238). Например: тилдүү дудук—«говорящий немой» (букв. «немой, у которого есть язык») и многие другие.

Таким образом, оксюморонные фразеологизмы определя-

ются нами как фразеологические единицы, в которых компоненты противопоставлены друг другу как выражение какого-либо понятия и его отсутствующего признака. Притяжение между его противопоставленными компонентами — обязательное условие существования данного оборота как оксюморонной фразеологической единицы.

Итак, между антитезными и оксюморонными фразеологизмами имеются общее и отличное. Их общность заключается в том, что в них компоненты противопоставлены друг другу, но в одном как разные понятия, а в другом—как понятие и его отсутствующий признак, что и составляет их отличие друг от друга.

Логичность смыслового содержания фразеологизмов данной категории состоит именно в алогичной форме его выражения. В них в концентрированной форме выражается противоречивая и сложная природа явлений и фактов действительности. Иными словами, «парадокс действительности выражается также и в словесных парадоксах» (59,139).

Не обычность формы, глубина содержания в сочетании с другими качествами создают особую экспрессию у оксюморонных фразеологизмов.

Возникновение фразеологизмов-оксюморонов в кыргызском языке связано с выражением всякого рода отношений человека к человеку, предметам, явлениям, ко всей окружающей действительности. Для них характерно оценочно-ироническое значение. Они подразделяются на следующие семантические группы:

1. Фразеологизмы, обозначающие взаимоотношения людей: кылдан кыйкым тап— «придираться к мелочам» (букв. «находить у волоска обрезки»); жумурткадан кыр чыгар —«копаться в подноготной» (букв. «находить грань у яйца»).

2. Фразеологизмы, обозначающие оценку человека: кесип алса, кан чыкпайт — «скряка, сквалыга» (букв. «кровь не пойдет, если отрезать от его тела кусок мяса»), ташы өйдө кула — «преуспевать» (букв. «его камень вверх катится»).

3. Фразеологизмы, обозначающие трудное положение: колу, буту жипсиз байлан — «безвыходное положение» (букв. «быть связанным без веревки по рукам и по ногам»).

4. Фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние человека: өлбөгөн төрт шыйрагы кал—«осрамиться; опозориться» (букв. «живыми остались у него только четыре голени»); күйбөгөн жери күл бол—«обозлиться» (букв. «в пепел превратилось то место его тела, которое не горело»).

5. Фразеологизмы, обозначающие отрицательное отношение человека к другому человеку: көрөйүн деген көзү жок — «ненавидеть кого-либо» (букв. «у него нет глаз, которыми бы он мог его видеть»).

6. Фразеологизмы, обозначающие мотивы поведения человека: бөйрөктөн шыйрак чыгар —«придираться без оснований», «от малых дел требовать больших, недостижимых результатов», «добиваться от малых дел большой выгоды» (букв. «из почек ножки доовывать»), кактабай канын сор — «вытягивать все жилы из кого-либо» (букв. «не сосав, высосать всю кровь из кого либо»).

7. Характер деятельности человека: төбөсү менен жер каз — «выполнять тяжелую физическую работу» (букв. «рыть землю головой»); көтү менен күл— «курам на смех» (букв. «смеяться задницей»).

Ирония. Ирония является тропом, состоящим в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному, с целью открытой или скрытой насмешки (11,185; 79,137; 83,98).

Среди фразеологизмов кыргызского языка имеются и такие, в основе которых лежит ирония. С точки зрения реальности фактов, которые обозначают иронические фразеологизмы их можно разделить на две группы:

а) фразеологизмы, основанные на реальных фактах: ак койдон аңкоо, боз койдон момун —«хитрый, пронырливый», мошенник, жулик» (букв. «смирнее серой овцы, простосердечнее белой овцы»);

б) фразеологизмы, основанные на ирреальных фактах: төөнүн куйругу жерге тийгенде —«никогда» (букв. «когда хвост верблюда коснется земли»).

В пределах этих групп фразеологизмы данного класса подразделяются на фразеологизмы, в которых буквальное значение положительное, но реальное значение-отрицательное: ала конду бөлө кырк —«поступать нечестно, несправедливо» (букв. «стриг шерструю овцы, разделив ее на две части») и фразеологизмы, в которых буквальное значение отрицательное, но фразеологическое значение—«положительное»: чөмүчтөгү сууга чогун олойун —«выражает лже-клятву» (букв. «пусть я утону в воде, которая находится в половнике»).

Иронические фразеологизмы по их семантике могуть быть подразделены на следующие группы:

1. Фразеологизмы —обещания: кызыл кар жааганда —«никогда» (букв. «когда выпадет красный снег»); өгүз тууганда— «никогда» (букв. «когда родит кастрированный бык»).

2. Фразеологизмы —клятвы: мурдумду кесип берейин — «выражает лжеклятву» (букв. «отрежу свой нос и отдам»); ка-

шыктагы сууга калкып өлөйүн —«выражает лжеклятву» (букв. «пусть я утону в воде, которая находится в ложке»).

3. Фразеологизмы-пожелания (добра или зла): жолуң болгур—«скатертью дорога» (букв. «пусть у тебя будет дорога»); тукумуң өскүр—«будь ты многодетным» (букв. «чтоб твое потомство возросло и преуспело»). Эти фразеологизмы, хотя имеют положительное буквальное значение —благожелание — обычно употребляются в отрицательном значении, в значении запугивания, мягкого ругательства (86,161).

Перифраза. Суть перифразы заключается в замене названия лица, предмета или явления описанием их существенных признаков или указанием на их характерные черты (10,87; 11,312; 32,158; 79,271; 83,203-204). Проф. И. Р. Гальперин различает перифразы логические и образные. Логическими перифразами называются такие, которые, выделяя какую-то черту предмета, определяя по-новому понятие, не имеют в своей основе какого-либо образа. В основе же образной перифразы лежит метафора или метонимия (32,164).

Перифрастические фразеологизмы представляют собой образные перифразы и занимают заметное место в арсенале экспрессивных средств кыргызского языка. Ядром перифрастических фразеологизмов являются те фразеологизмы, в которых описывается человек: его взаимоотношения, поведение, характер, эмоции и оценки, а также тесно связанные с ним понятия о родственных связях, родине и другие.

Можно указать на следующие группы перифрастических фразеологизмов кыргызского языка:

1. Человек как особый вид животных: буту менен жүрүп, мурду менен тынгандар —«люди» (букв. «те, которые ходят ногами и дышат носом»); башы кара, буту айры —«человек» (букв. «тот, у кого голова черная, а ноги раздвоены»).

2. Основные вехи человеческой жизни:

а) рождение: көз жар —«родиться» (букв. «распороть глаза»), жарык дүйнөгө кел—«родиться» (букв. «приходить в светлый мир, или появиться на свет»);

б) младенчество: сары ооз балапан —«младенец» (букв. «желторотый птенчик»), кызыл чиедей—«(о детях) совсем малые» (букв. «как красная —вишня»).

в) детство: ойноо бала секелек., өрүмгө чачы жете, элек — «еще ребенок» (букв. «ребенок, в игральном возрасте, у которого волосы не так длинны, чтобы можно было бы заплетать их в косы»); бешиктен бели чыга элек—«молоко на губах еще не обсохло» (букв. «его талия еще находится в колибели»); эне сүтү оозунан кете элек —«молоко на губах еще не обсохло» (букв. «у него материнское молоко еще не ушло изо рта»);

г) юность: көзү ачыла элек күчүк—«совсем молодой, у которого еще нет достаточного жизненного опыта» (букв. «щенок, у которого еще не открылись глаза»);

д) возмужалость: ата сакалы оозуна бүткөн —«совсем взрослый» (букв. «у него борода уже как у отца»).

е) пожилой возраст: бир кырды (или кыяны) аш —«человек пожилого возраста» (букв. человек, переваливший один перевал»);

ж) старость: жээрин жеп, ичерин ичкен —«старик или старуха» (букв. «тот, кто уже съел и выпил, то что ему полагалось»);

з) конец жизненного пути: күнү бат —умереть (букв. «солнце его закатилось»): дүйнөдөн кайт—«скончаться» (букв. «возвращаться из мира сего»).

3. Фразеологизмы, указывающие на самостоятельную семейную жизнь:

а) женитба: баш кош — «пожениться, выйти замуж» (букв. «соединить головы»); бир жаздыкка баш коюп, бир жуур капдан бут чыгар—«стать супругами» (букв. «разделять с кем нибудь одну подушку и одно одеяло»);

б) обзавестись семьей: өз алдынча түтүн булат — «обзавестись семьей» (букв. «самостоятельно клубить дым»);

в) первая женитба: көз ачып көргөнүм, ооз ачып өпкөнүм первый ребенок, «первый муж или первая жена»—(букв. «тот, кого я увидел, открыв глаза, тот, кого я поцеловал, открыв рот»);

г) беременность: эки кат бол — «быть в положении» (букв. «стать двуслойной»);

д) деторождение: көз жар —«родить ребенка» (букв. «распороть глаза»);

е) иметь грудного ребенка: эки колу боорунда — «женщина, которая имеет грудного ребенка» (букв. «у нее руки на груди»);

ж) дети: ичтен чыккан ийри жылан — «родной ребенок» (букв. «кривая змея, вышедшая изнутра»); көкүрөк күчүк — «последний и любимый ребенок» (букв. «грудной щенок»);

з) многодетность: этек жеңи жайыл — «(о женщине) ро-

жать много детей» (букв. «полы и рукава ее платья раскрылись»); көшөгөсү көгөр — «счастливое супружество» (букв. «у нее процветает занавес»);

и) бездетность: этеги кирдебе — «(о женщине) не рожать» (букв. «у нее полы не загрязнились»); көлөкө эрчитпе — «не иметь детей» (букв. «ходить без тени»);

й) измена: башынан атта — «изменить мужу или жене» (букв. «перепрыгнуть через голову (мужа или жены»); көзүнө чөп сал —«изменить мужу или жене» (букв. «класть траву в глаза (мужа или жены»); этегин бастыр — «изменить мужу» (букв. «разрешить (или позволять) кому-нибудь наступить на полы своего платья»).

к) повторная женитьба: төшөк жаңырт — «жениться повторно» (букв. «сменить постель»); шейшеп жаңырт—«жениться повторно» (букв. «сменить простыню»).

4. Фразеологизмы, в которых дается оценка человеку. Диапазон оценки довольно широк и весьма разнообразен: охватывает практически всю деятельность человека, его взаимоотношения, поведение, характер. Среди фразеологизмов данной группы четко выделяется противопоставление по следующим признакам;

а) по классовой принадлежности: бечарага белин чечкизип, букарага бутун тарткызган — «представитель «верхушки» (букв. «тот, кто заставляет бедных распоясать его, тот, кто заставляет простой народ разувать его»); кара тапан эл —«простой народ» (букв. «люди с черными пятками»);

б) по имущественному богатству: чириген бай —«очень богатый» (букв. «гнилой богач»); итке минген кедей — «крайне бедный» (букв. «такой бедный, что ездит на собаке»);

в) по достатку в питании: жегени алдыда, жебегени артында —«жить в изобилии» (букв. «то, что он ест, находится у него впереди, то, что он не ест, —позади»).

г) по достатку в одежде: бирди кийип, бирди чеч —«иметь богатый гардероб» (букв. «надевать одну, снимать другую (одежду»); этеги тизесине жетпе—«жить в бедности» (букв. «полы его одежды не достают его колены»);

д) по способности что-либо делать: колунан көөр төгүлгөн — «золотые руки», «мастер на все руки» (букв. «из его рук сыплются драгоценные камни»); колунан кокон тыйын келбе — «ни к чему неспособный» (букв. «даже грошей не могут чеканить его руки»);

е) по отношению человека к выполняемой им работе: колу Кокондо, буту Букарда —«вылезать из кожи вон» (букв. «у него руки в Коканде, а ноги в Бухаре»); чөптүн башын сындырба — «палец о палец не ударить о что-либо» (букв. «не сломать верхушки травы»);

ж) по одаренности к красноречию: таңдайынан чаң чык — «говорить очень красиво, складно и убедительно» (букв. «с его нёба пыль слетает»); эки сөздүн башын бириктире алба «быть неспособным к красноречию» (букв. «он не может связать вместе двух слов»);

з) по открытости души: ичи-тышы бирдей — «откровенный человек» (букв. «он изнутри и снаружи одинаковый»); ичинде ит өлгөн — «скрытый человек» (букв. «у него в нутре сдохла собака»);

и) по особенностям взаимоотношений: арасынан кыл өтпө—«быть в дружеских отношениях» (букв. «между ними и волосинка не пройдет»); ит менен мышыктай — «быть в раздорах» (букв. «как собака с кошкой»);

й) по особенностям характера: дүйнөнү суу каптаса, кызыл ашыгына чыкпайт —«беспечный, тяжелый на подъем» (букв. «если будет всемирный потоп, ему по лодыжке»); уу десе, дуу дейт — «из мухи слона делать» (букв. «скажут «уу», он скажет «дуу», т. е. из-за маленького случая большую тревогу объет»);

к) по особенностям поступка: төбөсүнө көтөр —«нежно ухаживать за кем-либо» (букв. «поднять кого-либо на голову»); төбосүнө чай кайнат—«доканать кого -либо» (букв. «вскипятить чай на его макушке»);

л) по справедливости: кара кылды как жарган —«справедливый» (букв. «расщепивший черную волосинку на две равные части»); колу ийри —«нечестный» (букв. «у него руки кривые»);

м) по щедрости: колу ачык —«щедрый» (букв. «его рука открытая»); колу чүрүш—«скряга» (букв. «его рука сжатая»);

н) по известности: аттын кашкасындай белгилүү — «очень известный» (букв. «известный как белая звездочка коня»); сай да саны жок —«неизвестный» (букв. «он не числится среди речных камешков»);

о) по моральной чистоте: сүттөй ак—«человек, кристальной чистоты» (букв. «белый, как молоко»); кара бет—«опозоренный, осрамленный» (букв. «черное лицо, намазенное сажей»);

п) по внешной привлекательности: жылдызы ысык — «человек, с привлекательной внешностью» (букв. «его звезда теплая»); ырацы суук —«отталкивающая внешность» (букв. «его внешность холодная»);

р) по состоянию здоровья: жүзүнөн кан тамган — «здоро-

вый, кровь с молоком» (букв. «с его лица капет кровь»); каобыргасы санал —«кожа да кости» (букв. «видны его ребра»);

с) по эмоциональному состоянию: төбөсү көккө жет—«быть на седьмом небе» (букв. «головой коснуться неба»); кабагына кар жаап, мурутуна муз тоң —быть в мрачном состоянии»; (букв. «на его веки выпал снег, на его усах лед намерз»);

т) по готовности оказать помощь; үзүлгөнүн улап, чачылганын жыйна —«оказывать всяческую помощь» (букв «связать то, что у него оторвалось, собирать то, что у него рассыпалось»).

5. Фразеологизмы, обозначающие понятие «родина»: киндик кесип, кир жууган жер—«родина» (букв. «та местность, где отрезали пуп и стирали белье»); ата конуш —«отечество» (букв. «та местность, где поселился отец»).

6. Фразеологизмы, обозначающие понятия «время» и «пространство»:

а) атам замандан бери — «с давних пор» (букв. «со времен Адама»); жер каймактагандан бери —«с давнейших пор» (букв. «со времен, как только земля начала образовываться»). Фразеологизмы данной группы могут не только констатировать фактор времени как объективную действительность, но и указать на субъективную оценку его: кой үстүнө торгой жумурткалаган заман — «благодатное время» (букв. «такое время, когда жаворонки гнездятся на овечьей шкуре»); ак төөнүн карды жарылган маал —«время, когда всего в изобилии» (букв. «такое время, когда живот белого верблюда лопается от изобилии»);

б) тай чабым жерде — «не так далеко» (букв. «на расстоянии жеребячьего пробега»); иттин үнү угулган жерде —«рукой подать» (букв. «на расстоянии слышимости собачьего лая»).

Олицетворение. Оно заключается в приписывании неодушевленному предмету, отвлеченному понятию или живому существу, не наделенным сознанием, качеств или действий, присущих человеку (11,286; 79,241; 83,176).

В кыргызском языке на олицетворении основаны, главным образом, те фразеологизмы, которые связаны с выражением чувств человека. Они составляют небольшую группу, со следующими опорными компонентами: көңүл— «душа», жан — «душа», жин —«спесь», ачуу —«злость», жүрөк — «сердце», үрөй —«лицо» кыртыш —«кожа».

1. Фразеологизмы с компонентом «көңүл»: көңүлү кел — «быт в духе (букв. «пришла его душа»), көңүлү тын (или жайлан) — «успокоиться» (букв. «успокоилась его душа»), көңүлү көтөрүл — «настроение поднялось» (букв. «вверх поднялась его душа»), көңүлү чөк — «падать духом» (букв. «пала его душа»), көңүлү оору —«обидеться на кого-либо» (букв. «его душе стало больно»).

Эти фразеологизмы часто вступают между собой в синонимические и антонимические отношения:

а) синонимические отношения: көңүлү тын —«успокоиться» (букв. «успокоилась его душа»); көңүлү жайлан — «успокоиться» (букв. «его душа нашла свое место»);

б) антонимические отношения: көңүлү көтөрүл —«настроение поднялось» (букв. «вверх поднялась его душа»); көңүлү чөк — «падать духом» (букв. «пала его душа»).

2. Фразеологизмы с компонентом «ачуу» — и «жин» — которые объединияются вокруг понятия «выйти из себя»: ачуу су кел — «разозлиться» (букв. «его злость пришла»), ачуусу чыш —«выйти из себя» (букв. «его злость вышла»), жини кел— «злиться» (букв. его спесь пришла»), жини чык—«выйти из себя» (букв «его спесь вышла»).

3. Фразеологизмы с компонентом «жүрөк» — и «үрөй» — образуют синонимический ряд с общим понятием «страх» үрөйү уч — «сильно испугаться» (букв. «его лицо улетело, т. е. у него не было лица»), жүрөгү үшү—«становилось жутко» (букв. «его сердце задрожало от холода»).

4. Фразеологизм, с компонентом жан —«душа» в сочетании с компонентом «чык»-«выходить» является многозначным и входит с такими фразеологизмами как ачуусу чык —жини чык «выйти из себя» в один синонимический ряд, а с такими фразеологизмами как үрөйү уч, —жүрөгү үшү «сильно испугаться» —в другой ряд.

5. Фразеологизмы с компонентом кыртыш —«кожа» и тери —«шкура» со стержневым понятием «недолюбливать» также образуют самостоятельный синонимический ряд: кыртышы сүйбө— «недолюбливать» (букв. «его коже неприятно»), тери сүйбө— «недолбюливать» (букв. «его шкуре неприятно»).

Эвфемизм. Троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении предмета, явления или лица (11,521; 79,533; 83,402).

В кыргызском языке немало фразеологических единиц, в основе которых лежит эвфемизм. Они связаны, главным образом, с женщиной, и следовательно, с семьей, а также с жизнью и с окончанием жизненного пути человека.

1. Фразеологизмы, обозначающие понятия «женщина» и «семейная жизнь». Фразеологизмы данной группы подразделяются на следующие подгруппы:

а) замужество: бирөөнүн этегин карма — «выйти замуж» (букв. «держаться за полы чьей -либо одежды»);

б) беременность: кош бойлуу — «беременная» (букв. «двуслойная»); оор аяк—«женщина, в положении» (букв. «тяжелая нога»);

в) деторождение: бойдон бошон — «разрешиться от бремени, родить» (букв. «освободиться от тела»);

г) многодетность: этек-жеңи жайыл — «родить много детей» (букв. «полы и рукава ее платья раскрылись»);

д) бездетность: согончогу канаба —«не рожать детей» (букв. «женщина, у которой пятки не покрывались кровью»), куу шыйрак —«бесплодная женщина» (букв. «сухоногая»);

е) легкомысленность: аягы суюк — «непутевая, распутная, ветреная женщина» (букв. «у нее ноги жидкие»); этек-жеңи тайкы — «легкомысленная женщина» (букв. «полы и рукава ее короткие»);

ж) потерят мужа: жесир кал —«остаться вдовой» (букв. «остаться без мужа»); кара элечек бол — «вдова в трауре» (букв. «становиться черным тюрбаном»).

2. Фразеологизмы, связанные с жизнью человека, его существованием: алтын башы аман бол —«быть живым и здоровым». (букв «будь живой его золотая голова»); көзү тирүү — «еще жив» (букв. «его глаза живы»); төрт көзү түгөл — «все члены семьи живы и здоровы» (букв. «его четыре глаза все на месте»); күн көр—«жить» (букв. «видеть солнца»); топурактан тышкары —«существовать» (букв. «находиться вне пыли»).

3. Фразеологизмы, обозначающие окончание жизненного пути человека. Они составляют самую многочисленную группу. Многочисленность эвфемистических фразеологизмов, обозначающих конец жизненного пути человека отмечена также исследователями других языков (71,79). Возможно, это связано с усиленной творческой деятельностью наших предков по созданию новых и новых выражений, передающих понятие «смерть» в более зауалированной форме с целью обмануть злых духов, приносящих ее людям. Это подтверждается тем, что такое поверье существует среди многих народов мира и поныне. Прекрасную иллюстрацию этому мы находим в повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий по краю моря».

Фразеологизмы этой группы, в свою очередь, подразделяются на следующие подгруппы: фразеологизмы, связанные с религиозными поверьями, с действием различных природных явлений, с действиями человека, с окончанием питания и, наконец, связанные с исчезновением вещей, которые принадлежали человеку.

3.1. Фразеологизмы, связанные с религиозными поверьями:

а) связанные с поверьем о существовании ангела, который, по приказу бога, забирает у людей их душу: жан алгыч —«ангел смерти» (букв. «тот, кто забирает душу»), жанын ал —«умертвить» (букв. «забирать его душу»), жан бер —испустить последний вздох» (букв. «отдать душу»), ажалы жет —«его смертный час пробил» (букв. «его смерть пришла»);

б) связанные с поверьем о загробной жизни: чын дүйнөгө кет — «умереть» (букв. «уходить в настоящий мир»), жалган дүйнөдөн кет —«умереть» (букв. «уходить из ложного мира»), акыретке жөнө—«умереть» (букв. «отправиться в загробный мир»);

3.2. Фразеологизмы, связанные с действием различных природных явлений:

а) с заходом солнца (луны): күнү (айы) бат —«умереть» (букв. «закатилось (закатилась) его солнце (луна)»);

б) с действием земли: жер жут —«исчезнуть» (букв. «его проглотила земля»).

3.3 Фразеологизмы, связанные с действиями человека

а) с усыпанием: түбөлүк уйкуга кет —«умереть» (букв. «уходить в вечный сон»), көз жум —«умереть» (букв. «закрыть глаза);

б) с отправлением в путь: акыретке жол тарт —«умереть» (букв. «отправиться в последний путь»);.

в) с возвращением из путешествия: дүйнөдөн кайт —«скончаться» (букв. «возвращаться из сего мира»);

г) с прощаньем с кем -либо: дүйнө менен коштош —«скончаться» (букв. «прощаться с миром»);

д) с разрывом связей с кем-либо: дүйнөдөн кол үз —«умереть» (букв. «порвать связь с миром»);

е) с заходом в помещение: кара жерге кир —«испустить дух» (букв. «заходить в темную землю»);

ж) с лежанием в постели: жер жастан —«погибнуть» (букв. «укрыться землею»);

з) с закрытием чего-либо в землю: жерге көмүл— «умереть» (букв. «зарыться в землю»).

3.4 Фразеологизмы, связанные с исходом питания человека:

а) с исходом еды: ырыскысы түгөн— «умереть» (букв. «кончилась его доля в мирских благах»);

б) с окончанием питьевой воды: ичер суусу түгөн— «умереть» (букв. «у него кончилась вода»).

3.5 Фразеологизмы, связанные с исчезновением вещей, которыми пользовался человек: жаздыгы куру —«умереть»

(букв. «его подушка высохла»); аты өч —«умереть» (букв. «его имя погасло»).

Известно, что процесс наступления смерти может быть постепенным или скоропостижным. С точки зрения отражения характера данного процесса, фразеологизмы обсуждаемого класса состоят из двух подгрупп: к первой подгруппе относятся все фразеологизмы, входящие в 3,1—5, которые обозначают понятие «смерть» как постепенный, естественный и закономерный процесс. Вторую подгруппу составляют фразеологизмы, характеризующие смерть как скоропостижный, неестественный и незакономерный процесс: мерт бол —«умереть, погибнуть» (букв. «скончаться скоропостижно»), колдуу бол —«быть уонтым» (букв. «умереть от чужих рук»); өз жанын кый —«наложить на себя руки» (букв. «рубить свою душу»).

Имеются специальные устойчивые словосочетания с общим значением характеристики особенностей данного явления. Например: өз ажалы менен өл —«умереть своей смертью» и бе ажал өлүм— буквально: означает «смерть без смерти», т. е. умереть не своей смертью.

Из вышеизложенного ясно, что в кыргызском языке эвфемистические фразеологизмы обозначают понятия, связанные, главным образом, с женщиной, семейной жизнью, существованием человека, окончанием его жизненного пути и создают ореол экспрессии вокруг этих понятий.

СРАВНЕНИЕ— это сопоставление двух лиц, предметов или явлений на основе какого-либо общего признака с тем, чтобы глубже раскрыть сущность одного из них при помощи другого. Его стилистическая функция заключается в создании художественной выразительности (11,450; 79,459; 83,327).

Сравнение лежит в основе значительного количества фразеологизмов кыргызского языка. Оно придает фразеологизмам экспрессивность, делая их одним из важных выразительных средств языка. Сравнительные фразеологизмы выражают понятие ярко, красочно и образно, глубоко раскрывают их суть. В этом плане трудно согласиться с мнением, встречающимся в отдельных учебных пособиях по стилистике, согласно которому экспрессивность, эмоциональность и оценочность присущи только речевым сравнениям, а языковые сравнения этими качествами не обладают (105,239—240).

В кыргызском языке сравнительные фразеологизмы в основном образуются с помощью аффикса—«дай» с его алломорфами. Эти фразеологизмы весьма разнообразны по своей семантике и тематике. Для них характерно- оценочно-характерологическое значение. Центральным среди тематических раз-

рядов сравнительных фразеологизмов является опять-таки человек с его взаимоотношениями, оценкой природных и общественных явлений, самооценкой.

По семантике выделяются следующие основные группы сравнительных фразеологизмов, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие группы:

1. Фразеологизмы, отражающие взаимоотношения людей:

а) дружбы: майдай-сүттөй бол — «быть в дружеских отношениях» (букв. «как масло и молоко»); эриген коргошундай— «быть в самых близких отношениях» (букв. «как расплавленный свинец»);

б) вражды: от менен суудай —«быть в враждебных отношениях» (букв. «как огонь и вода»), ит менен мышыктай — «быть в раздорах» (букв. «как собака с кошкой»);

2. Фразеологизмы, отражающие различные чувства человека по отношению к другому человеку:

а) любви: жаныңдай көр — «обожать» (букв. «любить, как свою душу»), кара чечекейиндей көр —«считать своим самым близким, родным, верным, лучшим человеком» (букв. «считать хрусталиками своих глаз»);

б) уважения и близости: атасындай көр—«уважать кого-либо как своего отца» (букв. «считать кого -либо своим отцом»);

в) ненависти: жиниңдей көр—«ненавидеть» (букв. «ненавидеть кого-либо, словно свою спесь»);

г) отвращения: көкөйүнө көк талкандай тий— «надоедать кому-нибудь», «вызывать отвращение у кого-либо» (букв. «ему надоело, как толокно без жира»);

д) разочарования: көңүлү үч көчкөн үйдөй кал —«сильно разочароваться» (букв. «разочароваться в ком-либо или в чем-либо так, как в трижды покинутом доме»).

3. Фразеологизмы, в которых характеризуется человек по:

а) внешности и физическому состоянию: опол тоодой — «громадина», «человек с крупным телосложением и физической мощью» (букв. «словно большая гора»), ийне жеген иттей — «исхудалый, изможденный» (букв. «как собака, проглотившая иголку»);

б) внешнему сходству: эки тамчы суудай —«как вылитый» (букв. «как две капли воды»), эгиз козудай —«очень похожие» (букв. «словно ягнята-двойняжки»), союп каптагандай— «как вылитый» (букв. «как одетый в шкуру другого»);

в) общественному положению: аттын кашкасындай —очень знаменитый» (букв. «выделяется среди других, как белая звездочка коня»); иттин кийинки шыйрагындай —«человек, не пользующийся авторитетом» (букв. «как задние ноги собаки»);

г) эмоциональному состоянию: буту күйгөн тооктой — «сильно обеспокоенный» (букв. «словно курица, у которой горят ноги»); чок баскандай—«как ужаленный» (букв. «словно наступивший на красные угли очага»);

д) моральному состоянию: канаты кайрылган куштай — «потерять престиж» (букв. «словно птица со сломанными крыльями»); ит талаган түлкүдөй —«быть объектом словесных нападок» (букв. «словно лиса, которую потрепали собаки»);

е) умению выполнять какую-либо работу; камырдан кыл суу ругандай —«делать что-либо очень искусно» (букв. «вытаскивать что-либо, как волосинку из теста»);

ж) отношению к предметам, вещам и богатству: сары майдай сакта— «бережно хранить что-либо» (букв. «хранить, беречь что-либо, как топленое масло»); самандай сапыр —«швырять деньгами (богатством) налево и направо» (букв. «разбросать как солому»);

з) знанию чего-либо или кого-либо: беш колунда;й бил — «знать, как свои пять пальцев», суудай бил — «прекрасно знать язык» (букв. «знать как знает воду»).

4. Фразеологизмы, характеризующие состояние, изменение или движение природных явлений:

а) состояние: кулак, мурун кескендей — «мертвая тишина» (букв. «словно отрезаны уши и нос»), чымын учса угулчудай — «гробовая тишина» (букв. «такая тишина, что слышен даже пролет мухи»);

б) резкая остановка движения или действия чего-либо: кан буугандай токто —«внезапная остановка» (букв. «словно кровь перестала идти»); суу сепкендей —«совершенно затихло» (букв. «стало совсем тихо, как будто облили водой»);

в) изменение: жылан сыйпагандай —«все дотла, все под метелку» (букв. «словно всюду змея прошла»).

Символизм. В живом речевом общении, как известно, участвует множество факторов, относящихся к так называемым паралингвистическим средствам (жесты, мимика и др.). Эти средства играют важную роль в процессе коммуникации. «Участие паралингвистических средств в коммуникации, — пишет Г. В. Колшанский, — имеет двойственный характер — с одной стороны, именно существование паралингвистических способов выражения коммуникации делает возможным употребление «свернутых» словесных фраз, а с другой, —они же служат компенсирующим фактором речи» (47,17).

В процессе развития языка эти сопутствующие средства речи типизируются в конкретной сфере языкового общения, благодаря чему приобретают способность выступать самостоятельно, вне прямой связи с вербальным текстом (например, движение головы — «да», «нет»; жест руками —«не согласен», «неверно» и т. д.).

На последующем этапе эти мимические или жестовые движения получают языковое выражение в виде описательных словосочетаний типа кол шилте —«махнуть рукой», ийнин куушур— «пожимать плечами», совмещающих в себе прямое и косвенное значения, обозначая, с одной стороны, какое-либо мимическое или жестовое движение, а с другой стороны — какое-либо символическое понятие. Такие словосочетания некоторые исследователи безоговорочно относят к области фразеологии, называя их языковыми или жестовыми фразеологизмами, либо фразеологическими совмешенными омонимами, в основе которых лежит жестовый или мимический образ (8; 49; 80), а другие, ввиду того, что многие из этих словосочетаний актуально (в наши дни) отражают живую мимику или жестикуляцию, а символическую семантику приобретают лишь вторичным образом, считают едва ли правильным классифицировать их как фразеологизмы. По их мнению такие словосочетания могут считаться фразеологизмами только в том случае, если они лишены способности отражать живую мимику и жестикуляцию и сохраняют за собой лишь символическое значение (27,45). Иными словами, у них должен отсутствовать прототип с прямым значением, однако существование же прототипа фразеологической единицы в языке —явление закономерное. Поэтому при определении фразеологичности того или иного словосочетания прежде всего, на наш взгляд, должна приниматься во внимание его переосмысленность и устойчивость, а не существование или отсутствие его прототипа с прямым значением.

Символ в данной работе понимается как определенный жестовой или мимический образ, лежащий в основе данного фразеологизма, а сам фразеологизм называется символическим, ибо он служит символом определенного понятия. Эти фразеологизмы могут совпадать по внешней форме с переменными словосочетаниями, но могут и не иметь подобных соответствий. В случае совпадение фразеологизма и переменного словосочетания с непереосмысленным значением «индикатором реализации единицы определенного типа является контекст» (97,119).

В кыргызском языке существуют довольно многочисленные символические фразеологизмы с мимическим или жестовым образом. В зависимости от того, какой образ лежит в их основе, эти фразеологизмы делятся на две большие группы,

фразеологизмы, в основе которых лежит жестовый образ и фразеологизмы с мимическим образом.

1. Фразеологизмы, в основе которых лежит жестовый образ:

а) движение головы: баш көтөр — «не подчиняться», «восставать» (букв. «поднять голову»), баш тарт —«уклоняться», «отлынивать от чего-либо» (букв. «вскинуть голову назад»), баш ий — «подчиняться», «покоряться» (букв. «склонять голову»), баш ур — «просить прощения», «просит помилования» (букв. «склонять голову»);

б) движение шеи: моюн сун —«сдаться», «поддаться» (букв. «вытянуть шею»), моюн бербе— «не подчиняться», «не сдаться» (букв. «не давать шею»), моюн толго —«решительно противиться», «наотрез отказаться» , моюнга кур сал —«выразить покорность», «покориться», «просить помилования» (букв. «наложить (себе) на шею пояс»);

в) движение груди: көөдөнүн көтөр —«задирать нос» (букв. «поднять свою грудь вверх»), төшүн как —«хвастаться» (букв. «бить себя в грудь»);

г) движение руки или рук: колтук ач —«выдать секреты», «показать трусость» (букв. «открыть подмышку»), кол көтөр «сдаться», «голосовать» (букв. «поднимать руку»), кол куушур — «знак уважения и послушания» (букв. «скрестить руки на груди»), алаканын жай—«удивляться» (букв. «развадить руками»), беш колун оозуна сал-«показать жадность» (букв. «засунуть в рот пять пальцев»), эки колун мурдуна тыгып кал — «остаться с носом» (букв. «остаться с руками, засунутыми в ноздри»), санына чапкыла —«выразить сожаление», «раскаиваться» (букв. «бить себя по бедрам»), тизесин кучактап отур —«сидеть сложа руки» (букв. «сидеть обняв колени»), эки колун аркасына алып жүр—«бить баклуши» (букв. «ходить, сложив руки за спину»), жакасын карман —«удивляться, «испугаться» (букв. «схватиться за свой воротник»);

д) движение колени: тизе бүк —«показать трусость» (букв. «сгибать колени»);

е) движение всего корпуса тела: далысын сал —«выразить неприязнь» (букв. «повернуться спиной»), бутуна жыгыл—«умолять, упрашивать» (букв. «бросаться кому-либо в ноги или припасть к чьим -либо ногам»), алдынан өт —«обратиться с почтительной просьбой к кому-либо» (букв. «пройти мимо него»);

ж) движение ног: сунган бутун жыйба —«выразить неуважение, невежливость, недружелюбие» (букв. «не поджимать вытянутые ноги»), бут тос —«вставлять палки в колеса» (букв. «дать подножку»).

2. Фразеологизмы, в основе которых лежит мимический образ:

а) движение глаз: көзүнүн төбөсү менен кара — «злобно, враждебно посмотреть» (букв. «посмотреть исподлобья»), көзүнүн агы менен кара — «злобно, враждебно посмотреть» (букв. «посмотреть белками глаз»), көзүн ачып жүр—«быть начеку» (букв. «ходить с открытыми глазами»), көзү умачтай ачыл —«проучиться, получить жизненный урок» (букв. «его глаза широко открылись»), көзү түш —«влюбиться» (букв. «выпал его глаз»), көз жум —«умереть» (букв. «закрыть глаза») көз жум —«делать что-либо наугад» (букв. «закрыть глаза»);

б) движение век: кабагын карыш сал —«быть в мрачном состоянии» (букв. «опустить веки длиною в одну пядь»), кабагын чыты —«дать кому-либо знать свою неприязнь» (букв. «сморщить веки»), кабагы ачыл—«стало весело» (букв. «его веки открылись»), кабак кашы ачык —«веселый, жизнерадостный человек» (букв. «его веки и брови открыты»);

в) движение носа: мурдун чүйрү—«выразить пренебрежение» (букв. «сморщить нос»), мурдун көтөр—«задирать нос»;

г) движение зубов: тишин тишине кой —«проявлять терпимость» (букв. «ставить зуб на зуб»), тишин кайра—«точить зубы на кого-либо» (букв. «точить зубы»), бармагын тиште — «выразить огорчение, сожаление», «раскаиваться» (букв. «укусить себе палец»), тиши өт—«ему это по зубам», тиши өтпө— «ему не по зубам» (букв. «его зубы не режут»);

д) движение языка: таманын жала — «подхалимничать» (букв. «лизать пятки кому -либо»), тил тийгиз — «оскорбить кого-либо» (букв. «коснуться языком»);

е) движение губ: тишинин агын көрсөт —«делать вид» (букв. «показывать белизну своих зубов»);

ж) движение рта: ооз учунан —«неохотно, еле-еле» (букв. «кончиком рта»), оозун арандай ач—«удивляться, изумляться» (букв. «широко открыть рот»);

з) движение рта и носа: оозу мурду кыйшайба —«поступить нагло» (букв. «его рот и нос не кривятся»).

Символические фразеологизмы могут входить в синонимические или антонимические отношения как в пределах каждой группы, так и в рамках данной категории.

1.1 Фразеологизмы- синонимы, в основе которых лежит жестовой образ. Синонимические ряды образуются вокруг следующих понятий:

а) сдаться, покоряться: баш ий—, моюн сун—, кол көтөр

—, колтук ач;

б) просить помилования: баш ур—, бутуна жыгыл—, мойнуна кур сал —, кол куушур—;

в) сопротивляться: баш көтөр—, баш ийбе—, моюн сунба—, моюн бербе—;

г) отказаться наотрез: баш тарт», моюн толго—;

д) показать трусость: тизе бүк—, колтук ач—;

ж) бездельничать: эки колун аркасына алып жүр, эки колун куушуруп отур, тизесин кучактап отур;

з) выражать неприязнь: далысын сал, —сыртын сал—, сунган бутун тартпа—;

и) выражать удивление: алаканын жай—, жакасын карман—;

й) задирать нос: боюн көтөр—, көөдөнүн көтөр—, мурдун көтөр—;

1.2. Фразеологизмы-антонимы, в основе которых лежит жестовой образ:

а) покоряться —не покоряться: баш ий—, моюн сун—, баш көтөр—, баш ийбе—, моюн сунба—, моюн бербе—;

б) принять участие —отказаться от участия: кол кабыш кыл—, баш тарт—, кол урба—;,

в) любовь —неприязнь: ичкен ашын жерге кой—, үзүлүп түш—, далысын сал—, сыртын сал—, сунган бутун тартпа—;

2,1 Фразеологизмы-синонимы, в основе которых лежит мимический образ:

а) фразеологизмы-синонимы, обозначающие сожаление: эринин тиште—, бармагын тиште—;

б) фразеологизмы-синонимы, обозначающие неприязнь: көзүнүн төбөсү менен кара—, көзүнүн агы менен кара—, кабагын карыш сал—, кабагын чыты—, кабагын түй—,

2.2 Фразеологизмы-антонимы, в основе которых лежит мимический образ, представлены в следующих противопоставлениях:

а) любовь —неприязнь: кабагын ач—, кабагына кар жаа—, кабагын карыш сал—, кабагын чыты—, кабагын түй—, көзүнүн агы менен кара—, көзүнүн төбөсү менен кара—;

б) заговорить —замолчать: жаагы ачыл—, жаагы жап бол—;

в) способный—неспособный: тиши өт—, тиши өтпө—.

В пределах данной категории символические фразеологизмы обычно вступая в синонимические отношения, выражают различные чувства и эмоции человека:

а) удивление: алаканын жай—, ийинин куушур—, жакасын

карман—, оозун арандай ач—, оозу ачылып, мурду тамаша кыл—;

б) сожаление, огорчение: бармагын тиште—, эринин тиште—, санын чапкыла;

в) решимости: көз жум—, бел байла—.

Из вышеизложенного можно заключить, что в кыргызском языке символизация имеет огромное значение как одно из средств создания фразеологической экспрессии. Фразеологизмы, созданные на основе жестовых и мимических образов обладают особой силой выразительности благодаря динамичности и живости образа, и потому они обслуживают главным образом эмоциональную сферу человека, выражая богатую палитру его эмоций, чувств, воли и эмоциональных взаимоотношений, что, в свою очередь, обусловливает их исключительную многозначность и разнообразие синонимических и антонимических отношений.

§4. Звуковые факторы, лежащие в основе экспрессивности фразеологических единиц

В кыргызском языке в создании фразеологической экспрессии исключительно важная роль принадлежит звуковым факторам: «Звук оказывается одной из наиболее близких форм воплощения эмоции. А выразительные звуковые построения составляют отвлеченные формы передачи эмоции» (84,166-173). Эта закономерность нашла свое удивительное воплощение в звуковой организации фразеологических единиц. В кыргызском языке почти нет такого фразеологизма, в котором не использовались бы такие выразительные средства звуковой организации, как эвфония, рифма или метрика. Этого нельзя сказать о фразеологизмах других тюркских языков. «Говорить об эвфоническом оформлении образных фразеологических словосочетаний не приходится, — констатирует исследователь татарской фразеологии Г. Х. Ахунзянов, —эвфония в них почти не использована» (12,20). Обильное использование выразительных звуковых средств во фразеологизмах кыргызского языка находит свое объяснение в особенности самого народа: «...как и Кара-киргизы, так и Казак-киргизы отличаются от своих соплеменников тюркского происхождения необыкновенным умением говорить. Действительно, нельзя не удивляться тому, как Киргизы владеют своим языком. Киргиз всегда говорит бегло, не останавливаясь и не запинаясь. Излагая свои мысли точно и ясно, он умеет придать своей речи известную долю изящества и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у него является часто ясный ритмический раз

мер, так что предложения следуют друг за другом в виде стихов и куплетов, и производят впечатление стихотворения» (73,3).

Фонетические средства, встречающиеся во фразеологизмах кыргызского языка, можно разделить на эвфонические и метрические. К эвфоническим относятся аллитерация, ассонанс и рифма. К метрическим —слог. Все эти средства, являясь как бы своего рода музыкальным сопровождением основной мысли, придают всему фразеологизму благозвучие, поэтичность и делают его экспрессивным. Можно смело утверждать, что каждый фразеологизм в кыргызском языке есть стих в миниатюре, заключающий в себе практически все особенности его звуковой организации. Поэзия, по словам В. Гумбольдта, в своей сути неотделима от музыки. «Сколь бы поэтичными ни были мысль и слова, — писал он, — без элемента музыки мы не ощущаем себя по-настоящему в сфере поэзии» (36,185). Вот почему для фразеологии, как и для поэзии, «всегда существенно необходима внешняя художественная форма» (там же, 186).

Аллитерация. Она выражается в повторении одинаковых согласных звуков или звукосочетаний в начале компонентов фразеологизма (11,40). Фразеологизмы, основанные на аллитерации, выделяются в речевом потоке и приобретают определенную интонационную значимость благодаря благозвучию и ритмичности аллитерирующихся звуков, что и придает всему фразеологизму выразительность. Во фразеологизмах кыргызского языка все согласные звуки, кроме заимствованных из русского языка (в, г, х, ц,) аллитерируются.

Встречается аллитерация одного или двух согласных:

а) аллитерация одного согласного звука: **белди бекем буу,** — «набраться решимости» (букв. «крепко-накрепко запоясыться»); **жер жеберине жет** —«разругать на чем свет стоит» (букв. «дойти до каждой нитки тела и кости»); **кабак кашына кара**— «быть зависимым» (букв. «смотреть на его веки и брови»); **мой нуна мин**—«сидеть на чьей-либо шее» (букв. «сесть на чью-либо шею»); **сай сөөгүн сыздат**—«причинять боль, страдание» (букв. «ныть до самых костей»); **так текедей түйүл**—«выразить решительное нежелание» (букв. «напрягаться, как горная коза»); **чекеге чыккан чыйкан**—«как бельмо в глазу» (букв. «чирей на лбу»), **шам шум эт** «закусит»-(букв. «чавкать»).

б) аллитерация двух согласных звуков: **бармак басты,көз кысты** — «обделывать делишки» (букв. «(делать) палец прижал, подмигнул»); **колуна кол, бутуна бут бол**—«стать первым помощником» (букв. «стать рукою руке, ногою ноге»); **кабагына кар жаап муруту̲на муз тоң** —«быть в мрачном состоянии» (букв. «на его веки пал снег, на усах намерз лед»); **кепке кемтик, сөзгө сөлтүк кыл** —«осрамить; опозорить» (букв. «находит в его словах дефекты и предосудительное»), **көкейге көк талкандай тий** —«надоедать, опротиветь» (букв. «опротиветь кому-либо как толокно без жира»).

Ассонанс. Ассонанс есть созвучие гласных звуков в рифме или повторение одинаковых гласных во фразеологизмах (11,58) Ассонанс, как и аллитерация, широко используется в звуковой организации фразеологизмов как выразительное средство,. Ассонанс усиливает созвучие компонентов, и благодаря этому фразеологизм становится благозвучным. Ассонанс, как правило, создается за счет повторения следующих гласных звуков:

а) **аягы асмандан кел** —«опозориться, осрамиться» (букв. «перевернуться ногами вверх, головой вниз»); **асмандан айды алып бер** —«сделать возможным невозможное» (букв. «достать луну руками»);

б) **ийиктей имерил (или чимирил)** —«действовать расторопно, быстро» (букв. «вращаться, как веретено»), **ичине жеген иттей** —«исхудалый, истощенный» (букв. «как собака, проглотившая иголку»).

в) **өз колу өз оозуна жет** — «пользоваться результатами своего труда» (букв. «дотянуться руками до рта»); **өзү бий, өзү хан** —«сам себе хозяин» (букв. «сам бий, сам хан»).

г) **оозу менен орок ор** —«пустословить» (букв. «он ртом жнет»);

д) **учмактын учуна чыгар** — «очернить, оклеветать», «разругать на все корки» (букв. «выгонять из рая»;)

е) **үмүтүн үз** — «потерять всякую надежду» (букв. порвать надежду»);

ж) **ыйманы ысык** —«привлекательный, симпатичный человек» (букв. «его совесть горячая»);

з) **эсин эки кыл** — «напугать досмерти» (букв. «разделить его память на две части»).

В кыргызском языке аллитерация и ассонанс обычно совмещаются в одном фразеологизме, чаще всего в двучастных, реже в одночастных фразеологизмах. В двучастных фразеологизмах позиция аллитерирующей и ассонансирующей частей, как правило, нежесткая, и поэтому они легко изменяют свои позиции в зависимости от цели и задачи коммуникации без ущерба семантике. Вот некоторые примеры: **жегени желим, ичкени ирим** —«сильно горевать» (букв. «он ест клей, пьет гной»), **жакасына жармашып, этегине эрмеш** — «допекат», «неотступно следовать за кем-либо, добиваясь чего - либо» (букв. «приклеиваться к воротнику, прицепляться за одежду»),

Узун элдин учуна, кыска элдин кыйырына —«сообщить всем, не забыв ни одного человека» (букв. «сообщить до конечности длинного народа, до конца короткого народа»): **ыңырчагы ырдап керегеси керде**— «разориться, обеднеть» (букв. «бычье седло у него поет, остов юрты оголился»). Если в этих фразеологизмах части свободно перемещаются во время функционирования в речи, то в следующих фразеологизмах такое перемещение частей допускается лишь в стилистических целях: **өз табагын өзүнө тарт** — «платить той же монетой» (букв. «подать пищу в той тарелке, которую он сам принес») и многие другие.

Иногда аллитерация и ассонанс тесно переплетаются: **алтын башы аман бол** — «быть живым и здоровым» (букв. «будь его золотая голова жива»); **бөрк ал десе, баш ал** — «действовать безудержно и безумно» (букв. «скажешь ему шапку принеси, а он голову принесет»).

Рифма. Рифмой называется повторение одинаковых или сходных звуковых сочетаний в конечном компоненте фразеологизма. Роль рифмы в создании благозвучия и ритмичности фразеологизма очень велика. Рифма уточняет метрическое деление фразеологизма на ритмические единицы, делает ритм фразеологизма более ощутимым и облегчает его восприятие. Помимо этого, фразеологизм, опирающийся на звуковой повтор, делается особенно заметным и привлекает к себе внимание.

По характеру рифмовки фразеологизмы кыргызского языка подразделяются на **полнорифмованные и полурифмованные**. В полнорифмованных фразеологизмах рифмующиеся звуки совпадают полностью, а в полурифмованных —неполностью. Рифмуются главным образом двучастные фразеологизмы.

1. Полнорифмованные фразеологизмы: **арадай** жерге **чарадай** жыйын кыл — «за мухой с обухом» (букв. «на малом пространстве сборища с большую чашу»); **арай** көз **чарай**— «когда все в сборе», «в присутствии всех», (букв. «когда лицо и глаза вместе»), башы **бапан**, аягы **сапан** —«рассеянный в разные стороны (неизвестно куда)», «изнуренный, крайне утомленный» (букв. «голова немытая, ноги грязные, в мозолях»); **жээрин жеп, ичерин ичкен** —«старик или старуха» (букв. «тот, кто уже съел и выпил то, что ему полагалось»), **кайырын чайыр кыл**—«зло за добро» (букв. «превратить его доброе дело в зло»), **тиши буудай, чачы куудай** —«старик» (букв. «желтозубый и седоволосый»), «**уу**» десе, «**дуу**» де —«из мухи слона делать» (букв. «если скажут «уу», он скажет «дуу»); **чый пыйы чык** — «выражать крайнее нетерпение или беспокойствие» (букв. «визжать и трещать»); эшик ачып, **бешик түрткөн** — «женщина, которая развелась с мужем и имеет ребенка» (букв.

«женщина, открывшая дверь и качающая колыбель»).

2. Полурифмованные фразеологизмы: **алма быш, оозума түш** — «дармоед, лентяй» (букв. «поспевай яблоко, и попадай в мой рот»); **канаттууга какпырбай, тумшуктууга чектирбей** — «не дать никому обидеть» (букв. «не дав крылатым бить его крыльями, клюнуть тому, у кого есть клювы»); **өлдүм, талдым** дегенде —«едва-едва, с большим трудом» (букв. «тогда, когда уже сказал «умер», «устал»); **ысыгына** күйүп, **суугуна** тоң — «радоваться его радостью и печалиться его печалью» (букв. «гореть его жаром, мерзнуть его холодом»).

Размер фразеологических единиц. Экспрессивность фразеологизмов в значительной мере обусловлена их размером, а длина фразеологизма экспрессивна лишь в том случае, если она соответствует всем требованиям дыхания и подчиняется общему закону благозвучия.

Фразеологизмы кыргызского языка с точки зрения особенности их структуры, как уже было упомянуто выше, бывают двух типов: одночастные и двучастные. Одночастные фразеологизмы, как правило, в своем составе имеют от двух до десяти слогов, а двучастные — от десяти до восемнадцати. Такое деление делает фразеологизмы, как стихотворные строки, легко воспринимаемыми и запоминающимися, так как «восьми-девятисложная строка требует для произносения 4—5 секунд, то есть укладывается в оптимальное для слухового восприятия время, следовательно, читателю или слушателю легче усвоить ее содержание» (44,55). Таким образом, деление фразеологизмов на одно и двучастные повышает их выразительность и доходчивость.

1). Одночастные фразеологизмы: кол сал — «нападать», «растранжировать» (букв. «класть руку») состоит из двух слогов (2с —далее цифра указывает на количества слогов, а буква «с» означает «слог»); жанын же —«врать, обманывать» (букв. «есть душу») (3с), дүйнөдөн кайт —«скончаться (букв. «возвращаться из мира сего») (4с); суудан курган чык —«выйти сухим из воды» (букв. «выйти сухим из воды») (5с) кара кылды как жар— «вынести мудрое решение» (букв. «расщепить черную волосинку как раз пополам») (6с), күйбөгөн жери күл бол —«обозлиться» (букв. «в пепел превратилось то место его тела, которое не горело») (7с); жети өмүрү жерге кир — «опозориться, осрамиться», «быть готовым провалиться сквозь землю от стыда» (букв. «сем жизней его зашли в землю») (8с); олгөндүн үстүнө көмгөн кыл — «к одной неприятности прибавить другую» (букв. «умершего захоронить в придачу») (9с), төөнүн куйругу жерге тийгенде —«обещание, которому сужде-

но не сбыться», «никогда» (букв. «когда хвост верблюда коснется земли») (10с).

2. Двучастные фразеологизмы: ай дээрге ажа, кой дээрге кожо жок —«некому унять прикрикнуть, навести порядок» (букв. «у него нет старшего, чтобы сказать, «ай», нет ходжи, чтобы сказать «оставь») (11с); өзүн өзү бил, өтүгүн төргө ил— «самовольничать, поступать так, как захочется» (букв. «знать лишь самого себя и повесить сапоги на почетном месте») (12с); оң колунун ачуусун, сол колу менен бас —«удержать свой гнев» (букв. «унять левой рукой гнев правой руки») (13с), өлүү десең көрдө жок, тирүү десең жерде жок» —«(о человеке) ничтожный» (букв. «если считать его живым, то его нет в числе (живых людей), если считать мертвым, его нет в могиле») (14с), баш айрылса —бөрк ичинде, кол сынса —жең ичинде — «сора из избы не выносить» (букв. «если развалится голова, держать ее под шапкой, если сломается рука, то внутри рукава» (15с); эшик ачса өпкөсү, түндүк тартса төбөсү көрүн — «кожа да кости», «исхудалый, изможденный» (букв. «если открыть дверь, у него видны легкие, если толкнуть тюндюк, видна его макушка») (16с), бечарага белин чечкизип, букарага бутун тарткызган — «представитель «верхушки» (букв. «тот, кто заставляет бедных, чтобы они распоясали его, а простой народ—чтобы разувал его»). (18 с.).

Встречаются и переходные случаи , когда количество слогов в двучастных фразеологизмах не превышает десятки, а в одночастных фразеологизмах их может быть более десяти. Чаще всего встречаются двучастные фразеологизмы, редко —одночастные. Приведем примеры: бөрк ал десе, баш ал— «действовать безудержно, безумно» (букв. «скажут ему снимать шапку, а он снимает голову») (6с); таман акы, мандай тер— «деньги, заработанные собственным трудом» (букв. «плата за ступни и пот лица») (7с); бир көзүнө, бир көзүң жоо —«быть в недоверительных отношениях» (букв. «один глаз враг другому») (8с); колуна кол, бутуна бут бол—«стать первым помощником» (букв. «стать рукою руке, ногою ноге») (9с); жеңилин жерден, оорун колдон ал —«оказывать всяческую помощь» (букв. «поднимать с земли, что у него легкое, а тяжелое взять с руки) (10с); эки колун оркасына алып жүр—«бить баклуши, бездельничать» (букв. «ходить заложив руки за спину» (11с); он гүлүнөн бир гүлү ачыла элек —«еще совсем молод, не имеет жизненного опыта» (букв. «из десяти цветов его жизни еще ни один не раскрылся» (12с).

В двучастных фразеологизмах наблюдаются следующие соотношения количества слогов между первой и второй частями:

а) количество слогов в первой и во второй частях одинаково: өзү бий, өзү хан —«сам себе хозяин» (букв. «сам бий, сам хан») (3+3с), тиши буудай, чачы куудай —«старик» (букв. «желтозубый и седоволосый») (4+4с); бир аягы көктө, бир аягы жерде—«быть в трудном положении» (букв. «у него одна нога на небе, а другая —на земле») (5+5с); ыңырчагы ырдап, керегеси керде —«разориться, обеднеть» (букв. «у него поет сёдло, остов юрты оголился») (6+6с); этегине эрмешип, жакасына жармашып— «допекать, неотступно следовать за кем-либо, добиваясь чего -либо» (букв. «приклеиваться к воротнику, прицепляться за одежду») (7+7с); бечарага белин чечкизип, букарага бутун тарткызган —«представитель «верхушки» (букв. «тот, кто заставляет бедных, чтобы они распоясили его, — простой народ, чтобы разувал его») (9+9с).

б) количество слогов первой части больше, чем во второй части: ары барып, бери кел— «быть на волоске от смерти» (букв. «туда пошел, сюда пришел») (4+3с); бөрк ал десе, баш ал — «действовать безудержно, безумно» (букв. «скажешь ему снимать шапку, а он снимет голову») (4+2с); оозунан ак ит кирип, кара ит чык —«изругать на чем свет стоит» (букв. «в его рот заходят белые собаки и выходят черные собаки») (7+4с);

в) количество слогов в первой части меньше, чем во второй части: өгүз өлбөсүн, араба сынбасын — «кое как, через пень колоду» (букв. «чтоб вол остался живым, а бричка целой») (5+6с); жоо жакадан, бөрү этектен алганда — «в момент опасности» (букв. «в то время, когда волк берет за полы одежды, а враг за воротник») (4+8с).

§ 5. Конвергенция художественных факторов, лежащих в основе, экспрессивности фразеологических единиц.

Выше мы рассмотрели художественные факторы и средства, лежащие в основе экспрессивности фразеологических единиц в отдельности, чтобы глубже раскрыть сущность каждого из них, но в реальности они действуют, как правило, совместно, накладываясь на друг друга. Такое совместное действие факторов и средств называется нами конвергенцией художественных факторов. Основные типы конвергенции в кыргызском языке следующие:

1. метафора и метонимия: ичи от менен жалын —«сильно досадовать» (букв. «его внутренность —огонь и пламя»); керки балтасы колунда — «расторопный» (букв. «он держит в руках тесло и топор»).

2. метафора, метонимия, гипербола: көзүнүн аты менен тең айлан — «быть в полной зависимости от кого-либо» (букв. «кружиться вместе с белками его глаз»); ичине кара тару айланба — «очень завистливый, скупой» (букв. «его внутренность настолько тесна, что даже зернышко проса не может перевернуться»).

3. метафора, метонимия, гипербола, антитеза, повтор: оозунан ак ит кирип, кара ит чык — «разругать на чем свет стоить» (букв. «в его рот заходят белые собаки, а выходят черные собаки»), бир көзүңө бир көзүң жоо —«быть в недоверительных отношениях» (букв. «один глаз враг другому»).

4. метафора, метонимия, гипербола, аллитерация: терисин тескери сой —«показать, где раки зимуют» (букв. «содрать с кого -либо шкуру с изнанки»); кирпигине кир жугузба—«очень нежно и заботливо относиться к кому-либо» (букв. «не дать пылинке сесть на его ресницы»).

5. метафора или метонимия, сравнение, гипербола: от менен суудай —«непримиримые враги» (букв. «как огонь и вода»); тилди суудай бил —«знать язык как свои пять пальцев» (букв. «знать язык, как воду»).

6. метафора, перифраза, гипербола, ассонанс, аллитерация и рифма: ыңырчагы ырдап, керегеси керде — «разориться, обеднеть» (букв. «бычье седло у него поет, остов юрты оголился»); ай дээрге ажа, кой дээрге кожо жок —«некому унять, прикрикнуть, навести порядок» (букв. «у него нет старшего чтобы сказать «ай», нет ходжи чтобы сказать «оставь»).

7. метафора, перифраза, литота, аллитерация и рифма: арадай жерге чарадай жыйын кыл— «за мухой с обухом» (букв. «в малом пространстве, сборища с большую чашу»), сайда саны, кумда изи жок —«никудышный человек» (букв. «он не числится среди речных камешков, нет его следа на песке»).

8. метафора, гипербола, оксюморон, аллтерация или ассонанс: кактабай канын сор— «выжимать все жилы» (букв. «не сосав, высосать всю кровь у кого -либо»); кылдан кыйкым тап — «придираться к мелочам», «искать грязь в подноготной» (букв. «находить у волосинке лоскутики»).

9. метонимия или метафора, перифраза, эвфемизм, аллитерация, рифма, или без нее: көрөр күнү, ичер суусу түгөн —«умереть» (букв. «кончились дни, которые он должен был прожить, кончилась вода, которую он должен был испить»); топурактан тышкары — «быть живым и здоровым» (букв. «находиться вне пыли»).

10. метафора, гипербола, олицетворение, ассонанс или аллитерация: үрөйү уч —«сильно испугаться» (букв. «его лицо

вышла душа»).

улетело»); жаны чык —«приходить в ярость» (букв. «у него

11. метонимия или метафора, символизм, гипербола, перифраза и аллитерация: башын байла — «(о девушке) быть просватанной» (букв. «повязать голову»); кабагын карыш сал — «выражать свою неприязнь» (букв. «опустить веки длиною в одну пядь»).

12. метафора, ирония, перифраза, аллитерация: кызыл кар жааганда —«никогда» (букв. «когда выпадет красный снег»), ташбака талга чыкканда —«никогда» (букв. «когда черепаха залезет на иву»).

Хотя вышеназванные виды и не исчерпывают всех теоретически возможных видов конвергенции художественных факторов, лежащих в основе экспрессивности ФЕ кыргызского языка, но достаточно хорошо отражают диалектику их взаимосвязи.

ГЛАВА II

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Исследование функциональной экспрессивности ФЕ (функциональная экспрессивность — это экспрессивность ФЕ, создаваемая в речи различными приемами) тесно связано с признанием трансформационных свойств ФЕ и относительной семантической членимостью ее компонентов при сохранении целостности фразеологического значения. «Фразеологизмы, — отмечал И. В. Дубинский, — являются выразительным средством не только сами по себе, но и благодаря своей способности актуализироваться в речи» (39,47). «Активная мобильность формы и взаимозаменяемость компонентов, —подчеркивает В. М. Мокиенко, — постоянный источник обновления экспрессивности фразеологизмов, причина актуализации устойчивых сочетаний в речи. Необходимым условием варьирования, актуализации, обновления и т. д. является тождество языкового знака. Эти два противоположных свойства —различность и тождественность знака —обеспечивают как его функционирование, так и его постоянное развитие» (60,20).

В прошлом всякая трансформируемость фразеологизма исключалась и рассматривался он как языковая единица с незыблемым синтаксическим порядком и окаменелым смысловым содержанием, в котором значения отдельных компонентов полностью растворены и преобразованы в единое и неделимое значение целого. Такая точка зрения пропагандируется некоторыми авторами и поныне. Так, например, в пособии для учителей «Основные сведения о языке» дается следующая характеристика фразеологизмам: «Они (фразеологизмы —А. Н.) не допускают ни замены слов, ни изменения их формы» (16,88). Между тем, фразеология на данном этапе характеризуется осознанием трансформационных свойств ФЕ и дифференцированным подходом к семантической монолитности и членимости ФЕ (2 3; 4; 5; 35; 39; 42; 43; 46; 72; 75; 76; 77; 92; 100).

В ходе дискуссии о семантических свойствах компонентов ФЕ (сравнительно со словами) были первоначально сформулированы две крайние точки зрения:

1. Фразеологические компоненты не имеют никакой семантической общности со словами, являясь в составе ФЕ не самостоятельными единицами, а лишь смыслоразличительными признаками (61; 67; 90; 91; 93);

2. Фразеологические компоненты не имеют существенных семантических отличий от слов — и те и другие являются носителями отдельных семем, фразеологически связанных значений (34; 51).

Дальнейшие исследования показали односторонность обеих позиций. Стало очевидным, что семантическая монолитность ФЕ с одной стороны, автономность ее компонентов — с другой представляют собой диалектическое единство противоположностей. В настоящее время установлено: мера семантической «словности» компонентов ФЕ лежит в широком диапазоне между нулевой и максимальной, не достигая в большинстве случаев ни того, ни другого предела (46; 77; 101).

Проблема трансформации ФЕ в последнее время привлекает внимание целого ряда ученых, которые, однако по-разному классифицируют это явление: «модернизация общеизвестных речений» (41), «трансформация фразеологического оборота» (104), «обновление фразеологизма», «лексическая (и синтаксическая) трансформация фразеологизма» (29), «окказиональные преобразования ФЕ» (103), индивидуально-авторское варьирование» (28). В работе мы пользуемся преимущественно терминами «преобразование ФЕ», «трансформация ФЕ», а другие будут использованы нами только в стилистических целях как их синонимы.

Само терминологическое разнообразие является косвенным доказательством того факта, что трансформируемость фразеологических единиц признается абсолютным большинством ученых и в то же время оно показывает, что преобразование ФЕ разными авторами понимается по-разному. Мнения ученых расходятся и в вопросе о конечных результатах речевых преобразований ФЕ. В лингвистической литературе существует на этот счет несколько точек зрения.

Одни ученые считают, что, поскольку ФЕ присуще единство формы и содержания, всякие изменения в плане выражения вызывают соответствующие изменения в плане содержания, трансформация ФЕ приводят к созданию новых оборотов, находящихся за пределами фразеологической системы. (33,108)

Другие полагают, что, каким бы изменениям ни подверглась ФЕ, она не разлагается, не разрушается и не превращается в новую единицу речи (102,54).

Третьи утверждают, что в результате всякого окказионального изменения традиционной формы ФЕ и ее материального

состава возникают окказиональные фразеологические варианты (19;60).

И, наконец, существует мнение, согласно которому трансформированная ФЕ представляет собой особую разновидность фразеологических неологизмов, созданных с определенной семантико- стилистической целью на основе существующих в языке ФЕ (69,7).

Мы, вслед за Н. Л. Шадриным, считаем, что данная ФЕ при любых ее речевых трансформациях остается той же, и поэтому трансформированная ФЕ не является новым оборотом или же фразеологическим неологизмом, а представляет собой конкретную форму речевого употребления с особой стилистической целью или без нее. В связи с этим нельзя не привести тонкое замечание В. В. Виноградова о значениях слова и их употреблении в речи, которое вполне приложимо и к данной ситуации: «Значения, — писал В. В. Виноградов, — устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление — это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением и в нем много смысловых возможностей слова» (25,23).

Отсюда можно сделать вывод, что различные структурно-семантические трансформации ФЕ есть не что иное, как различные формы ее существования, в которых проявляются ее скрытые смысловые возможности. Эти трансформации являются прежде всего речевыми, но могут быть и языковыми, т. е. «более или менее распространенными» среди говорящих на данном языке. Первые, как правило, создаются в качестве художественно- речевого стилистического средства, а вторые, поскольку являются языковыми, обычно не носят стилистической нагрузки, но при необходимости передачи мысли экспрессивно, могут нести такую нагрузку. Нас в данной работе интересуют именно речевые трансформации ФЕ как средства создания фразеологической экспрессии.

Во второй главе книги — описаны конкретные приемы преобразования ФЕ в кыргызском языке и выявлены экспрессивный потенциал каждого из них.

Экспрессия преобразованных ФЕ базируется на том, что в сознании читателя (или слушателя) модифицированные фразеологизмы воспринимаются на фоне своей стабильной структуры и установившейся семантики. Несоответствие преобразованного оборота его привычному употреблению и создает желаемое автору (или говорящему) эмоциональное воздействие на читателя (или слушателя). Диапазон такого несоответствия

очень широк: от максимального расширения до предельного сокращения привычного состава и от создания синонимических отношений до семантических противоположностей.

Посредством создания подобных несоответствий мастера слова достигают высокой выразительности мысли, глубоко раскрывают сущность описываемых явлений, и поэтому они широко пользуются разнообразными приемами контекстуального преобразования ФЕ. Суть фразеологического преобразования хорошо передана в определении Н. Л. Шадрина: «Контекстуальное преобразование ФЕ есть опирающееся на их системно-**языковую устойчивость, использование свойства раздельно-**оформленности фразеологизма, выражающееся в окказиональном нарушении их традиционной формы и семантики и применяемое в литературных произведениях в качестве художественно-речевого стилистического средства» (101,4).

Таким образом, контекстуально-преобразованные ФЕ суть не произвольные нарушения языковых норм, а целенаправленные трансформации фразеологизмов с определенной стилистической заданностью, имеющих конечным результатом создание определенного эмоционального впечатления. Следовательно, преобразованные ФЕ способны быть выразительными средствами только в том случае, если их модификация не выходит за дозволенные рамки речевой нормы художественной выразительности, иначе они легко превращаются в речевые ошибки.

Фактический материал, полученный в результате анализа оригинальных произведений современной кыргызской художественной литературы, образцов фольклора, поэзии и периодической печати, позволяет говорить о том, что в основе функциональной экспрессивности ФЕ кыргызского языка лежит система приемов двух родов: приемы преобразования ФЕ и приемы, в которых используется рядоположение ФЕ и его идентификатора или синонима. Эти приемы в свою очередь подразделяются на более мелкие группы.

1.1 Приемы преобразования ФЕ, основанные на их структурно-семантических изменениях: замена компонентов, увеличение компонентов (добавление и вклинивание) и сокращение

компонентов (эллиптирование ФЕ).

1.2 Приемы преобразования ФЕ, основанные на изменении их семантики: использование оборота одновременно как ФЕ и как свободного словосочетания.

2. Приемы, основанные на рядоположении ФЕ с другими единицами: использование ФЕ вместе с ее идентификатором, использование ФЕ вместе с другими синонимичными ФЕ.

Рассмотрим каждый прием в отдельности.

РАЗДЕЛ I. Приемы преобразования ФЕ, основанные на их структурно- семантических изменениях

§ I. **Замена компонентов ФЕ.** Термин «замена компонентов» был введен в научный обиход А. В. Куниным, и он широко используется исследователями фразеологии. С. Г. Гавриным этот же прием преобразования ФЕ называется «лексической трансформацией» (29,96). Представляется предпочтительным термин «замена компонентов», указывающий на трансформируемость компонентов ФЕ и их раздельнооформленность. Раздельнооформленность и относительная семантическая членимость компонентов ФЕ при сохранении цельности фразеологического значения —непременное условие замены компонентов ФЕ.

Эмоционально-экспрессивная окраска и стилистическая маркированность фразеологических единиц могут создаваться либо всей структурой данной единицы, либо одним из ее компонентов. Зависимость эмоционально-стилистической окрашенности ФЕ от одного из компонентов создает благоприятные предпосылки для различных модификаций этой окрашенности за счет замены компонентов фразеологизма. Такая замена производится, как правило, с целью «создания дополнительного или нового стилистического эффекта» (53,3).

В кыргызском языке замена компонентов ФЕ в процессе коммуникации очень распространенное явление. При замене компонентов значение ФЕ почти всегда меняется, а синтаксическая структура может либо сохраняться в неизменности, ли бо меняться. Изменения могут затрагивать как сигнификативный аспект значения ФЕ, так и ее стилистическую окраску.

1. Замена компонентов ФЕ без изменений ее структуры. Она может иметь следующие типы.

Синонимические замены. 1. Компонент ФЕ заменяется синонимичным словом, относящимся к тому же функционально-

му стилю:

а) компонент ФЕ с абстрактным значением заменяется синонимом, обозначающим более конкретное понятие. В приводимых ниже примерах все заменители относятся к нейтральному стилю, как и компоненты ФЕ, которые они заменяют, но, в отличие от них, обозначают конкретные понятия көз—«глаз», миң —«тысяча», сорпо—«бульон (суп)»;

Эс -акылы бар — «умный, сообразительный» (букв. «память, ум имеет»). Ушуну билипсиң; түзүк укөм, **эсиң, көзүң бар экен** (Касымбеков). «Это понял, молодец браток, значит соображаешь» (букв. «значит имеешь память и глаза»). **Санаасы санга бөлүн** —«теряться в догадках» (букв. «его мысли разделились на несметное число»). Аны көруп сулуунун, санаа **сы миңге бөлүндү** (Инв. 5186). «Увидев богатыря, красавица терялась в догадках и сильно обеспокоилась» (букв. «ее мысли разделились на тысячи частей»). **Шаабайы суу** — «падать духом» (букв. «его дух остыл»). Өзүнө саласал кылганда, бардыгын өзүм эле алайын десе, **сорпом сууй түшөбү** деп андан да абыгер чекти (Убукеев). «Элмурат миңбашы (тысячник) страдал при мысли о том, что если он скажет Албану «распоряжайся сам», то он может взять себе весь приз, который он завоевал на скачках, оставив его с носом» (букв. «его шурпа остынет»).

б) компонент ФЕ с конкретным значением заменяется словом, обозначающим абстрактное понятие. Однако, от этого экспрессивность ФЕ ничуть не уменьшается, а, наоборот, повышается, так как заменяется компонент, выразительность которого от многократного использования в значительной степени стерлась. Так, например, в следующем примере словозаменитель өнөр «ремесло» во всей своей абстрактности передает облик людей —мастеров своего дела более конкретно, более экспрес сивно чем, көөр «драгоценный камень», ср.: **Колунан көөр төгүлгөн**—«золотые руки» (букв. «из его рук сыплются самоцветы, драгоценные камни»). Ойлоп турсаң, кызык, айланайын тууган жер, согуш башталат экен да, ал согушта, адам баласынын эң асылы **колунан өнөр төгүлгөн** азаматтар иштеп жаткан ишин таштап, биринин канын бири төгүп, бирин бири өлтүрүүгө аргасыз болот экен (Айтматов). «—Как подумаешь, земля родная, ведь самых лучших тружеников твоих, самих лучших мастеров убивает война» (букв. «людей, из рук которых льется ремесло»).

в) компонент ФЕ заменяется синонимичным словом, более свежим, что своей свежестью, необычностью придает ФЕ, и всему высказыванию выразительность:

Биринин тебетейин бирине кийгиз — «устраивать всякие комбинации», «заниматься ловкачеством» (букв. «надевать шапку одного на другого»). Урматтуу чалмачы! **Биринин шапкесин экинчисине кийгизген** эчен эпчилдер сиз даарып өткөнүңүздөн кийин энеден кайра туулгандай эсиңе келип, эл катарына кошулуп кетти» («КМ»). «Уважаемый мастер по накидыванию аркана! После вашего визита многие жулики как бы переродились, взялись за ум и стали нормальными людьми» (букв. «шустряки, которые одевают кепку одного человека на другого»). **Оту күйүшпө** — не уживаться, не ладить» (букв. «их огонь не разжигается»). Бирок, ошол биринчи күндүн эртеси таңга жуук жетекчи менен Байжандын **чырагы күйүшпөй калды.** (Акматов). «На следующее же утро того самого дня руководитель и Байджан поссорились» (букв. «светильники Байджана и руководителя перестали гореть»).

В двучастных фразеологизмах заменяемый компонент или компоненты могут относиться либо к первой, либо ко второй части или же одновременно ко всему фразеологизму: **Ийри отуруп түз кеңеш**—«Сядем-ка рядком, да поговорим ладком» (букв. «сидеть криво, поговорить прямо»). **Бетме-бет олтуруп, түз кеңешели («Чалкан»).** «Сядем-ка лицом к лицу да поговорим, посоветуемся прямо»). Кана балдарым, **ийри отуруп, түз уккула,** эсиңерде болсун — бул жолку сөз ушул үйдүн сыртына чыкпасын («Чалкан»). «Ну-ка, дети мои, садитесь-ка рядом, да послушайте внимательно, внимательно» (букв. «садитесь криво, но слушайте меня прямо»), запомните: то, что мы говорили, должно остаться только между нами». **Урунарга тоо таппай, урушарга жоо таппай** — «не знать, куда девать силы» (букв. «не находя горы, с которой можно было бы столкнуться, не находя врага, с которым можно было бы сразиться»). **Кагышаарга эр таппай, Кармашаарга шер таппай** (Инв. 233). «Не зная, куда девать силы» (букв. «не находя богатыря, с которым можно было бы столкнуться, не находя льва, с которым можно было бы схватиться»).

г) компонент ФЕ заменяется синонимом, относящимися к тому же функциональному стилю, но обозначающим большую интенсивность качества или действия.

Примеры: **Даңкы таш жар—«прославиться»** (букв. «его слава расколола камни»). Гүлсарат төрт аягы адеп шилтегенден жорго чыгып, баралына келгенде **даңкы дабан жарып,** өмүрүндө жакшылыкты да жамандыкты да көп көрдү (Айтматов). «Гульсары был иноходцем от рождения, и за его знаменитую иноходь выпало ему в жизни много хороших и много горьких дней» (букв. «за его иноходь расколовшую мир»), **Көзүнүн агы менен терөн**— «быть очень зависимым от кого-либо», «исполнять чьи-либо прихоти» (букв. «крутиться вместе с белком его глаз»). Бу көрүмсүз абышканы жандап турган нөкөрлөр, удайчылар **көзүнүн агы менен чимирилишип,** ал эч ким менен сүйлөшпөйт.., керектүү буйруктарын оң канатына, сол канатына берип турду (Касымбеков) «Этот несимпатичный старик ни с кем не разговаривал, только давал приказы налево и направо, а рядом с ним стоящие его военнослужащие беспрекословно выполняли его приказы» (букв. «они вертелись с белками его глаз, как веретено»). **Уч уктаса түшүнө кирбе**— «как гром среди ясного неба» (букв. «ему в трехкратном сне не привидится»). «Врач», «оорукана» дегенди кыргыздар мурда билишчү эмес, **миң уктап, түшүнө да келбеген** («Чалкан»). «Кыргызы раньше не знали, что такое «врач», «больница», им они и во сне не снились» (букв. «и тысячи раз спали бы они, все равно они им не приснились бы»).

Немало случаев, когда слова — заменители являются абсолютными синонимами компонента Фе и по своему значению, функциональному стилю не отличаются от него. Тем не менее, было бы несправедливым считать их лишенными экспрессивной функции хотя бы потому, что «нарушения привычных форм языка косвенно служат экспрессивности уже одним тем, что вносят в речь разнообразие. Нет ничего более однообразного, как повторение одних и тех же форм». (13,394).

Например: **Жаа бою кач** —«убегать как черт от ладана» (букв. «бежать от чего- либо на расстояние выстрела из лука»). Жыйналыштарда гана амалы жок сүйлөп же бирөө менен аңгемелешип калбаса, башка убакта андайдан **бута бою качат** (Жантошев). «Если не считать собраний, когда он вынужден выступать или беседовать с кем -нибудь, то от встречи с людьми он убегает, как черт от ладана» (букв. «убегает на расстояние мишени стрельбы»). **Желкемдин чуңкуру көрсүн** —«никогда моим глазам не видать, моим ногам не ступать» (букв. «пусть увидит моя затылочная впадина»). Кечке жанында жүргөн мени көрбөй, мени эстебей, кыйналганымды билбей койдуң, ээ?... **Кежигемдин чуңкуру көрсүн сени** (Сыдыкбеков). «Хотя я была рядом с тобой целый день, ты даже не обратил внимания на меня, не заметил, как я мучилась из -за тебя. Прощай!...«(букв «пусть тебя увидит моя затылочная впадина»).

2. Компонент ФЕ заменяется синонимом, относящимися к другому функциональному стилю. Можно выделить две группы замен подобного рода:

а) компонент ФЕ относится к нейтральному стилю и заменяется словом-синонимом разговорно-простречного стиля:

Өз арабасын тарт — «не вмешиваться в чужие дела, заниматься своим делом» (букв. «тянуть свою телегу»). Сен, көнөк баш, **өз арабаңды кылдыратсаңчы,** бирөөгө акыл үйрөткөндүкким койду сага! (Касымбеков). «Ты, головастик, проваливай, не тебе уму-разуму учить других!» (букв. «скрипи свою телегу»). Жыландын **башын чыгар**—«хитрить, лукавить, готовить пакости» (букв. «показать голову змеи»). Ошентип бий **жыландын башын коройтуп койду** (Убукеев). «Сказав так, бий их припугнул» (букв. «высунул голову змеии таким образом, чтобы страшно было посмотреть на нее»).

б) компонент ФЕ относится к грубо-просторечному стилю, заменяется же словом-синонимом нейтрального стиля;

Карга бок чокуй электе —«чуть свет, рано утром» (букв. «когда ворона еще не успела дерьмо клевать»). **И, карга кык чокуй электе** чайканага келип? («Чалкан»). «Что с тобой, так рано пришел в чайхану?» (букв. «ворона еще не успела навоз клевать»). **Көтү менен күл** —«курам на смех» (букв. «смеяться задницей»). Көргөндөр **мурду менен күлө турган** («КМ»). «Кто увидит, курам на смех» (букв. «увидит—носом будет смеяться»). **Колуна карга чыч** — «радостное событие, обычно связанное с деньгами» (букв. «ворона нагадит на его руку»). Биздин **колго да карга коноор,** ошону ойлонуз («Чалкан»). «И на нашей улице будет праздник, не забудьте об этом» (букв «и на наши руки ворона сядет»).

Антонимичные замены. Значительно повышается экспрессивность ФЕ и высказывания с помощью антонимичных замен, суть которых заключается в том, что при подобных заменах между фразеологическим прототипом и контекстуально преобразованной ФЕ возникают «взаимоисключающие или семантически полярные отношения» (6,8). Такие замены выполняют в речи различные функции:

а) функцию усиления: **Ийри отуруп, түз кетеш**— «вести разговор с взаимопониманием и откровенно» (букв. «сидя криво, говорить прямо»). **Ийри отурганыбыз менен түз кетеше албай калыптырбыз** (КМ»). «Хотя мы собрались вместе, но не в состоянии вести разговор с толком, с взаимопониманием» (букв. «хотя сидим криво, но не можем советоваться прямо»).

б) функцию создания иронии: **Кой оозунан чөп албаган**—«тихий безобидный, честный» (букв. «не взявший травку изо рта овцы»). **Кой оозунан чөп алган киши.** Колхоздун коюунун оозундагы чөптү алып, өзүнүн коюунун оозуна салып койгон киши («Чалкан»). «Рвач—это человек, растаскивающий колхозную собственность» (букв. «взявший травку из пасти овцы», тот, кто вырвал травку из пасти колхозной овцы и положил ее в пасть своей овцы»). **Оозу ачык**— «разиня, ротозей» (букв. «открыторотый»). Фи! Экөөбүздөй **жабык ооздор** бул дүйнөдө бар бекен деги? (Токтомушев). «Вряд ли найдутся на белом свете, такие надежные люди, как мы с тобой!» (букв. «закрыторотые, как мы»).

В этой связи необходимо отметить, что для кыргызского языка характерен еще и другой прием создания иронии. Он основывается не на антонимичной замене компонента ФЕ, как мы видели выше, а на целостном преобразовании ФЕ с помощью контекста, при котором полярные отношения между прототипом ФЕ и преобразованной ФЕ создаются контекстом, являющимися их антонимичным дифференциатором.

Например: **Жүрөгү түш** — «испугаться» (букв. «его сердце упало»). Керимкулдун куйкасы курушуп, үтүрөндөп: —бар, оар, **жүрөгү түшүп калды** деп айтып оар, — деди (Нусуп). «Разозлившийся Керимкул рассерженно сказал: —Иди, скажи ему что у меня душа ушла в пятки от его слов» (букв. «мое сердце упало от его слов»). **Сөзүндө тур**—«держать свое слово, выполнять свое обещание» (букв. «стоят на своем слове»). **Ал киши** убадага аябагандай «оекем», **«сөзүндө туругу бар экен».** Бензин жок таксилер суткалап жатып калган күндөр болот («Чалкан»). «Оказывается он «человек своего слова» (обещал обеспечить таксимотор бензином—А. Н.) Бывают дни, когда такси сутками не выходят на работу из-за отсутствия бензина» (букв. «в его словах имеется постоянство»). **Таманы жер жыттаба**— «быть в быстром движении», «бежать сломя голову» (букв. «его ступня (пятки) не нюхают землю»). Чайпалып машинеде жүрө берип, **Таманы жер жыттабай калгандар бар** («Чалкан»). «Есть люди, чьи ноги перестали ходить по земле от того, что они настолько привыкли ездить на машине» (букв. «ноги перестали нюхать землю»).

Как видно из примеров, фразеологизмы с положительными значениями с помощью разнообразных контекстов приобрели отрицательные значсния, что создает иронию, которая сильно повышает их воздействующую силу. В отличие от вышеуказанных примеров, антонимические отношения между фразеологизмом-прототипом и контекстуальным фразеологизмом могут быть результатом противопоставления положительного значения контекстуального фразеологизма отрицательному значению прототипа. И в этом случае возникает ирония: **Атасын таанып** — «показать кузькину мать» (букв. «познакомить его со своим

отцом»). Эсиңердеби, сынчылар ошондо эмне деп жазышканы? Алар: Так ушул жигит гана **кинонун атасын таанытып**, ажарын чыгарат— деп жазышты газеталардын беттерине («Чалкан»). «Помните, что писали критики тогда обо мне? Они писали на страницах газет: «Именно этот парень станет яркой кинозвездой» (букв. «он кино покажет кузькину мать»).

Тематические замены. Сюда входят слова-заменители, которые по своему содержанию составляют один тематический класс с теми компонентами ФЕ, которые они заменяют. Семантически они очень разнообразны, могут относиться к человеку, животному, постельной или кухонной принадлежности:

а) слово-заменитель обозначает человека: **күн тиген жер дин күңү**— «переметная сума, человек, непостоянный в своих симпатиях» (букв. «раб того места, куда падают лучи солнца»). Эгер кемчиликти көрүп туруп, башкарманын авторитетине, парторгдун көңүлүнө карасам, — деди ал чечкиндүү бир чечимге келип, —**күн тиген жердин чоросу** болгонум ошол (Абдиев). «Если заметив недостатки в колхозных делах, буду считаться с авторитетом управляющего, с мнением парторга, то это означает не что иное, как то что я превратился в обывателя, решительно думал он» (букв. «сподвижник (раб) того места, куда падают лучи солнца»).

б) слово-заменитель обозначает части тела человека: **Ачуусу мурдунун учунда** —«очень вспыльчивый» (букв. «его гнев на кончике носа»). Анын үстүнө Калыбектин **ачуусу тумшугунун учунда**, отко май тийгендей дүрт дей түшмөсү бар (Каимов). «К тому же, у Калыбека вспыльчивый характер» (букв. «его гнев, злоба на кончике морды, чуть что- вспыхнет, как масло на огне»).

в) слово-заменитель—член тематического гнезда, обозначающий кровные родственные связи: **Атасын тааныт** —«показать, где раки зимуют» (букв. «познакомить его со своим отцом»).

Первый компонент данного фразеологизма может заменяться словами, обозначающими кровные родственные связи, лиц, старших по возрасту (аке «брат», таеке «брат по линии матери», эне «мать», чоң эне «бабушка со стороны отца», таене «бабушка со стороны матери»). **Акесин таанытам**,—деп өрөпкүдү (Убукеев). «Покажу ему, где раки зимуют, —бесновался он» (букв. «познакомлю его с его братом»). Баарыңарды бир жерге чогултуп, **таекеңерди таанытайын»** («Ала-Тоо»). «Я покажу всем вам кузькину мать, сабрав всех в одно место» (букв. «познакомлю вас с братом вашей матери»). Эртең башкарма **энесин таанытат** (Абдиев). «Завтра председатель даст ему прикурить» (букв. «познакомит его с его матерью»). Эмне үчүн се

ний үстүндөн секирип тептирүүгө уруксат бересиң? **Чоң энесин таанытып койбойсуңбу?** («КМ»). «Почему позволяешь ему ябедничать на тебя? Почему бы тебе не показать ему, где раки зимуют?» (букв. «почему не познакомишь его с бабушкой»).

г) слово-заменитель обозначает животного: **Ит талаган түлкүдөй кыл —«сильно обругать** кого-либо», «нападать словесно на одного со всех сторон» (букв. «сделать лисой, на которую набросились собаки»). Эмне эле кызымы **ит талаган мышыктай кылдыңар? («Ала-Тоо»)**. «Что же вы нападаете на мою дочку, как собаки на кошку» (букв. «сделали ее, как кошку, на которую напали собаки»)? **Коён жатагына чейин бил**—знать как свои пять пальцев» (букв. «знать даже, где его кролики живут»). Кулжа анча деле чоң шаар эмес. **Ит жатагына чейин билчүүмүн** (Сыдыкбеков). «Кульджа —небольшой городок. Я его знал как свои пять пальцев» (букв. «знал даже его псарни»).

д) слово-заменитель обозначает предмет постельной принадлежности: **Шейшеп жаңырт** —«жениться повторно» (букв. «обновить простыню»). **Данакеге «төшөк жаңырттыпты** («Ала-Тоо»)? «Разве она за Данике вышла?» (букв. «ему обновила одеяло»). Как видим, здесь имеет место совмещенная трансформация — замена компонента и семантическая замена. Словарное значение ФЕ полностью преобразовано. Известно, что кыргызка в прошлом не имела права самостоятельно выбрать жениха или повторно выходить замуж. В контестуально-преобразованной ФЕ ей приписывается право «выйти замуж повторно», чем создается резкий контраст с традиционным значением ФЕ шейшеп жаңырт —«жениться повторно». Такой необычный контраст между значением ФЕ —прототипа и контекстуальной ФЕ вызывает у читателя особое эмоциональное восприятие и повышает силу фразеологической экспрессии данной ФЕ.

е) слово -заменитель обозначает предмет кухонной принадлежности: **Өз табагын өзүнө тарт**—, «платить той же монетой» (букв. «угостить гостя с той же тарелки, которую он сам принес»). Биз Нөкөндөргө **өзүнүн салган кашыгын салганы жатабыз** —(«Ала-Тоо»). «Мы собираемся поступить с Нөкөнами так, как они поступили с нами» (букв. «собираемся положить им их же ложки»).

Замена компонента ФЕ словом, семантически не связанным с ним.

Данная замена распространена реже, чем другие виды за-

мены, но выполняет важную экспрессивную функцию усиления значения ФЕ и создания юмористического эффекта:

Эчкинин жашындай жашы кал — «одряхлеть» (букв. «осталось жить столько, сколько козе»). —«Ие, балам, **«какумдун жашындай жаш калды** («КМ»). «О, мой мальчик, мне совсем недолго осталось жить» (букв. «мне осталось жить столько, сколько одуванчик живет»). **Желкемдин чуңкуру көрсүн** — «никогда моим глазам не видать, моим ногам не ступать» (букв. «пусть увидеть моя затылочная впадина»). Китеп деген немени **көзүмдүн чуңкуру көрсүн,** үйгө жолотпойм такыр («КМ»). «То, что называется книгой, моим глазам не видать, близко не подпущу» (букв. «пусть увидит ее моя глазная впадина»). В данном контексте замена со своей необычностью усиливает эмоциональность ФЕ, с одной стороны, а с другой —придает юмористический эффект, что создает повышенную экспрессивность ФЕ и высказывания. То же самое в следующем примере, где компонент ФЕ карыз «долг» заменен словом с положительным значением кумар «сильное желание, страсть». Трансформированный фразеологизм, у которого первый компонент имеет положительное значение, контрастирует с двумя остальными компонентами белчесинен бат «влезать по пояс»., напоминающие фразеологизм «влезать в долги по пояс», и создает юмористический эффект: **«Карызга белчесинен бат**—«влезать в долги по уши» (букв. «влезать в долги по пояс»). **Кумарга белчесинен баткан** Басыз ай айланбай үй эмеректерин, кийин тамын сатып көчөдө калды (Айтымбетов). «Не прошло и месяца, как Басыз, предавшись удовольствиям продал мебель, затем дом, а сам остался на улице, без крыши над головой» (букв. «влезший в удовольствия по пояс»).

II. Контекстуальные замены с изменением структуры ФЕ.

Выше мы рассмотрели замены компонентов ФЕ без изменения ее структуры но в кыргызском языке, имеются и такие замены, в результате которых изменяется структура ФЕ. Изменение структуры ФЕ связано с расхождением в структуре заменителей и заменяемых компонентов ФЕ. Компонент ФЕ, как правило, заменяется словосочетанием или словосочетание в составе ФЕ заменяется словом или иноструктурным словосочетанием. При подобных преобразованиях замена либо может быть единственным стилистическим приемом, либо может сочетаться с другими приемами. В первом случае она называется простой заменой, а во втором «осложненной» (53,9).

Заменяться могут некоторые компоненты или вся ФЕ полностью, лишь кроме одного компонента. При полной замене преобразованная ФЕ может быть идентифицирована с ФЕ — прототипом при помощи компонента ФЕ, не подвергавшегося замене, который можно назвать компонентом— идентификатором. Замены с изменением структуры, как и замены без изменения структуры ФЕ, могут быть синонимичными, антонимичными, тематическими и, наконец, тематически не связанными с компонентом ФЕ —прототипа.

Синонимические замены: Көктөн түш —«важничать» (букв. «спускаться с неба»). —Өзүң кыштактан келбегенде **эки бутуң саландап асмандан түштүң беле?»** (Сыдыкбеков). «Если ты сам не из деревни, то откуда же тогда, или ты спустился с неба, свесив ноги?» Здесь компонент ФЕ көк заменен словосочетанием, которое делает ФЕ более яркой, наглядной и придает ей шутливый оттенок.

Синонимичные замены могут осложняться одновременно несколькими приемами. Так, например, в следующем примере замена осложнена вклиниванием и добавлением. Первый компонент ФЕ **котур ташы койнунда заменен** словом кара —«черный», а последний компонент койнунда —«за пазухой» —словом-синонимом ичине —«внутри» в сочетании с дополнительными компонентами бек түй «крепко-накрепко связать», которые подчеркивают высокую степень зависти (черной зависти) к Мыкты. Бирок кантken менен Мыкты үчүн **ичине кара ташын бек түйүп,** кекенчин түпкүргө басты (Касымбеков). «Но он все- таки затаил месть на самом дне своего сердца и приберег для Мыкты камень за пазухой» (букв. «он внутри крепко-накрепко привязал свой черный камень для Мыкты»).

Антонимические замены. В замене с изменением структуры ФЕ антонимичное явление встречается очень редко. Приведем здесь лишь один пример: **Оозу ачык** —«разиня, ротозей» (букв. «открыторотый»). Ооба, ооба. Ишене бер. Менин **«оозумдун кулпусу бар** (Токтомушев). «Да, да. Рассказывай, верь мне. Буду держать язык за зубами» (букв. «мой рот на замке»).

Тематические замены: а) слово-заменитель обозначает человека: **Союп каптагандай** —«вылитый» (букв. «зарезав, покрытый»). Кыскасы, **атасынын терисин сыйрып каптап, кийимин сыйрып кийгизип койгондой** (Убукеев). «Короче говоря, он вылитый отец» (букв. «содрали с его отца шкуру и одежду и накинули на него»). В этом примере ФЕ —прототип состоит из двух компонентов, а преобразованная ФЕ —из семи компонентов. Все эти заменители служат одной единственной цели — усилению экспрессивности ФЕ.

б) слово-заменитель обозначает животное: **Эчкинин жашын дай жашы кал**— «одряхлеть» (букв. «ему осталось жить столько, сколько козе»)... **карыган койдун жашындай өмүрү калган** (Сыдыкбеков) «...ему осталось жить совсем немного» (букв. «ему осталось жить столько, сколько старой овце»). Замена одного компонента ФЕ словосочетанием карыган кой «старая овца» особо подчеркивает старость того, о ком идет речь и передает отрицательное отношение говорящего к нему, что будит активное отношение читателя (или слушателя) к самому говорящему, чем и усиливает эмоциональность восприятия.

в) слово-заменитель обозначает планету: **Аиырма асман менен жердей**— «большая разница» (букв. «разница как между небом и землей»). Экөөнүн ортосунда... **түндүк уюл менен түштүк уюлдай айырма бар («Ск»)**. «Разница между ними как между небом и землей» (букв. «как северный и южный полюса»). Если ФЕ —прототип подчеркивает огромную разницу, то контекстуально преобразованная ФЕ конкретизирует эту разницу, делает ее нагляднее и еще более выпукло показывает существующую разницу между двумя людьми и противоположность их характеров. Свежесть образа преобразованной ФЕ создает эффект неожиданности.

Тематически не связанные замены: Бир жакадан баш, бир жеңден кол чыгар —«жить дружно и в ладу, оказывая взаимоподдержку» (букв. «высунуть голову из одного воротника, высунуть руки из одного рукава»). Эзелкиден ушул жерди жердеп. төрду төрдөп. **бир ооздон сөз, бир жакадан баш чыгарып** күн көргөн элек (Сыдыкбеков). «С давных пор мы живем здесь в дружбе и в ладу» (букв. «говоря из одного рта, высунув голову из одного воротника»). **Улуу башын кичүү кыл** — «смирить свою гордыню, ронять свое достоинство» (букв. «сделать свою большую голову маленькой»). Көрсө, **узун боюн пас** кылуу парыз тура (Мураталиев). «Видать, смирить свою гордыню обязан каждый» (букв. «сделать свой высокий рост низким»).

Таким образом, прием замены компонентов ФЕ в кыргызском языке является важным средством создания фразеологической экспрессии. Этим приемом достигается конкретизация, усиление значения ФЕ, освежается образ, создается юмористический эффект и эффект неожиданности за счет разнообразных отношений, возникающих между ФЕ —прототипом и трансформированной ФЕ.

Что касается структурно-семантических изменений ФЕ, то прием замены компонентов может затрагивать как ее

структуру, так и ее семантику, поскольку он является семантико-структурным приемом.

§ 2. Увеличение числа компонентов ФЕ.

Еще одним приемом контекстуального преобразования ФЕ, непосредственно затрагивающим количественный состав ФЕ в кыргызском языке, является увеличение компонентов ФЕ за счет вклинивания или же как обычно говорят, «вставки» окказиональных элементов в ФЕ, и добавления окказиональных слов или словосочетаний в состав ФЕ без нарушения ее традиционной структуры. Под окказиональным элементом ФЕ понимается такой ее компонент, который характеризуется функциональной одноразовостью и экспрессивностью. Его наличие в составе ФЕ факультативно, в известном смысле даже случайно. Но не случайно сама принципиальная возможность возникновения в речи окказионального компонента, она предопределена системой языка, его общепринятыми стандартами.

Увеличение числа компонентов ФЕ за счет факультативных элементов относится к таким случаям речевого использования ФЕ, «когда соображения выразительности берут верх над нормативностью, т. е. случаям, когда нормативность уступает выразительности и даже как бы приносится ей в жертву» на основе знания закономерностей языкового использования (58,66).

1. Вклинивание.

Одной из функциональных особенностей ФЕ, отличающей ее от слова, является возможность вклинивания в ее структуру слов и словосочетаний в зависимости от цели и условий коммуникации. Эта особенность ФЕ впервые была отмечена первым исследователем фразеологии Шарлем Балли, который писал: «...элементы фразеологического оборота могут быть отделены друг от друга прочими словами предложения, и от этого единство сочетания ничуть не нарушается» (14,99).

В кыргызском языкознании возможность вклинивания слов в состав ФЕ впервые упомянута в работе Ж. Осмоновой в связи с вариативностью ФЕ (68,22). Более углубленный анализ вклинивания мы находим в диссертационной работе Р. Эгембердиева, который признает вклинивание (по его терминологии, «вставки») стилистическим приемом и указал на его функции усиления и уточнения значения ФЕ и всего высказывания (106, 140—142). Однако вызывает возражение его утверждение, что в прозаических произведениях таких измененных фразеологизмов во много раз меньше, чем в стихотворных произ-

ведениях, что сфера употребления их очень ограничена (там же 148). Это утверждение основано на личном ощущении, а не на сопоставительном изучении сферы функционирования вклинивания в поэзии и в прозе, поскольку в диссертации нет ни единого примера из произведений прозаического жанра. Наш анализ многочисленных как стихотворных, так и прозаических произведений, газетных и журнальных материалов показывает, что и количество и сфера употребления ФЕ с вклиниванием в прозаических произведениях нисколько не уступает стихотворным произведениям, но наоборот, именно в них, так как они не регламентированы жесткими ограничениями рифмы и ритма, вклинивание широко раскрывает свои потенции как стилистический прием.

Начнем наш анализ с лексико -грамматических особенностей вклинивающих элементов и затем перейдем к их функции.

Лексико-грамматические классы вклинивающих элементов. С точки зрения лексико-грамматических классов, вклинивающие элементы весьма разнообразны. Они могут относиться практически к любой части речи, но чаще всего вклиниваются существительное, прилагательное, числительное, местоимение, деепричастная и причастная формы глагола, частица. Помимо частей речи могут вклиниваться также и словосочетания.

Существительное: По своему значению вклинивающиеся существительные могут быть собственными или нарицательными, конкретными или абстрактными: Ушундай иш болот деп **үч уктаса Танабайдын түшүнө кирди беле?** (Айтматов), «Разве Танабай мог предвидеть, что случится» (букв. «могло ли это присниться Танабаю в трехкратном сне»)? **Кайнатып мырза шорумду** («Карач, Көкүл»). «Великие беды принес ты мне, мой господин» (букв. «вскипятил ты накипь моей соли от пота»). Мунун **түбүнө согуш жетпедиби** (Айтымбетов). «Вой на же доканала его» (букв. «война же дошла до его корня»). **Эттен өтүп кордугу, Сөөгүбүзгө жетти дейт** («Эр Солтоной»). «Говорят, что его унижение стало совсем невыносимым» (букв. «его унижение, пронзив тело, дошло до костей»).

Существительное может принимать любое падежное окончание, в зависимости от характера его окружения: Керимбектин **кыртышы бул кызды сүйбөй баратты** (Мавлянов). «Керимбек начал недолюбливать эту девушку». Эдилбайдын **көзү кагаздан өтүп кетти** (Абдиев). «Эдилбай не спускал глаз с бумаги» (букв. «глаза Эдилбая пронзили бумагу»). Трактору иштетпей койгон сизби? — деди ал **мурду менен жетекчиге бир тийип (Акматов).** «Вы тот человек, который не допустил трактор к работе? —«грубо спросил он у руководителя» (букв. «ре

зко ударился носом о руководителя»). **Буруттардын сазайын, Булкушкан жерде берем** деп («Манас»). «Сказав: Бурутам покажу кузькину мать на поле боя» (букв. «в том месте, где будем дергать друг друга»).

Прилагательное. Вклинивающиеся прилагательные выполняют функции уточнения, конкретизации и усиления. В силу этого в исследуемом процессе участвуют только качественные прилагательные, а относительные прилагательные вообще не встречаются:

— Качан болсо мени каргайсың, үн чыгарсам чыңырасың, **жонундан жоон кайыш алайын** («КМ»). «Ты всегда меня проклинаешь, кричишь на меня, не даешь слово сказать, но теперь я проучу тебя» (букв. «ты всегда меня проклинаешь, если в ответ издам звук, рычишь; теперь с твоей спины сниму толстый ремень»).

Часто встречаются и субстантивированные прилагательные: Кайгылуу терең үшкүрөт, **Кабагын сулуу чын чытып** («Карач, Көкүл»). «Сильно горюя, горько вздыхает красавица» (букв. **«красавица с горечью глубоко вздыхает, опустив по -настоящему свои веки»).** Жашырчу жер жок аргамды, **Жакасын кары карманды** («Карач, Көкүл»). «Старик очень сожалел, что нет выхода из трудного положения» (букв. «старик схватил себя за воротник»).

Числительное. Вклиниваются только количественные числительные, которые выполняют главным образом функцию усиления значения ФЕ: Менин ошол жолку атырылышым байкушумдун **шагын үч сындырбадыбы.** О, акмак башым (Сыдык беков). «Глупая моя голова! Я трижды опозорил бедняжку, налетев на него» (букв. «трижды сломал его рога»). **Көңүлү токсон бөлүнүп,** Кандай заман болот деп («Манас»). «Он очень встревожился, когда представил себе наступающее страшное время» (букв. «его сердце рассыпалось на 90 частей»).

Иногда в целях усиления выразительности ФЕ числительное повторяется: Совхоздун бухгалтериялык, финансалык иштерине катуу контролдук жүргүзүп анда иштегендердин көзүн**бир-бир ачып таштады** (Сасбаев). «Установив строгий контроль над бухгалтерскими и финансовыми делами он дал нагоняй конторским работникам» (букв. «он раз-раз им открыл глаза»).

Местоимение. Почти все виды местоимений могут вклиниваться в состав ФЕ, но чаще других встречаются личные местоимения. Они выполняют в основном функцию уточнения, конкретизации: **«Келтирдиң менин жинимди (Инв. 5186).** «Разозлил ты меня» (букв. «ты принес мою спесь»), Кабылан Манас баатырдын, **Кыжырына сен тийдиң, балам** («Манас»). «Ты,

сынок, вызвал гнев Манаса — батыра» (букв. «трогал злость тигра —Манаса баатыра»). —Кана, жүргүлө булардын **эсебин өзүбүз табабыз** (Элебаев). «Ну, пошли, мы сами найдем на них управу» (букв. «найдем их счеты»). Ушу сенин **колтугуңа бирөө суу бүркүп жүрөт окшойт** (Касымбеков). «Видать, кто-то подогревает тебя» (букв. «кто-то постоянно воду подбрызгивает в твою подмышку»).

Наречие. Все наречия, которые вклиниваются в состав ФЕ, по их значению можно разделить на две группы: обстоятельственные и определительные наречия. Наречия, относящиеся к первой группе, обычно выступают в функции обстоятельства времени или места и уточняют, конкретизируют и усиливают значения ФЕ.

«Бирөөнүн элинде султан болгуча, өз элиңде ултан бол» — дегенге анын **көзү алда качан жеткен** («КМ»). «Он давно понял, насколько правильно народная мудрость, которая гласит: «Чем быть султаном у чужого народа, лучше быть подметкой у своего» (букв. «его глаза давно увидели»). Айтканда тилим албасаң, **Бармагыңды бир жерде, Кесе тиштеп каларсың** (Инв. 501). «Если ты меня не послушаешься, когда-нибудь обязательно раскаешься» (букв. «крепко будешь кусать свой палец»).

Наречие второй группы, как правило, обозначают количество, качество или меру действия: Данияр обон салганда, алар үчүн **менин ичим ушунчалык жылып**, жүрөккө толгон кубаныч **ушунча ташкындаит** (Айтматов). «Меня охватывала необъяснимая радость за них, когда мы возвращались по ночам в аил и слушали пение Данияра» (букв. «моя внутренность сильно нагревалась»). **Жүрөгү тыз-тыз тилинди** (Касымбеков). «У Нузупа защемило сердце» (букв. «его сердце с треском разрезалось»). Анан ал Алисага жүгүрүп келип, кучактап калчудай колун созуп келди да, ошол замат **ындыны кайра өчө түштү.** (Акматов). «Он прибежал к Алисе с распростертыми руками, как бы он хотел ее крепко обнять, но тут же руки у него опустились» (букв. «он снова пал духом»).

Причастная форма глагола. Глаголы вклиниваются в состав ФЕ, как правило, в двух формах: в причастной и деепричастной. Обильно встречаются причастия в форме на —ган.

Примеры: Азамат болсоң, кең болуп, **Чөп салба баскан изи ме (Токтомушев).** «Если ты настоящий молодец, будь благодушным и оставь меня в покое.» (букв. «не клади траву на мои следы»). **Түбөлүккө арылгыс, Маңдайым толгон шор** деди (Инв. 5186). «Я очень несчастливый человек, — сказал он» (букв. «мой лоб покрыт таким густым слоем соли от пота, что я не в состоянии избавиться от него до конца своих дней»).

Возможны субстантивированные причастия:: **Туруша албай бузулду, Тургандардын зейини** («Карач, Көкүл»). «Не выдержали и те, которые стояли» (букв. «расстроилось чувство даже у тех, которые стояли»).

Деепричастная форма глагола. Из деепричастных форм глагола чаще в состав ФЕ вклиниваются деепричастия на -ып, -а; ..ыгы келсе **эсебин аңдып жүрүп табат** («Жоодарбешим, Сейитбек»). «При удобном случае на них управу найдут» (букв. «выследят и рассчитаются с ними»). Жөн кой, акыры бир күн **бармагын кырча тиштеп жатсын** (Мураталиев). «Да оставь его, ..в один прекрасный день, он сам раскается» (букв. «крепко укусит свой палец»).

Частица. В состав ФЕ, как мы упомянули выше, кроме полнозначных слов могут вклиниваться и разнообразные частицы в сочетаниях и вне сочетаний с полнозначными словами, значительно повышая экспрессивность высказывания через усиление, уточнение или кокретизацию значения ФЕ. Эти частицы передают положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету речи. Несколько чаще встречаются огра ничительные и усилительные частицы, а именно: -гана, тим эле, -ого бетер, -да:

Сарыбай мүнүшкөр Теңирбердинин **көңүлүн гана улап** кой ду. (Касымбеков). «Сокольник Сарыбай сказал это лишь для того, чтобы подбодрить Теңирберди» (букв. «лишь удлинил его настроение»). Көпөстүн **ичинен тим эле кан өтүп кетти** («КМ»). «Купец сильно огорчился из-за потерянного чапана» (букв. «у него начался кровавый понос»). Кызынын кейпин көрүп **жүрөгү ого бетер ачышып,** санаасы санга бөлүндү (Абдиев). «При виде своей дочери у матери защемило сердце» (букв. «ее сердце сильнее ело, и она терялась в догадках»). Албан келгенден бери **Ийгиликтин колу узарып да калды** (Убукеев) «Как только приехал Албан, Ийгилику стало легче» (букв. «у Ийгилика руки стали длиннее»).

Словосочетание. Факты говорят о том, что способностью вклиниваться в состав ФЕ обладают и словосочетания. По составу, структуре и содержанию они весьма разнообразны. Приведем лишь некоторые примеры: Эчтекени кыртыштары сүйбөй, **көздөрүндө огу болсо, мына бул жорго минген немени атып жибере тургандай болушат.** (Сыдыкбеков). «Их недружелюбие было настолько сильно, что они были готовы убить вот этого седока на гнедом коне, если бы у них было оружие под рукой» (букв. «если были бы пули в их глазах»). **Ичин көрсөң көк жалдын, Көл дайрадан кең экен» («Манас»).** «Богатырь,

оказывается весьма и весьма щедрый человек» (букв. «если посмотреть во внутренность Богатыря, оказывается, она шире, чем озеро и река вместе взятые»).

Иногда размер вклинивающейся фразы настолько велик, что в стихотворных произведениях может составлять целую строфу. Это хорошо просматривается при сравнении употребления одной и той же ФЕ в традиционной и измененной формах, в особенности ФЕ, состоящей из двух частей: **Канаттууга кактырбай, тумшуктууга чокутпай** багам. Мага да бала керек (Садыбакасов, КТСФ). «Мне тоже нужен ребенок. Я сам буду растить его, не давая никому в обиду» (букв. «не позволяя крылатым ударить его крыльями, имеющим клюв клевать его»).

Канаттууга кактырбай,
Калкын жоодон сактаптыр.
Калың кыргыз коопсуз,
Жергесин душман баспаптыр,
Тумшуктууга чокутпай,
Туурун жоодон сактаптыр.

(«Карач, Көкүл»). Он охранял свой народ, не давая никому в обиду» (букв.:

«Крылатым бить крыльями не давая,
От врага он народ свой охранял.
В его земли враг не вступал.
В безопасности они жили,
Клевастым клевать не давая,
Густой народ—кыргызы,
Край он родной оберегал».

Мы видим из примера, что между первой и второй частями фразеологизма лежит целый куплет. При этом каждая часть является организующим центром смыслового содержания четверо-стишия и выполняет стилистическую функцию—соответственно функцию анафоры и эпифоры. Это еще раз подтверждает наш постулат о том, что в кыргызском языке каждая часть в двухчастных фразеологизмах обладает потенцией самостоятельного употребления (63,49).

Экспрессивные возможности вклинивающихся элементов

Выразительные потенции фразеологических единиц при вклинивании основаны на их раздельнооформленности. «Раздельнооформленность языковых знаков вторичного образования, т. е. фразеологизмов, — подчеркивает И. И. Чернышева, —делает их неповторимыми и единственными в отношении коннотации» (99,7). Вклинивающиеся в состав ФЕ частицы, слова

и словосочетания могут, на первый взгляд, казаться ненужными, лишенными какой-либо функции элементами, нарушающие закономерную структуру ФЕ, а на самом деле, они являются важным средством повышения экспрессивности ФЕ и высказывания. Свою функцию они выполняют в соответствии с целью, задачами и условиями коммуникации, уточняя, усиливая или же ослабляя значение ФЕ, а также создавая разнообразные стилистические фигуры, переводя высказывания из одного стиля в другой.

Уточнение или конкретизация значения ФЕ. Вклинивающиеся элементы уточняют или конкретизируют значения фразеологизма через указание на субъект, объект, место, время или образа действия, процесса выраженного фразеологизмом. Покажем каждый случай на примерах:

а) вклинивающийся элемент в роли субъекта «**Талканын чыгар** —«стереть в порошок» (букв. «превратить в толокно») Жыйырма тогуз калмактын, **Чыгарды баатыр талканын** («Эр Солтоной»). «Двадцать девять калмыков, Богатырь стер в порошок» (букв. «превратил в толокно»). **Үч уктаса түшүнө кирбеди** «и во сне не снится» (букв. «и в трехкратном сне не привидится»). —Ушундай болот деп **үч уктаса Танабайдын түшүнө кир** ди беле (Айтматов)? «Разве Танабай мог бы подумать раньше запрячь Гулсары в телегу». (букв. «могло ли это присниться Танабаю в трехкратном сне»)?

б) вклинивающийся элемент выполняет функцию объекта: **Катыгын колуна бер** — «показать, где раки зимуют» (букв. «дать ему в руку простоквашу»). Катылгандын **катыгын, Өз** колуна берген деп («Жоодарбешим, Сейитбек»). «Сказав, что всем напавшим на него, он показал, где раки зимуют» (букв. «давал простоквашу в руки»).

в) вклинивающийся элемент является определением: **Башына мүшкүл түш** —«свалится беда на кого-либо» (букв. «на его голову пала трудность»). Бир кезде менин **(башыма ушундай мүшкүл иш түшөрүн** алар билсе керек Мавлянов). «Наверняка, они предчувствовали, что на меня свалится беда» (букв. «такое несчастье упадет на мою голову»).

г) вклинивающийся элемент в функции обстоятельства места: **Канын төк** —«убить кого-либо» (букв. «пролить его кровь»). «Кайгайлаган кашкарлык, **Каныңды жерге төгөйүн** («Жаңыл Мырза»). «Эй, ты не хвастайся, а то покончу с тобой» (букв. «Ты, гикающий кашгарец, Пролью на землю кровь твою»). **Бармагын тиште** —«раскаяться, выразить сожаление» (букв. «укусить свой палец»). Айтканда тилим албасаң, **Бармагыңды бир жерде, Кесе тиштеп каларсың** (Инв. 501). «Если

ты меня не послушаешь, когда-нибудь об этом пожалеешь» (букв. «крепко будешь кусать свой палец»).

д) вклинивающийся элемент в функции обстоятельства времени: **Тамырына балта чап** —«подрубить чей-либо корень». Өзүнөн жогору турган, келечекте сенден орун талаша турган немени **тамырына азыртан балта чап** (Мавлянов). «— Тому, кто превосходит тебя и будет в будущем вести борьбу за твое кресло, вставляй сейчас палки в колеса» (букв. «сейчас же начинай подрубать его корень») Чаңы **асманга чык**— «быть разгромленным, уничтоженным» (букв. «его пыль подымется в небо»). **Ийгилигинин да, «рипкомунун» да чаңы эчак эле чыгат болучу!**— деп анысы да кошоко кошула калды (Убукеев). —«Давно прикончили бы Ийгилика вместе с «рипкомом», если бы не мы! —сказав так, он присоединился к мнению присутствующих» (букв. «давно поднялась бы пыль от Ийгилика и «рипкома»).

е) вклинивающийся элемент в функции обстоятельства образа действия: **Көзүн тазала** —«ликвидировать, искорбонит» (букв. «чистить чьи-либо глаза»). Күң тамактыкка өтүп алган айрым активдердин гана эмес, ошого үйүр алган малчылардын да **көзүн кошо тазалабай туруп**, дайыма күн тартибинде турган этти да, сүттү да, жүндү да көбөйтүү мүмкүн эместигин ачык түшүндү Катаган (Абдиев). «Катаган ясно понял одно: без ликвидации не только активистов, которые привыкли к дармоедству, но и их приспешников, колхозу никогда не выполнить плана по продаже мяса, молока и шерсти» (букв. «не вычистив их глаза»). **Көзүнө чөп сал** — «изменить мужу» (букв. «вставлять траву в его глаза»). Акылбектин **көзүнө далай жолу чөп салган** (Стамов). «Она не раз изменяла мужу» (букв. «много раз она вставляла траву в глаза Акылбека»).

Значение ФЕ может уточняться с помощью ограничительных (-гана, эле), соединительных (-да) и усилительных (-дагы) частиц: Абилдин **сазасын гана сындырбас үчүн** «бара көрөлү» дешип кутлуг —сеит Шердатка баш болгон элүүдөй атчан келип түштү (Касымбеков). «Лишь для того, чтобы не обидеть Абил -бия к ним приехали около пятидесяти всадников во главе самим Кутлуг-сеит Шердаткы» (букв. «лишь для того, чтобы не сломать его слова»). Шаарга барып иштеп, өз убагында айлык жеген менин **колуман да келет** (Айтматов). «И я смогу работать в городе и своевременно получать зарплату» (букв. «и с моей руки придет»). Бекназардын **кабагы дагы бүркөлүп** унчукпады (Касымбеков). «Бекназар снова нахмурился и промолчал» (букв. «у Бекназара веки снова стали пасмурными»).

Частица —эле обычно встречается в сочетании с другими

частицами: **Үмүт дагы эле үзүлө албады** (Касымбеков). «Он еще не потерял надежду» (букв. «его надежда все еще не порвалась»).

Усиление значения ФЕ. Средства усиления значения ФЕ с помощью вклинивающихся элементов многочисленны, а способы весьма разнообразны. К средствам усиления прежде всего относятся усилительные частицы: аябай «очень», «сильно», «совершенно», «исключительно», «совсем», «вовсю», «здорово», «много»; абдан «очень», «весьма», «совсем», «совершенно»; ого бетер «еще того сильнее», «еще того больше (лучше, хуже»); тим эле «ну прямо-таки», «ну прямо», «ну прямо как»).

Например: Андан **көңүлүм аябай калыштыр, эми бирге** жашамак турсун, анын ысмын да атагым келбейт («КА»). «Я совершенно разочаровалась в нем, не говоря уж о сожительстве с ним, от одного упоминания его имени мне делается тошно» (букв. «мое чувство совсем осталось от него»). Анын минтип тоготпогондой тондоосун турушу председателдин **кыжырын ого бетер кайнатты** («СК»). «Его вызывающе холодное отношение окончательно вывело из себя председателя» (букв. «еще больше вскипятило его злость»). Көпөстүн **ичинен тим эле кан өтүп кетти** («КМ»). «Купец сильно огорчился из -за потерянного чапана» (букв. «у него начал ся кровавый понос»).

По условиям коммуникации, значение ФЕ может усиливаться с помощью ограничительных и определительно-уточнительных частиц: — А сени, Абдырахман: **Терицди тескерп гана сыйрыбастан** (Касымбеков). «Эх ты, Абдырахман! Как жаль, что я не содрал с тебя шкуру» (букв. «не содрал твою шкуру наизнанку»). Эликке чыгып али келин сынын бузбайт, **согончогу да канабады** (Касымбеков). «У его жены и в пятьдесят лет фигура как у молодухи, жаль, что она совсем не рожала» (букв. «ее пятки ни разу не покрывались кровью»).

В усилении значения ФЕ, кроме частиц, большую роль играют слова -интенсификаторы со значением «очень», «весьма», «совсем», «совершенно», «исключительно». В роли интенсификаторов обычно выступают прилагательные. Их очень много, и поэтому ограничимся некоторыми примерами: Мырзамамыттын аялынын өлүшү **«кабыргамды жаман кайыштырды** (Жетимишев). «Смерть жены Мырзамамыта очень опечалила меня» (букв. «плохо разогнула мое ребро»). Анысы Албандын **шагын катуу сындырды** (Убукеев). «Его слова совершенно опозорили Албана» (букв. «сильно сломали его рога»). Анын күлкүсү **ичинде кыпындай кири жок**., адамдын күлкүсү эле (Жетимишов). «Его смех был смехом человека крис-

тальной чистоты» (букв. «человека, у которого внутри нет ни одной пылинки грязи»). Андан башка себеб жогуна **көзүм нукура жетти** («КМ»). «Я глубоко понял, что кроме этой, нет никакой другой причины» (букв. «мои глаза совершенно дошли до причины»).

Нередко в роли интенсификатора выступают числительные: Эки жолку аны менен жолугушуусу Сапардын **көңүлүн бир жолу муздатып койгон** (Мавлянов). «Сапар совсем охладел, встретившись с ней дважды» (букв. «двухкратная встреча с ней заставила его сердце охладеть один раз»).

Усилению значения ФЕ служат и вклинивающиеся словосочетания: Артыков Ашим «Өзгөрүш» совхозуна директор болгондон бери Дзержинский атындагы орто мектептин окуучуларынын **шору этсиз шорподой гана кайнады** («Чалкан»). «Большая беда навалилась на голову учащихся сш. имени Дзержинского, как только Артыков Ашим стал директором совхоза «Өзгөрүш» (букв. «их накипь от пота начала кипеть, как бульон без мяса»).

Для усиления экспрессивности ФЕ может быть использован прием объединения двух ФЕ в одну. В таком случае одна ФЕ вклинивается в другую ФЕ как окказиональный элемент. Так, например, в кыргызском языке существуют две самостоятельные ФЕ: абийирин сакта —«беречь свою честь» и чаң жугузба —«относиться к кому -либо очень важно, заботливо». В следующем примере они объединены в одну: Элдин, өзүңдүн **абийириңди чаң жугузбай сактоо** да ак ниеттүүлүк эмеспи (Абдиев)? «Не честность ли это, если бережешь свою честь и честь народа» (букв. «если бережешь честь свою и народа, не давая ей запыляться»)? Такой прием повышения выразительности ФЕ отмечается и другими исследователями (95,208).

Объединяемые ФЕ могуть быть в синонимических отношениях: Карап тургандар кыйкырык -сүрөөнгө алып, айрыкча атасы **боору эзилгенче ичин тырмап күлдү.** Айтматов) «Собравшиеся там люди, в особенности его отец, покатились со смеху» (букв. «смеялись до того, пока у них печени не превратились в мякоть, а живота не надорвались»).

Иногда вклинивающийся элемент, хотя и кажется, что уточняет значение ФЕ, на самом деле указывает на высшую степень качества. Ай, менин ошондогу уялганым ай! **Төрт шыйрагым өлбөгөн эле жерде калды** (Айтматов). «Я готов был тогда от стыда провалиться сквозь землю» (букв. «от меня живыми остались на земле только четыре голени»). Кошпой калсын, кошсо да оюну, кызыгы тарагынча, андан соң ыйлатып салып, **сыз жерге олтургузуп,** жаңыз таштап салып, баса беришет (Мураталиев). «Эх, что и говорит о мужчинах, они хороши, заботливы до тех пор, пока они не насытятся тобою вдоволь, а потом посадят тебя в лужу и удаляются» (букв. «посадят тебя на сырое место»).

Немало случаев, когда вклинивающийся элемент выполняет двойную функцию —функцию уточнения и усиления значения ФЕ. В этой роли может выступать как слово, так и словосочетание: Жөн кой, акыры бир **бармагын кырча тиштеп жатсын** (Мураталиев). «Да оставь его, когда-нибудь он сам поймет и будет сожалеть, но поздно будет тогда» (букв. «Крепко укусит свой палец»). Мына бу биздин айылда эки тап бар экендигин, алардын **оту биздин убагыбызда эле эмес, эзелтен бери күйүшпөй келаткандыгын** унутпаңыз (Убукеев). «Не забудьте, что в нашем аиле были и есть два непримиримых класса (богатые и бедные)». Здесь вклинивающееся словосочетание биздин убагыбызда эле эмес, эзелтен бери «не только сейчас, а с давних пор», с одной стороны, уточняет значение ФЕ **оту күйүшпөй** «не мириться» (букв. «их огонь не разжигается») указанием на длительность времени действия, а с другой — усиливает его, подчеркивая непримиримый характер классовой борьбы между бедными и богатыми. То же, что и в предыдущем примере. Вклинившееся в состав ФЕ слово «кырча» «резко отрезая» одновременно и усиливает и уточняет ее значение.

В этой связи следует еще раз подчеркнуть, что прием вклинивания в поэзии, в отличие от прозы, определяется не только стилистическими задачами, но и размером стихотворной строки, чем и объясняется двойственность функции вклинивающегося элемента. Он, как правило, с одной стороны, усиливает или уточняет значение ФЕ, а с другой —поддерживает рифмовку и ритмику стихотворной строки. Это справедливо и в том случае, когда вклинивающийся элемент находится в синонимичном отношении с одним из компонентов ФЕ: Отуз миң кол алганга, **Көңүлү тынып жайланып** («Манас»). «Взяв в плен тридцать тысяч солдат, Он остался очень довольным» (букв. «его душа, найдя себе место успокоилась»). **Жарпы жарык жазылып,** Жанында экен күткөнү («Карач, Көкүл»). «В самом прекрасном настроении, Рядом с ним оказалась его невеста» (букв. «с веселой душой»).

С помощью вклинивающегося элемента для усиления значения ФЕ создаются разнообразные стилистические фигуры, в особенности гипербола и ирония: **Кубаныч коюнга эмес, уч бөлмөлүү үйүмө батпай жаткансыйт** («КМ»). «Я был вне себя

от радости» (букв. «Казалось, что моя радость не помещается не только за мою пазуху, но и в мою трехкомнатную квартиру»). — Ие, таксыр, Абдырахман кача алабы сиздин ченгелиңизден, **терисин бир эмес беш сыйрысаңыз** сиздин пашалык эркиниз (Касымбеков)? «Ваше сиятельство, куда же Абдырахману вырваться из ваших когтей? Если захотите Вы, можете содрать с него не одну шкуру, а пять. Это ваше царское право. **«Көңүлү беш жүз киловаттуу прожектор жакса да жарык болчудай эмес** («Чалкан»). «Нет совсем у него настроения» (букв. «у него в душе такой мрак, что невозможно его рассеять даже прожектором мощностью в пятьсот ватт»). **Ичин карап отурсаң, Жер жүзүнөн кең экен** («Манас»). «Манас, оказывается, очень щедрым человеком» (букв. «внутренность богатыря, оказывается, шире, чем лицо земли»). Ирония: Мойтоңдун **оозу шынаа каксаң да ачылбайт** («Токтому Мойтон рот настолько сильно закрыт, что клином не откроешь») (на самом деле, она не может хранить тайну, сразу разболтает всем —А. Н.).

Ослабление значения ФЕ. Оно осуществляется с помощью специальных слов, со значением умеренности действия: шашпай «не торопясь», акырын «потихоньку», «жайбаракат» «медленно не спеша», жакшы эле «неплохо», саал «чуточку» и др.

Например: **Эбин тап** —«убрать кого-либо с арены» (букв. «найти ключ к решению чего-либо, найти способ решения»). **Эбин шашпай табалык** («Эр Төштүк»). «Не надо торопиться, уберем его при удобном случае» (букв. «не спеша найдем выход»). **«Жинин как** —«сбить спесь с кого-либо». **Жининди акырын кагып коюш керек экен** («Ала-Тоо»). «Оказывается, следует сбить с тебя твою спесь не спеша». **Жазасын колуна кармат** —«проучить, сильно наказать» (букв. «его наказание ему в руки дать»). Алардын **жазасын колуна жай баракат кар матамын** (Убукеев). «Я им покажу» (букв. «не спеша я дам их наказание им в руки»). **Абийири төгүл** —«опозориться» (букв. «его честь льется»). — «Токтот, болду. Мына бу маалим келиндердин алдында **абийирим жакшы эле төгүлдү** (Сыдыкбеков). «Довольно с меня, прекрати разговоры. Итак достаточно опозорился я перед этими молодыми женщинами» (букв. «моя честь хорошенько разлилась»). **Кайырыгы түтө**—«расстроиться, сильно опечалиться (букв. «у него в носу пересохло»). Бекматтын **кайырыгы саал түтөп кетип**, андан ары сүйлой албай калды (Абдыраманов). «Расстроившись, Бекмат не смог

дальше продолжать разговор» (букв. «у него в носу немного пересохло»).

2. Добавление или увеличение числа компонентов ФЕ за счет окказиональных элементов вне ФЕ.

Добавление есть такой прием контекстуального преобразования ФЕ, при котором в состав ФЕ вводятся только на данный случаи окказиональные элементы, без каких-либо нарушений ее традиционной структуры. Эти элементы легко отделятся от ФЕ. Хотя добавляемые элементы формально не входят в структуру ФЕ, но оказывают сильное влияние на ее семантику. Непременным условием функционирования в речи этих элементов как выразительных средств является их контактное расположение с ФЕ. Без такого расположения они не могут выполнять функцию уточнителя или интенсификатора значения ФЕ. Обычная позиция вклинивающегося элемента впереди ФЕ, т. е. занимает левостороннюю позицию. Добавляемый элемент может быть частицей, словом или словосочетанием: Карыпжан **тим эле асман аига түиүлөт** (Акматов). «Карыпжан стоял против горой» (букв. «свернулся калачиком до неба и луны»). Жаш адиске **кыпындай да боорлору ооруган жок** (Сасбаев). «Молодому специалисту не сочувствовали ничуточкой» (букв. «за него их печень ни капельки не болела»). Куйругун кыпчып, жанын бакпайт да **тынч жаткан жыландын куйругун басат** (Сасбаев). «Вместе того, чтобы жить спокойно, навлекает на себя большую неприятность» (букв. «наступает на хвост спокойно лежавшей змеи»).

Окказиональные элементы ФЕ выполняют стилистическую функцию —функцию усиления или уточнения значения ФЕ и придают ей различную эмоционально—стилистическую окраску.

Усиление значения ФЕ. Собранный нами материал позволяет указать на некоторые слова, более или менее регулярно выступающие в качестве интенсификаторов, Они —качественные прилагательные, числительные, наречия и частицы, а также словосочетания с различными наполнениями. Мастера слова достигают создания высокой выразительности ФЕ и высказывания, умело используя прием добавления:

а) прилагательное в роли интенсификатора: Жер майышкан кол алып, **Кутурган жинин кагамын («Манас»)**. «Взяв с собой несметное войско, Покажу ему кузькину мать» (букв. «собью с него бешеную спесь»; Эки көзү жайнады, **Казандай ичи кайнады** (инв. 233). «От зависти он потерял покой» (букв.

«засверкали его глаза, словно котел, вскипела его внутренность»);

б) числительное в роли усилителя: Кыйла түркүн ой менен, **Кырк кабырга сөгүлүп** («Манас»). «Он потерял покой, Думая много дум» (букв. «Думал он разные думы, Сорок ребер распоролись»); **Эки көзүн май басып,** Кеткен дешет бир тооу («Чалкан»). «Говорят, что они задирали нос» (букв. «говорят, что у них оба глаза покрыты пленкой жира»);

в) наречие в роли интенсификатора: ... **биротоло чабар бармакты чабайын деп (Айтматов).** «Отважившись на все, я ей сказал: — Их еще раз обязательно нарисую!» (букв. «решившись отрезать полностью палец, которому следует быть отрезанным»); Борбашев катуу кордолдум, **оңткүл абийирим аңрандай төгүлдү,** деп түшүндү да колхоздон кетүүнү ошол эле замат чечти (Сасбаев). «Борбашев считал себя окончательно посрамленным и тут же решил покинуть колхоз» (букв. «весь мой авторитет разлился как кислое молоко»);

г) частица в роли усилителя: Ажибаев **ого бетер күйүп жанды** («СК»). «Аджибаев еще больше стал горевать» (букв. «еще больше стал гореть —воспламеняться»); Карыпжан **тим эле асман-айга түйүлөт** (Акматов). «Карыпжан стоял против этого просто горой» (букв. «свернулся калачиком до неба и луны»); **Болгондо да союп каптагандай окшош экенсиң** («Ала Тоо»). «Ты, прямо-таки как вылитый отец» (букв. «ты так уж похож на отца, как будто сняв его кожу, накинули ее на тебя»);

Прием добавления может сочетаться с вклиниванием, причем окказиональные элементы могут быть с одним и тем же значением, скажем, со значением «только». Так, в следующем предложении как вклинивающиеся, так и добавляемые элементы состоят только лишь из ограничительных единиц, которые имеют значение «только». Такое нагнетание семантически однородных элементов служит одной цели—созданию фразеологической экспрессии повышенной силы: **Ал жалаң гана өзүнүн жана эринин арабасын эле тартса болот эмеспи** («КМ»). «Почему бы ей не заняться только своими «семейными» делами вместо того, чтобы совать свой длинный нос в чужие дела» (букв. «почему бы не тянуть только лишь телегу свою и мужа»)?.

В ряде случаев прием добавления является эффективным средством создания иронии. Так, например, в кыргызском языке существует ФЕ **ичкен ашын жерге коюу** «очень нежно, заботливо относиться к кому-либо, к чему-нибудь» (букв. «ставить на землю чашу, из которой он хлебал»). Добавление к

ней глагольного сочетания төгүп да жиберемин «готов и выплеснуть» внешне имеет положительное значение, как бы выражает безмерную любовь, а фактически имеет отрицательное значение. Контраст между традиционным и контекстуально- созданным значениями ФЕ создает юмористический эффект: Иш дегенде, **ичкен ашымды жерге коймок турсун, төгүп да жиберемин** («Чалкан»). «Без работы жизнь себе не представляю» (букв. «когда говорят «работа» я не только ставлю на землю свою пищу, но и выплескиваю ее»). Кыргызы высоко ценят еду, и миску с пищей или чашку с чаем ставят в знак уважения только тому, кто достоин этого. Выплеснуть чай, который ты пьешь, или пищу, которую ты хлебаешь, предосудительно, потому что для человека еда — источник жизни. Вот почему дополнительный элемент ФЕ, хотя с внешней стороны как бы и выражает безмерную любовь говорящего к работе, а на самом деле подчеркивает его сильное отвращение к ней, что и создает иронию, делая высказывания эмоциональным, ярким и образным.

Уточнение или конкретизация значения ФЕ. Прием добавления повышает выразительность ФЕ не только усиливая но и уточняя и конкретизируя ее значение. Обычными уточнителями значения ФЕ являются прилагательные и специальные слова: Уулума **жаман тилдерин тийгизбесин** (Убукеев). Пусть не оскверняют они моего сына» (букв. «пусть не касаются моего сына своими гадкими языками»). Качан да болбосун... Сейликаны менен **атайын экөө үчүн жасалган жаздыкка** баш коюп, **бир жууркандан бут чыгарууга тийиш** (Мавлянов). «Он должен же жениться на своей любимой девушке —Сейликан» (букв. «он должен же когда-нибудь положить свою голову вместе с Сейликан на подушку, специально приготовленную для них, и высунуть ноги вместе с ней из-под одного одеяла»).

Следует отметить, что в большинстве случаев добавляемый элемент выступает и уточнителем и интенсификатором значения ФЕ одновременно: Ал арызданып, акыйкатына жеткиче, **кара чачы агарып кетет тура** («СК»). «Пока он докопается до истины, целый век пройдет» (букв. «его черные волосы станут седыми»). Менин айткандарыма унасаң, эртеңден баштап **жылуу колтугума киргизип алайын** (Токтомушев). «Если ты согласна со мной, то с завтрашнего же дня я возьму тебя под крылышко» (букв. «возьму тебя под мою теплую подмышку»).

Таким образом, прием увеличения компонентов ФЕ (вклинивание и добавление) за счет окказиональных элемен-

тов является мощным средством создания функциональной фразеологической экспрессии. При помощи окказиональных элементов значение ФЕ уточняется, конкретизируется, интенсифицируется или же ослабляется в соответствии с целью, задачами и условиями коммуникации, создаются разнообразные стилистические фигуры, обеспечивающие ФЕ экспрессию повышенной силы.

§ 3. Сокращение числа компонентов ФЕ.

Прием сокращения компонентов ФЕ (эллиптирование ФЕ) является одним из художественных средств, используемых для повышения экспрессивности и эмоциональности ФЕ и высказывания и представляет собой диалектическую противоположность приема увеличения числа компонентов фразеологической единицы.

В. В. Виноградов явление фразеологического эллипсиса рассматривал как результат семантической неделимости, невыводимости значения целого из компонентов и ограничивал его только с фразеологическими сращениями, так как только они обладают указанным признаком. «В фразеологическом сращении, — отмечал В. В. Виноградов, — все элементы настолько слиты и недифференцированы в смысловом отношении, что эллиптическое опущение или экспрессивное сокращение хоть одного из них либо вовсе не влияет на значение целого, либо приводит к полному его распаду». И далее он подчеркивал, что «при экспрессивном употреблении сращения, если позволяют синтаксические условия, опорная его часть может быть равна целому и выступать в значении целого. Фразеологические сращения в этих случаях могут безболезненно терять свои части одну за другой» (26,149). Однако факты кыргызского языка показывают, что эллипсис свойственен не только фразеологическим сращениям, но и фразеологическим единствам и фразеологическим сочетаниям. Это говорит о том, что нельзя объяснить эллипсис только семантическим фактором, не менее важным фактором является структурная организация ФЕ. «Без раздельнооформленности и общеизвестности, — справедливо утверждает А. В. Кунин, —эллипсис как стилистический прием был бы невозможен. Эллиптическому опущению компонентов ФЕ способствует их сверхсловный характер» (52,110).

Ряд исследователей (9,13; 78,26; 94,108), и в частности В. Н. Телия, считает, что предпосылкой окказиональной редукции компонентов ФЕ является свойственная их значению семантическая избыточность, что позволяет опускать какие-то части, не существенные для понимания целого» (89,255—256). Это утверждение вызывает некоторые возражения. Во-первых, при эллиптировании ФЕ не освобождается от избыточного смысла, как думает В. Н. Телия, а, наоборот, осложняется, происходит «сжатие», конденсация смысла— вмещение того содержания в меньшее количество знаковых форм (30,12). Иными словами, опущенные элементы семантически настолько весомы, что без их воспроизведения в сознании читающего или слушающего понимание редуцированной формы ФЕ просто невозможно. Во-вторых, парадосальность утверждения В. Н. Телия становится особенно очевидной в тех случаях, когда опускается то одна, то другая часть одного и того же фразеологизма. Покажем это на примере одного фразеологизма: **өзүн өзү билүү, өтүгүн төргө илүү** «самовольничать» (букв. «сам себя зная, сапоги свои на почетном месте повесив»). Бүгүнкү күндө көп курулуш уюмдары, өнөр жай ишканалары **өздөрүн өзү билип** жер алдын казууну туш келди жүргүзө беришчү болду («СК»). «В последнее время многие строительные организации и промышленные предприятия ведут подземные работы самовольно, где попало». Маа десе **өтүгүн төргө илсин** — ат аныкы, араба аныкы (Акматов). «Пусть поступает как ему вздумается —и лошадь, и бричка его собственность», (букв. «пусть сапоги свои на почетное место повесит»).

Как видим из примера, трудно представить себе, что в первом примере вторая часть, а во втором примере первая часть фразеологизма является избыточной, несущественной для понимания, когда опускается то первая, то вторая их часть. Явления семантической избыточности, конечно, здесь нет, а налицо стилистический прием для передачи мысли, выраженной фразеологизмом в лаконичной и выразительной форме. Отсюда следует считать, что «редуцированные компоненты — это значащее отсутствие. Оно реализуется в контексте и вызывается не избыточностью, а стилистически маркированной экономией языковых средств, выполняющей определенное коммуникативное задание» (52,107).

Традиционно выделяются два типа фразеологического эллипсиса: эллипсис языковой и эллипсис речевой. Языковая редукция компонентов ФЕ обычно не используются как стилистический прием. В данной работе анализируется речевой эллипсис т. е. намеренное, или сознательное опущение компонента или компонентов для придания ФЕ и высказыванию экспрессивности, эмоциональности. С помощью сокращения

числа компонентов ФЕ достигается увеличение воздействующей силы ФЕ, повышается ее лаконичность, динамичность и живость образа.

В кыргызском языке фразеологический эллипсис встречается в разнообразных трансформированных формах. Существуют несколько типов редукций компонентов ФЕ.

Фразеологические единицы кыргызского языка, как было отмечено в первой главе, с точки зрения их структурной особенности разделяются на одночастные и двухчастные ФЕ.

Следует начать с анализа ФЕ первой группы. В данной группе ФЕ возможны следующие типы редукций.

1. **Редуцируется первый компонент ФЕ.**

а) в двухкомпонентных ФЕ: **Майдай жак** —«как масло по сердцу» (букв. «идет как по маслу»). Мен алар үчүн «күнмүн». Алардын мактоосу мага май («Чалкан»). «Я для них (для подчиненных—А. Н.) «солнце». Их хвала, как маслом по сердцу» (букв. «для меня масло»);

б) в трехкомпонентных единицах (их большинство): **Ташын талкан кыл** — «разгромить, стереть с лица земли, стереть в порошок» (букв. «превратить его камень в порошок»). **Талкан кылып** көп элди, Алып кетчү сен эмес («Манас»). «Ты не из тех, кто мог бы победить мой народ и взять его в рабы» (букв «кто мог бы превратить народ в толокно и увести его в рабы») **Кайнаса каны кошулба** — «быть непримиримым» (букв. «его кровь, если даже будет кипеть, не соединится»). Достоштурам деп убара болбо, **Каным да кошулбайт аны менен** (Жантөшев). «Ты перестань хлопатать, чтобы примирить меня с ним. Этому никогда не бывать» (букв. «моя кровь не соединится с ним»).

В двух последних примерах редукция, в отличие от первого выполняет не одну, а две функции: с одной стороны, повышает экспрессивность ФЕ, лаконизируя ее, а с другой — сохраняет ритмику стихотворения, так как в первом стихотворении нефразеологическая строка состоит из семи слогов, а полная форма фразеологизма в сочетании с другими словами второй строки составила бы девятисложную строку, что и делает необходимым опустить первый компонент ФЕ. То же, что происходит и во втором примере. Только здесь редукция первого компонента позволяет сохранить одномерность слогов в первой и во второй строках.

Характер редукции определяется двумя семантическими факторами: степенью семантической спаянности компонентов ФЕ и местом, которое занимает компонент в организации фразеологиче

ского значения. Так, например, нижеприводимые ФЕ отличаются друг от друга и по семантике и по компонентному составу, но однородны в одном отношении: у них степень семантической спаянности компонентов очень высока, опущение хоть одного какого-либо компонента приводит к их полной дефразеологизации и потому не допускают редукции, **сиркеси суу көтөрбө** «к нему на козе не подъедешь» (букв. «его гнида воду не поднимет»); **сары майдай сакта** «бережно хранить, хранить как зеницу ока» (букв. «хранить как топленое масло»), **кой оозунан чөп албаган** «тихий, безобидный» (букв. «человек, который не возьмет травы из пасти овцы») и мн. др.

Способность компонента (или компонентов) к редукции зависит от того, является ли данный компонент ядерным элементом семантики ФЕ или же относится к ее периферийной части. В первом случае он является ядром всей семантики ФЕ и не может редуцироваться, так как его отсутствие в структуре ФЕ приводит ее к полному распаду, а во втором случае (поскольку компонент не является смыслоорганизующим центром) наоборот, он сам организуется вокруг ядра, уточняя, конкретизируя или усиливая его, может сравнительно легко опускаться, что повышает мобильность и динамизм ФЕ в создании различных стилистических эффектов. Количество редуцируемых компонентов также определяется этим фактором. Так, к периферии может относиться один или несколько компонентов, и соответственно эти компоненты могут подвергаться экспрессивному сокращению: **Адалдан түгү жок**—«бедняк, не имеющий скота» (букв. «у него нет даже волосинки от чистой скотины»). Малдан өзүмдөй көптү көргөн бир чологум бар. Мындан башка **түгүм жок** (Элебаев). «Из скота, кроме одного старого барана, у меня ничего нет» (букв. «нет и даже волоса»). **Жабылуу аяк жабылуу бойдон калсын** —«все шито-крыто» (букв. «пусть закрытая чаша останется закрытой»). Балдарым бар, байке, **жабылуу бойдон калсын.** Мынабу он сомго чай ичип коюңуз («Чалкан»). Как видим из примеров, количество редуцируемых компонентов различно: в первом примере он один, во втором — два компонента. Это предельное сокращение для этих фразеологизмов, т. к. дальнейшее сокрашение их приводит к разрушению фразеологизмов.

Прием сокращения числа компонентов ФЕ может сочетаться с приемом увеличения числа компонентов ФЕ в целях повышения выразительности ФЕ и высказывания. Так, например, в следующем диалоге редукция компонентов осложнена приемом добавления, но осознается читателем или слушателем

легко и звучит естественно. Если сокращение компонентов ФЕ придает высказыванию динамизм и лаконизм, то добавление окказиональных элементов резко усиливает значения ФЕ, подчеркивая высокую степень позора. Такое сочетание в одном фразеологизме двух приемов преобразования, естественно, делает его единицей повышенной выразительности: Калайык калктын пикирин кылайтып ойго албасак, төрөпейил —тоң моюн делип, ишеничибиз кетип экөөбүздүн **абийирибиз аштай төгүлөбү же төгүлбөйбү?**

—**Төгүлөт. Төгүлгөндө да жайылып жайпалып** («КМ»). «Если не примем к сведению мнения этих людей, то нас примут за бюрократов, наглецов, вот тогда опозоримся или нет?

— Да, опозоримся. Еще как опозоримся» (букв. «наш авторитет разольется, облив всю землю»).

2. **Редукция серединного компонента ФЕ.**

Чаще всего редуцируются ФЕ, состоящие из трех компонентов: **Арай көз чарай** — «когда все в сборе, в присутствии всех» (букв. «когда лицо и глаз вместе»). **Арай-чарай,** ачык айрым сүйлөшөлү («КМ»). «Давайте-ка поговорим открыто, в лицо, когда мы все налицо» (букв. «в лицо и глаза»).

В следующих примерах эллипсис использован для придания речи динамичности: **Күлүн көккө сапыр** — «разгромить», «показать, где раки зимуют» (букв. «развеять его пепел по небу»). Болбосо, кудасы өзү келип **күлүн сапырат** (Жантөшев). «В противном случае сам сват приедет и покажет ему, где раки зимуют» (букв. «развеет его пепел»). **Кулак мурун кескендей** —«абсолютная тишина» (букв. «как без ушей и без носа»). Колоттун ичи ачылып, бараткан тараптын аралаш токою **кулак кескендей** тынчып уюп жатты (Мураталиев). «По мере того, как раскрывался лог, лежащий впереди нас, виднелся смешанный лес, который спал глубоким сном» (букв. «спал, как без ушей»).

Срединный компонент может редуцироваться и в многокомпонентных фразеологизмах: **Көзүнүн агы менен тең айлан** — «выполнять чьи -либо прихоти», «быть зависимым от кого-либо (букв. «крутиться вместе с белками его глаз»). «Темирбек анын **көзү менен тең айланып бөжүрөйт («КМ»).** «Темирбек выполняет все прихоти Гулай» (букв. «крутится вместе с ее глазами»).

3. Редукция начального и последующих компонентов ФЕ.

Данный тип редукции встречается очень редко: Ушундан соң казый Нүзүпкө чоң салтанат кылып **тизгин берди** (Касымбеков). «После этого казый вручил Нузупу с большим трожеством поводья, что является знаком власти». Полная форма фразеологизма —**эки тизгин бир чылбыр** «два поводья и одна веревка»— с помощью сокращения доведена до одного компонента для достижения предельного лаконизма выражения передачи власти, эмоциональности высказывания.

4. **Редукция конечного компонента ФЕ.** Редукция конечного компонента встречается реже, чем редукция начального компонента ФЕ. Чаще других опускается глагольный компонент с соответствующими изменениями грамматической формы ФЕ: **төбөсү көккө жет** —«быть на седьмом небе» (букв. «его голова касается неба»). Бурма энеңдин арманы жок, **төбөсү көктө (Токтомушев).** «Твоя бабушка Бурма самая счастливая, она на седьмом небе» (букв. «ее макушка на небе»). **тилди суудаи бил** —«знать язык, как свои пять пальцев» (букв. «знать как воду»). Өзү да кыргыз менен үйүр, тилге суудаи (Элебаев). «Он сам кыргызами в добрых отношениях, более того, знает их язык, как свои пять пальцев» (букв. «он языку, как вода»).

Иногда сокращение подчеркивает раздраженность говорящего и придает речи эвфемистический оттенок: **Атаңдын оозуна, урайын—** «к черту послать бы твоего отца» (букв. «ударить бы мне в рот твоего отца»). Башкармасы «талаага оар!» десе, пермасы «тоого бар» деит! Баары эле оозуна келгенин оттоп, баары эле чоң! Э, **атаңдын оозуна...** («ЛЖ»). «Если председатель говорит «иди на поле», то завфермой говорит «в горы иди»! Каждый приказывает и говорит то, что в голову ему приходит. Каждый из себя «шишку» представляет! Всех послать бы... Здесь говорящий избегает крепкого слова «урайын», хотя именно его имеет в виду.

Типы редукций в двухчастных фразеологизмах.

Особенность ФЕ, входящих в данную группу, заключается в том, что каждая часть состоит не менее, чем из двух самостоятельных лексем и при необходимых случаях может выполнять функцию целого. Поэтому эти ФЕ чаще подвергаются экспрессивному сокращению. Составляющие части, как правило, бывают в синонимических или антонимических отношениях и обычно аллитерированы или ассонансированы.

В двухчастных фразеологизмах обычной является редукция двух типов: редуцируется первая часть или вторая часть, при этом редукция одного компонента не наблюдается, сокращается вся часть целиком. Все это подводит нас к выводу о том, что двухчастные ФЕ представляют собой особый разряд фразеологизмов с двумя взаимосвязанными смыслообразую-

щими центрами, семантическая монолитность которых основана не на «подчинении», а на «равноправия» этих центров.

1. **Редукция первой части ФЕ. «Ай!» деген ажа, «кой» деген кожо, жок** —«некому унять, прикрикнуть, привести в порядок» (букв. «нет старшего, который бы сказал «эй!», нет ходжи, который бы сказал «оставь».) Жаңы начальниктин...же текчилерге сыры маалым болгону менен аны **«кой» деген** текчилерге сыры маалым болгону менен аны **«кой», деген кожо, болгон жок** («СК»). «Хотя руководитлям были известны махинации нового начальника,... но не нашелся среди них человек, который бы сказал ему «веди себя порядочно» (букв. «не было ходжи, который бы сказал «оставь»). **Жеңилин жерден, оорун колдон ал** —«проявлять о ком-либо большую заботу, любовно и заботливо помогая ему» (букв. «что легкое у него, взять с земли, что тяжелое —из рук»). Эми жаштар, улуулардын **оорун колдон алалы.** Ушуну талап кылат өкүмөт бизден (Акматов). «Теперь, товарищи, всю ношу старшего поколения мы должны взять на себя. Этого требует от нас страна» (букв. «должны взять у старших, что тяжелое, из рук»). Использование второй части ФЕ, преследует особую цель — подчеркнуть важность помощи, которую ожидают старшие, вся страна от молодежи. **Ойду омкоруп, тоону томкор** — «долы переворачивать, горы выворачивать, т. е. совершать большие дела» Ой, эмне отурасың, **тоону томкоруп салгансып** («КМ»)? «Эй ты, что сидишь, как будто горы свернул?» Юмористический эффект данного высказывания основан на контрасте возвышенности образа, передаваемого эллиптированной ФЕ, и ничтожности выполненной работы.

2. **Редукция второй части ФЕ.** Во фразеологизмах, где, части находятся между собой в синонимических отношениях, обе части обычно бывают, как уже было упомянуто выше, равноценными в смысловом отношении, и в принципе любая из этих частей может быть редуцированной, однако на практике предпочтение дается то одной, то другой части. Такой дифференцированный подход к редукции определяется, на наш взгляд, не субъективным желанием говорящего или пищущего, а стилистическими задачами, стоящими перед ним и особенностями образа, лежащего в основе данной части ФЕ. Остается неподвергнутой редукции та часть ФЕ, которая способствует решению коммуникативных задач наиболее благоприятным образом.

Чыккан чөп менен, аккан суудан башкага зыяны жок — «смирный, скромный», «тише воды, ниже травы» (букв. «такой что от него никакого вреда, если не считать трав, которые растут, и воды, которая течет»). Жаманкулду ким билбейт?... **чөптөн башкага зыяны жок,** бир бечера, момун болчу (Убукеев) «Кто не знал Джаманкула?.. он был такой смирный, тише воды, ниже травы» (букв. «он никому не приносил вреда, кроме трав»). Здесь для характеристики человеческих качеств Джаманкула автор выбрал первую часть ФЕ. опустив вторую. Это не случайно, так как именно она позволяет автору передать ярко и выпукло такие свойственные Джаманкулу качества, как безобидность, смиренность и скромность.

Урунаарга тоо таппай, урушаарга жоо таппай —«некуда девать силы» (букв. «не находя горы, с которой можно было бы столкнуться, не находя врага, с которым можно было бы сразиться»). **Урунаарга тоо таппай** оолуккан көөдөк мастар... (Элебаев). «На улице беснующиеся пьяницы» (букв. «пьяницы, готовые столкнуться с горой»).

Образ человека, готовый столкнуться с горой, говорящему дает возможность представить силу и физическое состояния подвыпившей молодежи в наиболее гиперболизованной форме что усиливает выразительную силу высказывания.

Во фразеологизме **бир жакадан баш, бир жеңден кол** чыгар — «жить в согласии и дружбе» (букв. «высунуть головы из одного воротника, руки из одного рукава») первая часть, с точки зрения семантики, более важна, чем вторая, так как жизнь и вся деятельность человека связаны с головой, тем не менее, в нижеприводимом примере именно эта часть опущена Это объяснятся тем, что выбор первой части ФЕ служил бы символом идейного единства, а такое единство, конечно, противоречило бы природе подхалима, и, следовательно, его образ оказался бы фальшивым, ибо подхалиму важно не идейное единство, а единство, которое приносит ему пользу, развязывает ему руки для совершения грязных дел. Поэтому автор предоставляет слово самому подхалиму, в устах которого вторая часть ФЕ (кол чыгарып бир женден «высунув руку из одного рукава») приобретает особый индивидуальный смысл: Бул аксакал келгени, Алга жылды ишибиз, **Кол чыгарып бир жеңден,** Ынтымактуу ишибиз («Чалкан»). «Пришел новый начальник. И дело пошло на лад. С ним согласие и дружба. Руки вышли из одного рукава».

Дисгармония между реальным смыслом и значением, который вкладывает подхалим в «единство», создает иронический эффект, вызывает улыбку читателя.

Эллипсис может осложняться добавлением окказиональных слов вместо опущенных элементов, при этом значения

окказиональных компонентов могут быть прямо противоположными значениям редуцированных элементов. Такая замена помогает глубже раскрыть сущность сложного явления, о котором идет речь, а необычность нового состава ФЕ повышает ее выразительность, привлекая к себе особое внимание слушателя или читателя. В следующем примере опущены три компонента ФЕ, а вместо них с помощью замены добавлены три компонента с противоположным значению редуцированных компонентов ФЕ значением: **Жабылуу аяк жабылуу бойдон калсын** —«шито-крыто» (букв. «пусть закрытая чаша останется закрытой»). Иштн учурунда, убакытты созбой колго алган болсо, **жаобылуу аяктын чүмбөтү тез эле ачылмак** («СК»). «Если взялись бы за дело своевременно, не затягивая времени, то сразу раскрыли бы все эти гнусные дела» (букв. «открылось бы покрывало закрытой чаши»). В этом примере одновременно участвуют три приема: сокращение, замена, добавление компонента ФЕ.

Таким образом, прием сокращения компонентов ФЕ выполняет в речи функции усиления выразительности ФЕ и высказывания, придания речи лаконичности, динамичности и ритмичности, создания разнообразных стилистических эффектов.

РАЗДЕЛ 2. Приемы преобразования ФЕ, основанные на изменении их семантики.

Прием использования оборота как ФЕ и как свободного словосочетания

Данный прием как и другие приемы трансформации ФЕ, основан на раздельнооформленности и образности ФЕ, а также на «словности» ее компонентов. Сущность этого приема заключается в обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее прототипа или обыгрывании значения ФЕ и буквального значения одного или двух ее компонентов. Для своего осуществления он нуждается в определенном контексте. Контекст может варьироваться от одного слова до целого абзаца, а по характеру он может быть авторским, диалогическим или монологическим.

Этот прием используется для создания различных юмористических эффектов, усиления высказывания, придания ему тон серьезности и для передачи высшей степени ярости или напряженности какого -либо события.

1. Использование оборота в качестве ФЕ и переменного сочетания.

Обсуждаемый тип преобразования ФЕ характерен особенно для тех ФЕ, которые имеют в языке соответствующие омонимичные свободные словосочетания. В кыргызском языке, пожалуй, нет такой ФЕ, у которой не существовал бы ее омонимичный прототип. Поэтому не удивительно, что данный тип трансформации ФЕ в кыргызском языке очень распространен.:

а) юмористический эффект создается в монологическом контексте: «Этеги узар—«у него жизнь пошла на лад (во всех отношениях)» (букв. «его полы стали длинее»). Ата көйү, ушул отургандардын колхоз болбой жүрүп этеги узарганы барбы экен? Бардыгыныкы эле менден бетер чолоюп жүргөнү жокпу! (Элебаев) «Из сидяших здесь, которые не вступили в колхоз, есть ли кто-нибудь, у кого бы жизнь стала лучше» (букв. «полы стали длинее»)? Наоборот, как я вижу, все влачите жалкую жизнь» (букв. «у всех вас подрезанные полы, как у меня»). В этом примере авторский комментарий деп, тамаша аралаштыра келип токтолду («сказав так, он закончил свое выступление шуткой»). указывает на шутливый характер высказывания.

— Юмористический эффект может быть результатом контекстуальной антитезы, заключающейся в том, что значение буквализованного оборота выступает контекстуальным антонимом значения своего прототипа: **Таманы жер жыттаба** —«быть в быстром движении», «бежат сломя голову» (букв. «его ступни (пятки) не нюхают землю»). Чайпалып машинеде жүрө берип, **Таманы жер жыттабай калгандар бар** («Чалкан»). «Есть люди, чьи ноги отвыкли от ходьбы от того, что они всегда ездят на машине, колыхаясь» (букв. «чьи ноги перестали нюхать землю»).

б) юмористический эффект создается диалогическим контекстом:

— **Ит болдум**, байбиче, **ит болдум**.

— **Ит болгону кандай?** Киши эле бойдон турасың го? — деп, байбичеси көзүн акшыйтты (Убукеев).

«— Одурачили меня, байбиче, меня одурачили» (букв. «я стал собакой, байбиче, я собакой стал»).

— Что это значит «одурачили меня»? —удивилась жена» (букв. «Что это значит «я стал собакой»? Вижу, ты же, как прежде человек»).

Еще один пример. Диалог происходит между продавцом

одного из магазинов в деревне и ревизором, приехавшим сюда для проверки. Однако продавец не знает его, и приняв за обыкновенного посетителя, не дает ему говяжьего языка, говоря, что он был в продаже, но кончился:

Посетитель: — Тил бар болду бекен? — «Есть у вас язык (в продаже)»?

Продавец: — Мына — **деп, бир кулач болгон тилимди саландатып** койдум». — «Вот вам, пожалуйста! — сказав так, я высунул свой язык, длиною с аршин».

Посетитель — Жо-жок, сиздин тилиңиз эмес, уйдун тили керек, үйгө уяттуу мейман келип калды эле, караштырып көрсөңүз, бай болгур. «Не-нет, что вы, мне нужен не ваш язык, а говяжий язык. Дома почетные гости, пожалуйста, будь те добры...»

Продавец: — Кааласаңыз, меймандарыңызга тилимди кесип берейин, өзүмдүн тилимден башка эчтеке жок — «Если хотите, для ваших гостей, я отрежу и отдам свой язык, кроме него у меня больше ничего нет». Таким образом, продавец отправляет клиента — ревизора. Позже он выражает свое сожаление следующим образом: Ошондо муздаткычымда он чакты кило тил бар эле, карабашыма көрүнгөн ошол тилди берип эле койбой, **саландаган тилимдин азабын тартпадымбы кийин.** («Чалкан»). «Тогда в холодильнике было около десяти килограммов языка. Черт побери меня, с какой стати я ему отказал, знал бы, кто он такой! Вот и результат — ревизия. Очень дорого обошелся мне мой длинный язык» (букв. «за мой длинный висячий язык я очень дорого поплатился»).

Двойное восприятие ФЕ, создаваемое данным приемом, нередко используется для усиления высказывания, придания ему тона серьезности: **Мурдунун учун гана көр** — «быть непрозорливым, недостаточно умудренным жизнью» (букв. «видеть только кончик своего носа»). Көп нерсени көңүлгө түйдүк. **Мурдубуздун учун гана көрүп жүрсөк, эми бир нече километрден жерди көрүп калдык** (Жантөшев). «Мы здесь многому научились, набрались ума-разума» (букв. «Если мы раньше могли видеть только кончик своего носа, то теперь наши глаза стали видеть предметы, находящиеся от нас в нескольких километрах»).

Без широкого контекста данное высказывание можно легко принять за юмор, только контекст показывает, что оно использовано для того, чтобы подчеркнуть торжественность и серьезность выступления комсомольца. Таалайбек, комсомолец, курсант краткосрочных курсов трактористов (1930 годы — А. Н.) от имени всех курсантов обещает секретарю райкома сдать выпускные экзамены только на «хорошо» и «отлично», при этом он особо подчеркивает тот факт, что за короткий срок они научились очень многому, духовно обогатились, что колхоз сделал много для того, чтобы курсанты получили глубокие знания и они (курсанты) будут делать все от них зависящее, чтобы оправдать оказанное им высокое доверие. **Котур ташы койнунда** — «держать (иметь) камень за пазухой». Башкасын коёлу, эң жакшы самаган досу да **котур ташын койнуна катып**, ыңгайлуу учурду күтүп, өңүттө жаткан тура (Мавлянов). «Не говоря о других, его самый близкий друг тоже имел против него камень за пазухой» (букв. «оказывается, держа черный камень за пазухой лежал поджидая удобного случая в том месте, откуда удобно нападать». Асанбайдын **башына түшкөн кара түндү** кантип жарык менен алмаштырыш керек (Жантошев)? «Каким образом можно избавить А с а н б а я от позора? Чем ему помочь?» (букв. «Каким образом можно з а м е н и т ь черный день, с в а л и в ш и й с я на голову Асанбая, белым днем?») — над этими вопросами ломал голову Сагынбек — секретарь партийной организации колхоза. Дело в том, что Асанбай был большим хвастуном, и говорил, что его сын Кенже — человек сильной воли и потому непьющий, а на самом деле, он оказался податливым, безвольным и поддался выпивке, начал пить в стельку, чем и опозорил отца и себя. Серьезные размышления Сагынбека о судьбе человека попавшегося впросак, автором переданы в лаконичной форме с использованием оборота «кара түн» как ФЕ и как свободного словосочетания.

Иногда данным приемом передается высшая точка напряжения: — **Баарыбыз бир кайыктабыз**, башка келгенди көрөбүз, тагдырыбыз бир (Айтматов). «Мы в одной лодке, связаны одной судьбой». Ситуация действительно такова, что они — Эмрайм, Кирисик, Орган, Мылгун — находятся в одной лодке. Авторский коментарий делает данный оборот фразеологизмом, а естественная ситуация — свободным словосочетанием. Таким образом налицо двойное восприятие оборота, что рельефно и экспрессивно передает создавшуюся экстремальную ситуацию.

2. Обыгрывается ФЕ и буквальное значение одного или нескольких компонентов

а) обыгрывается значение ФЕ и значение одного компонента: **Теке сүз** — «нелегкая задавила» (букв. «козел боднул»).

Карыганда кайсы **теке сүзүп** кабарчы болуп, колу кычышып чыкты деп ойлобо, Чаке. **Теке сүзгөн жок, мени Ж. Мамыров сүзүп жатат.** Ал Талас райондук мамлекеттик камсыздоо бөлүмүнүн төр агасы («Чалкан»). «Уважаемая Кранива», ты не думай, что меня попутала нелегкая и пищу тебе в старости лет. Наоборот, опутывает меня Ж. Мамыров — председатель Таласского райсобеса». (букв. «меня бодает не козел, а Мамыров»).

Бети кызар — «постесняться (букв. «его лицо становится красным»).

Эй, уятсыздар, **бетиңер кызарса боло!**

— Булардын **бети бопбоз эле бойдон го,** — дедим мен («Чалкан»).

«—Эй вы, хоть бы постеснялись» (букв. «хоть бы ваши лицо покраснели»)!

«—Куда им стесняться» (букв. «у них лица белым-белы, как и прежде», —сказал я»).

б) обыгрывается ФЕ и значения нескольких компонентов: **Ичер суусу түгөнүп, көрөр күнү бүт** —«умереть» (букв. «кончилась вода, которую он должен пить, кончились дни, которые он должен был прожить»). **Атанын суусу түгөнүп баратты...** Ушунун баарын уулуна кандай сөз менен кантип түшүндүрө алмак? Уулум деп уулун таштап кетерин уулуна кантип айта алмак? (Айтматов). «Смерть подкрадывалась к нему, а он сам шел к ней навстречу» (букв. «у него питьевая вода была на исходе»). «..Каким образом, какими словами передать, объяснить своему сыну, что он покидает его, своего сына, ради того, чтобы он остался живым и продолжал дела отца». Здесь также ситуация буквализирует значение оборота, а авторский коментарий превращает его в фразеологическую единицу.

В ряде случаев двойное восприятие одного и того же оборота, как ФЕ и как свободного словосочетания является результатом конвергенции нескольких приемов.:

а) вклинивание, расширение (добавление) и антитеза:: **Ташы өйдө кула**— «преуспевать, быть везучим» (букв. «его камень катится вверх»). Бекназар жанкечтин **ташы козголуп калгансыды,, же өйдө кулайт, же аңгектен сай ылдый кетер...** (Касымбеков). «У Бекназара — молодца положение стало очень шатким:: или к лучшему, или к худшему». (букв. «его камень сдвинулся с места: или вверх будет катиться, или же вниз скатится в сторону речки»).

б) расширение состава оборота на основе сохранения традиционного образа, лежащего в его основе: **Терисин сыйры** «сурово наказать» (букв. «содрать с него шкуру»). Пайгам-

бардай кары экенсиз, сакалыңызды сыйладым, болбосо мындай жалаа үчүн **өз терисинен өзүнө шайы көйнөк кийгиздирет элем (Касымбеков)!** «Я прощаю его только из-за вас, уважая вашу старость. Если бы не вы, аксакал, я показал бы ему кузькину мать за такую клевету» (букв. «я бы сшил ему шелковое платье из его же шкуры»).

в) вклинивание, антитеза (на основе использования антонимичных ФЕ). В кыргызском языке существуют следующие ФЕ с компонентом «лицо»:: **кара бет** —«бесстыдный, бессовестный» (букв. «черное лицо»), **бетине көө сүрт** —«очернить, оклеветать кого-либо» (букв. «намазать чье-либо лицо сажей») и **кызыл жүз** —«стыдливый, совестливый» (букв. «красное лицо»). В нижеприводимом примере с помощью этих ФЕ автор создает двойное восприятие оборота **кызыл жүз** «красное лицо», тем самым достигается высокая эмоциональность и экспрессивность высказывания :Адамдын **кыпкызыл уяттуу жүзүнө** каратып туруп, бирөө **көө сүйкөп койсо, кара бет болуп чыга келмек** оңой иш турбайбы (Сасбаев)!? «Оказывается, не такое уж трудное дело очернить, оклеветать человека» (букв. «человека с красным лицом легко превратить в чернолицего, намазов его лицо сажей»).

Таким образом, прием использования устойчивого оборота одновременно как ФЕ и переменного словосочетания занимает заметное место в системе изобразительных средств создания фразеологической экспрессии в речевой коммуникации и в художественном освоении действительности на основе двойного восприятия оборота, различных стилистических эффектов, которые в конечном счете усиливают эмоциональные и экспрессивные качества высказывания.

РАЗДЕЛ 3. Приемы основные на рядоположении ФЕ с другими единицами

§ 1. Использование ФЕ вместе с ее лексическим идентификатором

В свете анализа функционирования ФЕ в речи можно утверждать, что характерной функциональной особенностью кыргызского языка в области фразеологии является широкое использование ФЕ вместе с ее идентификатором. Под идентификатором ФЕ мы понимаем здесь любое слово, словосочетание или фразу, равноценную ФЕ по денотативному значению. Различаем идентификаторы двух категорий:: языковые и речевые. В стилистических целях широко применяются как пер-

вые, так и последние. Широкое использование ФЕ вместе с ее идентификатором объясняется не только стилистическими целями, но и семантическими особенностями значения фразеологических единиц. Значение большинства ФЕ, как бы странным ни показалось это на первый взгляд, бывает абстрактным, что и заставляет нас применять новые и новые речевые идентификаторы ФЕ в процессе речевой коммуникации Отметив эту особенность значения ФЕ, в свое время С. Н. Муратов писал: «Значение их (фразеологических единиц —А. Н.) может быть выражено, объяснено, конкретизировано другими словами или целыми выражениями» (62,116).

Несколько слов о занимаемой идентификатором позиции во время функционирования вместе с ФЕ. Обычно идентификатор находится слева от ФЕ, т. е. после нее. Как ФЕ, так и ее идентификатор могут быть оформленным в виде предложения: **Сени көрөөнүн деген көзүм жок. Жек көрөм («Ала-Тоо»).** «Ненавижу я тебя» (букв. «у меня нет глаз, чтобы видеть тебя»). «Ненавижу» (букв. «к тебе я питаю отвращение»). Идентификатор может находиться справа от ФЕ, т. е. перед ней: **Кали айткан турбайсыңбы? Беш өрдөктү учуруп,** жаныңа эмне күч келди («Ала-Тоо»)? «Видать, ты меня обманул? Что заставило тебя так поступить» (букв. «пустить пять уток»)?

Выше мы рассмотрели контактное расположение ФЕ и ее идентификатора. Теперь посмотрим на примерах их дистантное расположение:: **Көзүнө илбей** пенде деп, Көкүлдү жаткан **тоотподу** («Карач, Көкүл»). «Не считая за человеком» (букв. «не зацепив за глаза»), Он не удостоил вниманием лежавшего Көкула». **Мен ишенбейм** Мусулманкулдун тынч жүрүшүнө, **көзүм жетпейт** (Касымбеков). «Не верю тому, что Мусулманкул будет жить спокойно, это невероятно». (букв. «мой глаз не достает»). В первом примере между ФЕ и идентификатором расположились четыре слова, а во втором—между идентификатором и ФЕ —три.

Таким образом, ФЕ и идентификатор могут находиться в контактном или же дистантном расположении, а идентификатор может занимать препозицию или постпозицию относительно ФЕ.

Одновременное использование ФЕ и ее идентификатора в одном контекстном окружении на первый взгляд может показаться ненужной тавтологией, а на самом деле является очень важным средством создания речевой фразеологической экспрессии. С помощью данного приема уточняется, конкретизируется или усиливается значение ФЕ, создается ирония и антитеза.

Уточнение и конкретизация значения ФЕ.

Значение ФЕ может уточняться идентификатором — словом, словосочетанием или развернутым описанием:

а) уточняет или конкретизирует значения ФЕ идентификатор—слово: **Кара кылды как жарган, Калыс** болот Жаңыл кыз (Инв. 411). «Жаңыл была исключительно справедливой девушкой» (букв. «расщепившая волос как раз пополам»)... **баарыбыз анын көзүнүн агы менен тең айланып, самаганын кылып берер элек** (Элебаев). «Мы всегда выполняли его прихоти беспрекословно» (букв. «мы крутились вместе с белками его глаз и выполняли его желания»);

б) уточняет и конкретизирует значения ФЕ идентификатор словосочетание или словосочетания: Тиги бечара жаш келин булардан бетер **эне сүтү оозунан кете элек,** бирөөнүн **жаш кызы** көрүнөт (Бектенов). «Видать, эта молодуха чья-то юная дочка, почти девчонка, как и эти девочки» (букв. «у которой еще молоко на губах не обсохло»).

Баарысын **итке мингизип,** Мал, **мүлкүн түк койбой, талат** тым деп келүүчү (Инв. 5186). «Он говаривал, что ободрал их как липку» (букв. «посадил их на собаку»);

в) уточняет и конкретизирует значения ФЕ развернутое описание: Анан өзү да бирөөгө **жемин жегизбеген, өжөр, айтышкан менен айтышып, тилдешкен менен тилдешип, ал тургай бир-эки жолу келиндер менен тытышканы да бар (Айтматов).** «Джамиля была такая, что никому не уступала в ругани, в ссоре, и даже бывали случаи, что и за волосы кое-кого таскала» (букв. «она никому не позволит есть ее корм»). Мурда колго түшкөндөрүн эки колун артына байлап, Чаар-Ташка келсек, биздин жылкычылардын **сазайын колуна беришкен экен, баштары айрылыптыр, колу-буттары сынып тыр** (Бектенов). «Когда мы вернулись в Чаар-Таш с первопленными, связав их руки назад, враг уже успел расправиться с нашими конопасами: разбили их головы, сломали им руки и ноги» (букв. «дали им в руки их наказания»).

Усиление значения ФЕ.

В этой связи необходимо отметить, что значение ФЕ бывает само по себе интенсифицированным. Это хорошо просматри-

вается на фоне их лексических идентификаторов. Ср.: **кой оозунан чөп албаган и жоош; чычканга кебек алдырбаган и сараң; төбөсү көккө жет и сүйүн; мурду балта кеспе и тоотпо.**

При сопоставлении становится очевидным, что кой оозунан чөп албаган «смирный, тихий» (букв. «не взявший из пасти овцы траву»), не просто тихий или скромный человек а человек очень тихий, совсем безобидный, т. е. тише воды ниже травы; **чычканга кебек алдырбаган «скряга» (букв. «не** позволит мышам отрубей украсть»)—это не просто скупой человек, а человек в высшей мере скупой, скряга—хитрец, что мышам не даст отрубей украсть, төбөсү көккө жет «быть на седьмом небе» (букв. «его макушка касается неба») выражает не просто радостное состояние человека, а высшую степень его радости; мурду балта кеспе «ему сам черт не брат» (букв, «и топор не рассечет его нос») означает, что он плевал на все и всех, что для него все трын-трава. Эта особенность значения ФЕ отмечена исследователями и других языков (43,20; 82,23; 98,50).

Косвенным доказательством интенсифицированности значения ФЕ является и тот известный лингвистам факт, что при толковании их значений в словарях нельзя обойтись без усилительных частиц: аябай, абдан, өтө («очень», «весьма», «край не», «совсем», «совершенно», «исключительно») и др. В этом можно было легко убедиться даже на вышеприведенных примерах.

Если значение ФЕ проявляется более интенсивно, чем значение слова того же содержания, как мы видели выше, то одновременное совместное употребление ФЕ и ее идентификатора, естественно, усиливает значение ФЕ двухкратно и даже трехкратно.

Значение ФЕ может быть усилено разнообразными средствами:

а) усиливает значение ФЕ идентификатор-слово:... айлана чөйрө **алаканга салгандай текши** көрүндү. («Ала-Тоо»). «...все что было вокруг нас стало видно, как на ладони» (букв. «словно их держали на ладони»). Эринин тил албасына көзү жеткен аялдын **күйбөгөн жери күл болуп тутугуп турду** («КМ»). «Жена, поняв, что муж не послушает ее, начала гореть без огня» (букв. «то место ее тела, которое не горело, превратилось в пепел»);

б) усиливают значение ФЕ идентификатор и слово-усилитель: Чындыгында **актан караны тааныбайт, нукура сабатсыз** киши (Убукеев). «На самом деле он совершенно безграмотный человек» (букв. «он не может отличать белое от черного, совершенно безграмотный»). — Коё бергиле, кулагын кесип ыргытып, Ийгиликке **биротоло баш оту менен** өткөрүп берейин, — деп Кашкарбай жулуна берди (Убукеев). —Пустите меня, пустите меня, отрежу его уши и целиком отдам Ийгилику, — крича так рвался вперед Кашкарбай» (букв. «целиком и полностью, его голову и все тело»).

в) усиливают значение ФЕ идентификатор и прибавляемая к нему с левой стороны, усилительная морфема: Айлана **кулак мурунду кескендей тыптынч** (тып+тынч) («Ала-Тоо»). «Вокруг царит тишина» (букв. «вокруг спокойное спокойствие как будто отрезаны уши и нос»). Көрсөң дегеле, өзү **жапжаш** (жап+жаш), **бешиктен бели чыга элек жатып**, анан бирөөнү тергеп-тескегенин (Айтматов)! «Посмотри-ка на него, молоко на губах еще не обсохло, а придирается ко мне, разбирает меня!» (букв. «его талия находится еще в колыбели, совсем еще зеленый»)!

г) усиливают значение ФЕ идентификатор, усилительная морфема и слово-усилитель: Айлана **кулак-мурунду кескендей жымжырт** (жым+жырт) **бир «кыңк» эткен доош** чыкпайт. («Ала-Тоо»). «Вокруг мертвая тишина, даже нет шороха» (букв. «вокруг такая тишина, как будто отрезаны уши и нос, нет даже единого звука»).

д) усиливает значение ФЕ идентификатор-словосочетание: Бир бирибизди **ийне-жибибизге чейин билебиз, өтмө катар көрүнүп турабыз («Ала-Тоо»).** «Мы знаем друг друга, как свои пять пальцев» (букв. «мы знаем друг друга до иголки и нитки, видим друг друга насквозь»). Баарынан жакшысы **эмне** айтса, макул болуп, **көзүнүн агы менен тең айланып туруу (Абдиев).** «Лучше всего выполнять его прихоти беспрекословно» (букв. «соглашаться во всем, что он скажет, и крутиться вместе с белками его глаз»);

е) усиливает значение ФЕ идентификатор-развернутое описание: :Алардын эмес, өзүмдүн **көзүм ачыла элек, өзүм эч эчтемкени көрүп биле элек, таптакыр эле дүмбүл-дүмбүл болгондо да тишти камап салган жапайы көк алманын дүмбүлүнөн бетер чип-чийки, көп-көндөй, чап-чала турбаймынбы? «Сы** дыкбеков). «Видать но они, а я незрелая, неотесенная, совсем тупая в жизненных вопросах (букв. «оказывается, что мои глаза еще не открылись, сама в жизни ничего, абсолютно ничего еще не видела, такая незрелая, словно горное зеленое яблоко, которое нельзя есть, даже хуже этого»). **Уйкумду бөлүп, тынчымды коюп, баш отум менен, байым, силерге кызмат кылам** дечү да, баш көтөрүп, кыңк этчү да эмес (Сыдыкбеков). «Я буду служить вам, мой господин бай, честно, и бескорыстно, со всей душою, говаривал он и погружался с головой в его рабо-

ту» (букв. «оставлю сон и покой в стороне, буду работать головой и всем телом, говаривал он и работал, не поднимая головы, не издавая ни звука»);

ж) значение ФЕ усиливается нагнетанием идентификаторов: **Сени түшүнсүн деп айтып жатам. Жаңылбасын, кийин бармагын тиштебесин, өкүнбөсүн, көз жашын төкпөсүн, бактылуу болсун деп айтып жатам** (Мавлянов). «Все это я говорю для того, чтобы ты была счастливой, чтобы ты потом не раскаялась, вот почему я говорю все это» (букв. «Я говорю все это, чтобы ты поняла, чтобы ты потом не укусила себе палец, чтобы ты поняла, чтобы ты не лила слезы, чтобы ты была счастливой, вот почему говорю я все это»). Как видим, в данном примере использован прием нарастания. Каждый последующий элемент сильнее по смыслу, чем предыдущий, способствует еще в большей степени конкретизации содержания высказывания. В конце высказывания имеется самое объемное по содержанию словосочетание «бактылуу болсун» — суммирующее, подытоживающее все то, что было сказано до него. Именно в этом последнем словосочетании «чтобы ты была счастливой» концентрирован весь смысл разговора. Кроме нарастания, в этом примере использован еще один стилистический прием — обрамление, т. е. начало и конец высказывания имеет лексически тождественные члены предложения («деп айтып жатам»).

В полной мере вышесказанное относится и к следующему примеру, в котором Нармамбет датка просит милости Худаяр-хана, чтобы он остановил резню: — **О, таксыр... Мына мен жыгылдым бутуңа... Мен жалындым..: Мен багындым...** О, хазрети, токтот кыргынды, о хазрети... токтот кыргынды, о хазрети..: (Касымбеков). «—О, мой милостивый государь... Я умоляю тебя.:. Останови резню:::» (букв. «О, мой милостивый государь... Вот я припадаю к твоим ногам... Если Мусулманкул не бросился, то я бросаюсь тебе в ноги... Я умоляю тебя..: Я покорился... О, государь, останови резню... О, государь...»).

Создание антитезы или контраста.

Обычно антитеза создается на основе использования антонимичных фразеологизмов и контраста их лексических идентификаторов и выполняет роль конкретизации или усиления значения ФЕ: Ооба, ар бир адамдын жеке турмушунда **мөгдүрөй чөгүп жылдызы төмөн түшкөн учурлар** болсо жана ошондой эле **жылдызы көкөлөй зоболосу көтөрүлгөн учурлар да көп болот («Ала-Тоо»).** «Да, в жизни каждого человека бывают периоды неудачи и падения, а также удач и взлетов» (букв. «бывает пора, когда человек лежит обессилевший, когда его звезда падает вниз и пора, когда звезда человека поднимается ввысь, когда поднимается его авторитет»).

В целях повышения экспрессивности ФЕ и высказывания нередко в орбиту антитезы вовлекаются не только ФЕ и их идентификаторы, но и все слова предложения в целом. Прекрасной иллстрацией к высшесказанному может служить следующий пример: **Сыртыны көрүнүшү ошончолук кеңири болгону менен ичине кара таруу айланбаган өтө тар киши** (Убукеев). В этом примере противопоставление проводится тотально, т. е. участвуют все компоненты предложения. Предложение разделено на две части: первую часть представляют ФЕ и ее идентификатор («ичине кара таруу айланбаган» и «өтө тар», а вторую— все остальные слова (сыртыны көрүнүшү ошончолук кеңири болгону менен»), которые противопоставлены покомпонентно: сырты «наружность» и ичи «нутро»; кеңири «вместимый, объемный, широкий» и тар «тесный, узкий»; ошончолук «очень» и өтө «очень». Такое трехмерное противопоставление внешности и внутренности женщины ярко и образно передает облик скряги. Этой же цели подчинено употребление полного варианта ФЕ. В переводе все предложение звучит так: **«Хотя она очень толстая, но скряга высшей степени»** (букв. «несмотря на то, что она очень толстая по внешности, ее внутренность настолько тесна, что даже зернышко проса не может перевернуться, она весьма невместимая»).

Создание иронии.

В ряде случаев совместным употреблением ФЕ и ее многословного идентификатора создается ирония:

Терең изилдеп	«Глубоко исследовав
Анын	Ее
Затын,	Вид,
Канатын, арасын	Крылья, межкрылья,
Жана анын аласын,	И ее масть.
Тумшугун,	Клюв;
Куйругун,	Хвост,
Кыймылын,	Движение,
Өңүн	Цвет,
Дагы бөлөгүн	И прочие

Ийне жибине чейин талдап («Чалкан»). «Мельчайшие подробности» (букв. «до иголки и нитки»).

Здесь речь шла об одном исследователе, который исследовал птицу: ее вид, крылья, межкрылья, ее масть, клюв, хвост, движение, цвет и прочие. Одним словом, все, что можно было исследовать, до мельчайших подробностей, всю подноготную. Гиперболизованная детализация предмета исследования как бы подчеркивает скрупулезность и его важность для науки, а на самом деле автор назойливо подчеркивает незначительность и бесполезность таких исследований. Иронизирует по поводу тех ученых, которые занимаются мелкими темами, отстраняясь от решений фундаментальных проблем, важных как для науки, так и для народного хозяйства.

Итак, совместное употребление ФЕ и ее иден тификатора в речи является важным средством повышения экспрессивности ФЕ. Этим приемом уточняется, конкретизируется значение ФЕ, достигается его двойное и тройное усиление, создаются такие стилистические фигуры, как антитеза, контраст и ирония.

§ 2. Использование ФЕ вместе с ее фразеологическими синонимами

В речи фразеологизмы могут употребляться в зависимости от коммуникативного задания, которое они выполняют, как отдельно, так и в сочетании с их идентификаторами, о чем уже шла речь в предыдущем параграфе, или же в сочетании с другими фразеологическими синонимами. Под фразеологическими синонимами понимаются такие фразеологические обороты, которые выражая одно и то же предметное значение, отличаются друг от друга образом, лежащим в их основе, теми или иными экспрессивно-смысловыми оттенками или тем, что относятся к разным функциональным типам речи (18,4). С точки зрения их нормативного употребления, фразеологизмы-синонимы могуть быть языковыми или речевыми.

Главное назначение одновременного использования фразеологических синонимов, т. е. «скопление синонимов» заключается в повышении выразительной силы ФЕ и, следовательно, высказывания. Данный прием используется для подчеркивания, детализации, конкретизации того или иного качества, свойства, человека, явленя или процесса, а также для выделе ния высшей точки, высшей степени действия или состояния. Он может быть использован и для избежания повторения в речи.

Подчеркивание. Подчеркиваться могут качества, свойства, обстоятельства, действия, разнообразные по содержанию. Подчеркивается:

а) особенность времени: **Ой, ак төөнүн карды жарылып, кой үстүнө торгой жумурткалап турганда...** сен антип пейлиңди тарытпа (Бектенов). «Джапалак, ты перестань жадничать, когда кругом изобилье» (букв. «когда живот белого верблюда лопается, когда жаворонки гнездятся на овечей шерсти»);

б) положение человека: Чалынды, үч баласы менен эринен чыккан өзүнөн улуу аялды алса, **авторитети кетет, албаса абийири төгүлөт** (Абдиев). «Он попал впросак, если жениться на женщине старше себя и с тремя детьми, ущемит свой авторитет, если нет—опозорится» (букв. если женится, авторитет уходит, если нет—его честь разольется»). — Кыштакта он чакты эле адам калды. Алдуу-күчтүү кыз-келиндерди Германияга айдап кетти. Өлгөндөн калган абышка-кемпир, жетим-жесирлер **өлбөстүн күнүн көрүп, өчпөстүн отун жагып олтурабыз («Ала-Тоо»).** «Всех женщин и девушек, годных для работы, увезли в Германию. В деревни остались одни сироты и сиротки, старики и старухи, и тех совсем немного — около десяти. Живут кое-как, влача тяжелую жизнь» (букв. «живут жизнью неумирающего, разводя огонь непогасающий»).

в) характер действия: Качы бийи менен да, Чакинер менен да аз күндөн кийин **орой көздөрү чарай, бетме-бет отуруп эсептешебиз** (Убукеев). «Скоро доберемся до Качы бия и вашего Чаки» (букв., глаз в глаз, лицом к лицу будем сводить счеты»).

г) высокая степень угрозы: **Акеңди таанытып коёмун.** Мен менен ойнобогун. **Көргүлүктү көрүп каласың.** Оң кулагың менен да, сол кулагың менен да ук (Мураталиев). «Не играй со мной. Плохо будет» (букв. «познакомлю тебя с твоим братом. Увидишь то, чего ты до сих пор не видел»).

Детализация. При детализации фразеологизмы-синонимы, выражая одну и ту же мысль, значительно расширяют, обогащают основное содержание высказывания и делают его образным и эмоциональным:: **Өчкөн** отун **тамызып,** Берен Манас султандын, **Өлгөн жанын тирилтип, Үзүлгөнүн улантып...** («Манас»). «Манасу султану оказали огромную помощь» (букв. «Разожгли угасший огонь Манаса, Оживили его умершую душу, П р о д л и в оборвавшееся у него...») В этом примере фразеологизм первой строки является языковым, а фразеологизм в четвертой строке я в л я е т с я частью перифрастического фразеологизма үзүлгөнүн ула, ча-

чылганын жыйна «продлить оборвавшееся, собрать рассыпавшееся». Словосочетание третьей строки всем ходом образного сопоставления приобрело контекстуальное значение, которое является синонимичным к двум остальным ФЕ и таким образом, участвует в процессе детализации. Так, все эти фразеологизмы обозначают одно и то же понятие — Манасу оказали огромную помощь, но каждый выражает это понятие по-своему с разной точки зрения, облекая его в разные образы, указывая на разную детали: в первом фраеологизме оказанная помощь сравнивается с разжиганием потухшего огня, во втором — с процессом оживления умершего, а в последнем — с соединением частей, оборвавшейся веревки.

Конкретизация. В отличие от детализации, при которой общее понятие передается фразеологическими синонимами через указание его деталей, в конкретизации общее понятие выражается одним из синонимов, а другие конкретизируют его. Конкретизация общего понятия может осуществляться не синонимичными фразеологизмами, а свободными словосочетаниями или предложениями: — Эгерде болушуңарга катын болуп калсам, **көрбөгөндү менден көрөсүңөр.** Биринди отунга жумшайм. Биринди сууга жумшайм. Биринди бирине кыйнатам. Кыскасы, күн бербейм. Кетирбей кегимди, өткөрбөй өчүмдү **аламын.** (Убукеев). «Если стану женой волостного управителя я вам покажу, где раки зимуют» (букв. «покажу все то, чего вы еще не видели»). Одного пошлю за дровами. Другого пошлю за водой. Заставлю мучить друг друга. Короче говоря я вам не дам жить «(букв. «не дам солнца»). Отомщу по всякому и всячески» (букв. «отомщу, не дав времени уйти, сорву злобу, не дав ей пройти»). Здесь общее понятие «суровое наказание» выражено первым фразеологизмом и получило двойную конкретизацию: сперва с помощью трехпредложений, а потом синонимичными фразеологуизмами.

Усиление значения ФЕ. В кыргызском языке одновременное использование фразеологических синонимов в целях повышения экспрессивности ФЕ и высказывания характерно в одинаковой мере как для прозы, так и для стихотворного жанра. Покажем это на двух примерах: **Ана-мына дегиче, ачып көздү жумганча,** колхоздун мекемесинин эң чоң, эң кенен деген бөлмөсү жасалгаланып чыкты. («Чалкан»). «Сию минуту, в мгновение самая просторная комната колхозного управления была шикарно обставлена» (букв. «пока один мог сказать то, да её пока не успел открыть и закрыть глаза»). Токсон уруу эл тарап., Той бүткөнчө жума өттү. **Андай-мындай дегиче. Антип-минтип тургуча, Ачып-көздү жумганча.** Аркасы

нан чиркешип. Апта келип бу да өттү («Карач, Көкүл»). «Пока гости из девяноста племен разъехались, прошла неделя, за ней быстро и вторая» (букв. «не успели сказать то, да сё, не успели сделать то, да се, не успели открыть и закрыть глаза»).

В кыргызском языке фразеологизмы-синонимы усиливают значения ФЕ и высказывания, как правило, в виде нарастания. Их особенность заключается в том, что каждый последующий фразеологизм сильнее в эмоциональном отношении, важнее, значительнее, существеннее в логическом плане, чем предыдущий. Самыми простыми примерами могут служит следующие: **Анысы айдан ачык, күндөн жарык** (Жантөшев). «Это яснее ясного» (букв. яснее, чем луны, светлее, чем сольнце»). солнце»). Аны укканда, байдын балдарынын **үрөйү учуп, жандары чыкты** (Бектенов). «Когда сыновья богача слышали об этом, их души ушли в пятки» (букв. «улетели их лица, испустили дух»).

Самым сильным элементом нарастания иногда может выступать и свободное словосочетание: — Падышага каршы көтөрүлүү кандай болот экен, **көздөрүнө көрсөтөлү, эстерине келтирели, акесин таанытады,** тирүү калгандарын **өлөр-өлгүчө** унуткус кылып коёлу, — дешет (Убукеев). «Чиновники решили приподнести беглецам такой урок, который они запомнили бы на всю жизнь, что идти против воли царя —это смерть» (букв. «покажем им в глаза, заставим одуматься, познакомим с их братьями, кто останется живым, ему сделаем так, чтобы **он запомнил это на всю жизнь»** Словосочетание өлөр-өлгөнчө унуткус кылып коёлу «поступим с ним так, чтобы они запомнили до самой своей смерти», контекстуально входя в синонимический ряд с другими ФЕ, оказалось самым сильным элементом нарастания.

Важно помнить, что когда ФЕ выступает в составе нарастания, она выступает как его более значительный компонент, чем предыдущая, прежде всего в связи с ее расположением, так как иногда таким качеством она может и не обладать. Например: Бул сөздү укканда, байдын **күйбөгөн жери күл болду, ачуусу келип буркан-шаркан түштү** (Бектенов). «Когда бай услышал эти слова, он начал метать громы и молнии» (букв. «в пепел превратилось то место его тела, которое не горело, пришла его злоба, он грохотал и трещал»). Как видим из примера, две крайние ФЕ, если взять их вне контекста нарастания. по своей значимости, эмоциональной напряженности являются самыми сильными элементали предложения, а средняя — более слабым элементом, однако благодаря своему расположению в составе нарастания представляет собой более значительный элемент, чем предыдущая ФЕ. Схематич-

но это можно представить следующим образом::

очень обозлился+еще больше обозлился+совсем рассвирепел. Если две первые ФЕ указывают на состояние очень обозлившегося человека, то третья ФЕ уже обозначает не состояние человека, а его действия, как результат накопившейся злобы, которая достигла своего апогея.

И. Р. Гальперин разделяет нарастание на три вида:: логическое, эмоциональное и количественное (32,236). Следуя за ним, можно также разделить нарастание, в котором компонентами выступают фразеологические синонимы, на логическое, эмоциональное и количественное.

Логическим нарастанием можно назвать такое нарастание, где каждый последующий фразеологизм важнее предыдущего с точки зрения содержания понятий, заключенных в них.: Экинчи ошол жакка басып көр: **шыйрагыңды ташка чагып, талпагыңды сыйрып, туз куям** (Айтматов)! «Еще хоть раз увижу тебя там в три рога согну» (букв. «сломлю твою голень, ударив об камень, с тебя сдеру шкуру и соли насыплю»). Мыр занын Куйручукка ачуусу **келип, куйкасы курушат да,** аны **жеп жиберчүдөй олурая тиктейт** (Бектенов). «Мырза злился на Куйручука так, что был готов убить его одним махом» (букв. «обозлился, разгневался и готов был съесть его взглядом»).

Яркий пример эмоционального нарастания мы находим в следующих предложениях, где каждый последующий фразеологизм сильнее предыдущего по своей эмоциональной напряженности: **Чучугума жетти бул сөз! Жети өмүрүм жерге кирди! Өлбөгөн төрт шыйрагым калды! Бетимдин оту чыкты** («Чалкан»)! «Эти слова меня допекли! Меня в конец извели!» (букв. «дошли до мозгов моих трубчатых костей! Семь жизней моих провалились сквозь землю! У меня живыми остались только четыре голени! Из моего лица вышел огонь!»). Высокую эмоциональную напряженности передают и восклицательные знаки и прием выделение каждого фразеологизма в отдельное предложение. Еще один пример: Элдин эри, зайыбы ооруп калса, **үстүнө үйрүлүп түшүп, жан-алы калбай чый-пыйы чыгып кетет** (Бектенов). «У других женщин, когда они заболеют, их мужья готовы умереть за них, лишь бы они скорее выздоровели» (букв. «нежно падают на нее, у них не остается души и сил, они стонут, плачут»).

Количественное нарастание в сфере фразеологии представляет собой ряд фразеологизмов, равноценных по силе эмоциональной напряженности, по своему логическому содержанию и, как правило, по компонентному составу. Здесь каждый фразеологизм выступает как более значительным,

чем предыдущий в составе нарастания только благодаря своему расположению: Мейли, Кирисик али **оозунан сүтү кете элек, балтыр эти ката элек, балапан жүнү бата элек** дейли («Ала-Тоо»). «Допустим, что Кирисик совсем еще мальчишка» (букв. «у него молоко на губах еще не обсохло, икры пока еще упругие, не окрепшие, он еще неоперившийся птенец»).

В кыргызском языке представлены случаи, когда синонимические фразеологизмы объединяются в один: **Каруузду казык кылып, жаныбызды оозго тиштеп** («КМ»). «Отдавая все силы, рискуя жизнью» (букв. «делая руку колом, душу взяв в рот»). Особенность данного фразеологизма состоит в том, что первая часть каруузду казык кылып «сделав руку колом» является первой частью двухчастного фразеологизма каруун казык кылып, башын токмок кылып «работать изо всех сил» (букв. «работать так, чтобы рука стала колом, а голова—колотушкой»), а вторая часть представляет собой самостоятельный фразеологизм жанын оозуна тиштеп «изо всех сил, напрягаясь, рискуя» (букв. «взяв душу в рот»). Такое объединение синонимичных фразеологизмов еще больше усиливает значение ФЕ, создает особую эмоциональную напряженность, что и усиливает выразительную силу высказывания. Не менее интересен другой фраазеологизм. в котором два синонимичных фразеологизма являются определениями субстантивированного прилагательного томояктар «голытьба», выступающего в роли подлежащего, которое само является идентификатором. этих фразеологизмов: **Адалдан түгү жок, итке минген томояктар** да малдуу кишилерден саан алышып мында көчүп келишкен (Каимов). «И самые бедные, также получив дойный скот, переехали сюда» (букв. «те, которые не имели волосики от чистого скота, даже те, которые сели на собаку, вся голытьба»).

Таким образом, скопление синонимов в речи выполняет функцию подчеркивания, детализации, конкретизации, усиления значения ФЕ и всего высказывания, занимая подобающее место среди выразительных средств кыргызского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты системно-функционального анализа экспрессивности ФЕ кыргызского языка показали, что экспрессивность присуща ФЕ как их ингеретное свойство. Экспрессивность ФЕ обусловлена рядом внутрилингвистических факторов и создается разнообразными художественными средствами. Как факторы, обусловливающие фразеологическую экспрессию, так и средства ее создания носят системный характер.

К лингвистическим факторам, лежащим в основе экспрессивности ФЕ относятся семантические, лексико-семантические, стилистические, звуковые. Все эти факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены, и только их совместное действие обеспечивает ФЕ экспрессивность. Однако семантическому фактору принадлежит ведущая роль, так как без семантического переосмысления нет и быть не может фразеологической экспрессии.

Средствами создания фразеологической экспрессии являются метафора, метонимия, повтор, тавтология, синонимический повтор, гипербола, литота, антитеза, оксюморон, ирония, перифраза, олицетворение, эвфемизм, сравнение, символизм, аллитерация, ассонанс, рифма и размер. В основе всех ФЕ лежит метафора или метонимия. Фразеологическая экспрессия создается, как правило, не одним каким-либо средством, а конвергенцией средств, но одно из них обычно является ведущим.

Фразеологическим единицам свойственна как устойчивость, так и трансформируемость. Устойчивость и трансформируемость ФЕ —два противоположных свойств — обеспечивают им функционирование, развитие и высокую экспрессивность. Благодаря структурно-семантической трансформации ФЕ, осуществляемой в пределах речевой нормы художественной выразительности, посредством разнообразных приемов создается функциональная экспрессивность ФЕ, т. е. экспрессивность приобретаемая во время функционирования в речи. В основе функциональной экспрессивности кыргызского языка лежит система приемов как контекстуального преобразования, так и не связанных с преобразованием ФЕ, в которых используются скрытые смысловые и стилистические потенции ФЕ.

Экспрессия преобразованных ФЕ базируется на том, что в сознании читателя (слушателя) модифицированные фразеологизмы воспринимаются на фоне своей стабильной структуры и установившейся семантики. Несоответствие преобразованного

оборота его привычному употреблению позволяет автору (говорящему) создать желаемое эмоциональное воздействие на читателя (слушателя). Диапазон такого несоответствия весьма широк: от максимального расширения до предельного сокращения привычного состава ФЕ и от создания синонимических отношений до семантических противоположностей. Посредством создания подобных несоответствий мастера слова достигают высокой выразительности мысли и глубокого раскрытия сущности предмета речи и потому широко пользуются приемами контекстуального преобразования фразеологических единиц, суть которых —не произвольное нарушение языковой нормы, а целенаправленные трансформации фразеологизмов с определенной стилистической заданностью, имеющих конечным результатом создание желаемого впечатления у читателя или слушателя.

Эмоционально-экспрессивная окраска и стилистическая маркированность ФЕ могут создаваться либо всей структурой данной единицы, либо одним из ее компонентов. Зависимость эмоционально—стилистической окрашенности ФЕ от одного из компонентов создает благоприятные предпосылки для различных модификаций этой окрашенности за счет замены компонентов фразеологизма. В кыргызском языке приемом замены компонентов достигается конкретизация, усиление значение ФЕ, освежается образ, создается юмористический эффект и эффект неожиданности за счет разнообразных отношений между ФЕ —прототипом и трансформированной ФЕ с помощью синонимичных, антонимичных, тематически близких и тематически не связанных замен.

Приемом увеличения компонентов ФЕ (вклинивание и добавление) за счет окказиональных элементов уточняется, конкретизируется, интенсифицируется или же ослабляется значение ФЕ, создаются в соответствии с целью, задачами и условиями коммуникации, разнообразные сталистические фигуры, обеспечивающих ФЕ экспресссию повышенной силы.

Прием сокращения компонентов ФЕ выполняет в речи функцию усиления выразительности ФЕ, придания речи лаконичности, динамичности, и ритмичности, создания разнообразных стилистических эффектов.

Прием использования устойчивого оборота одновременно как ФЕ и как переменного словосочетания создает на основе двойного восприятия оборота различные стилистические эффекты, которые, в конечном счете, усиливают эмоционально-

экспрессивные качества высказывания.

Приемы контекстуального преобразования ФЕ, основанные на их устойчивости и трансформируемости, раздельнооформленности и словности компонентов, являются мощными средствами создания повышенной экспрессивности ФЕ .

В создании функциональной экспрессивности ФЕ в кыргызском языке немаловажное знаачение имеют и приемы, основанные на взааимодействии ФЕ с другими единицами языка. Так, например, совместное употребление ФЕ и ее идентификатора в речи является важным средством повышения экспрес сивности ФЕ. Этим приемом уточняется, конкретизируется значение ФЕ, достигается ее двойное и тройное усиление, создаются такие стилистические фигуры, как антитеза, контраст и ирония. Прием скопления синонимов в речи выполняет функ цию подчеркивания, детализации, конкретизации, усиления значения ФЕ и всего высказывания.

аким.

Таким образом, функциональная экспрессивность ФЕ кыргызского языка есть результат действия приемов контекстуального преобразования ФЕ и приемов взаимодействия ФЕ и других единиц языка, представляющих собой систему.

Проведенный анализ языкового материала позволяет говорить об антропоцентризме ФЕ кыргызского языка. В центре ФЕ находится человек со своими отношениями к другому человеку, природе и обществу. В ФЕ отражены мысли, чувства, воля, эмоции и его оценка действительности. Именно в фразе ологизмах рельефнее отражается своеобразие культуры, быта, обычаев и образа жизни данного народа.

Итак, художественно- функциональную основу экспрессивности ФЕ кыргызского языка составляет система тропов и стилистических приемов, широко используемая в поэзии и прозе как средство создания выразительности, что и делает ФЕ художественным произведением в миниатюре. В них значимо все сплошь, значение не отделимо от всех деталей воплощающего его материального тела. ФЕ обладает всеми свойствами, присущими другим эстетическим знакам. Как художественное произведение, так и ФЕ являются результатом образного мышления и служат художественному освоению действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев А. Фразеологизмларнинг экспрессивлик хусусияти //Узбек тили ва адабиёти. 1976. № 5.
2. Авалиани Ю. Ю. Слово и фразеологизм в иранских языках//Вопросы фразеологии. Вып. 111. Самарканд, 1970.
3. Авалиани Ю. Ю. К семантической связи слов в самостоятельной функции и в составе фразеологических единиц.//Вопросы описания лексико-семантической системы. М., 1971.
4. Авалиани Ю. Ю. Слово—фразеологизм—контекст.//Вопросы фразеологии. Вып. У. Ч. 1. Самарканд. 1972.
5. Авалиани Ю. Ю. Семантическая структура слов-компонентов и семантическая структура фразеологических единиц (на материале индоевропейских языков)//Фразеологический бюллетень. № 1. Самарканд. 1972.
6. Алехина А. И. Фразеологическая антонимия в современном английском языке. Автореф. дисс.:. канд: филол. наук: Москва 1968:
7. Амосова Н. Н. Современное состояние и перспективы фразеологии// Вопросы языкознания. 1966. № 3.
8. Андриянов В. В. Сравнительная характеристика жестов русских и французов//Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1978.
9. Анисимова З. Н. К вопросу о семантической членимости фразеологической единицы//Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 131. М., 1978.
10. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. 2-ое изд. Л., 1981.
11. Ахманова О С Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
12. Ахунзянов Г. Х. О стилистических особенностях образных фразеологических выражений (на материале современного татарского литературного языка). Автореф. дис.:. канд: Филол: наук: Казань: 1964
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы фринцузского языка. М., 1955.
14. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
15. Бангерт И. А. Специфика семантики языковых знаков косвенной номинации (на материале системнего исследования лексем и устойчивых словесных комплексов немецкого языка). Канд. Дис. :.филол: наук. М., 1980.
16. Баранникова Л. И. Основные сведения о языке. Пособие для учителей. М., 1982:
17. Берлизон С. Б. Выражение экспрессивности и эмоциональности в ФЕ и слове// Вопросы фразеологи. У: Ч. 1: Самарканд, 1972.
18. Бертагаев Т. А. и Зимин В: И. О синонимии фразеологических словосочетаний в современном русском языке// Русский язык в школе, 1960. №3.
19. Болдырева Л. М. Стилистические оссобенности функционированная фразеологизмов (на мат. соврем. художеств. нем: литературы и прессы ГДР). Автореф. дис. ..канд: филол. наук: М:, 1967:
20. Бондалетов В. Д. и др. Стилистика русского языка. Л., 1982.
21. Бушуй А. М. Этимологическая и полиптотная тавтология в словаре братьев Гримм// Актуальные вопросы фразеологии. Вып. 2. Самарканд, 1971.
22. Бушуй А. М. Тавтологическое предложение в словаре Братьев Гримм//Актуальные вопросы фразеологии. Вып. 2 Самарканд 1971

23. Бушуй А. М. Инвентаризация в словаре Братьев Гримм тавтологической атрибутивной группы имени существительного// Актуальные вопросы фразеологии. Вып. 2. Самарканд. 1971.
24. Вакуров В. Н. Метафорическая природа фразеологических единиц русского языка// Филологические науки, 1981. №4.
25. Виноградов В. В. Русский язык. 2-ое изд. М., 1972.
26. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке// В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
27. Верещагин Е. М. и Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами// Вопросы языкознания, 1981. №1.
28. Вирясова Л. Ф. Фразеология произведений М. А. Шолохова. (к изучению эволюции языка и стиля писателя). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Самарканд, 1969.
29. Гаврин С. Г. О некоторых функциональных оссобенностях экспрессивнообразной фразеологии русского языка// Вопросы теории и методики русского языка. т. 87. Пермь, 1971.
30. Гаврин С. Г. Комплиактивность как релевантное свойство фразеологических единиц// Вопросы фразеологии. Вып. 212. Самарканд, 1977
31. Галькина—Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке// Сборник статей по языкознанию (посвященный 60-летию акад. В. В. Виноградова) М., 1958.
32. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике русского языка. М., 1958.
33. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1958.
34. Гвоздарев Ю. А. О предмете фразеологии и её объектах// Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1972.
35. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. Ростов-на-Дону, 1977.
36. Гумбольт В. Поэзия и проза// В. Гумбольт. Избанные труды по языкознанию. М., 1974.
37. Джикия Н. К. Вариации и тождество фразеологических единиц в их отношении к лексической системе языка. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Москва, 1974.
38. Дубинский И. В. Является ли компонент ФЕ словом// Вопросы фразеологии. У. Ч. 1 Самарканд, 1972.
39. Дубинский И. В. Фразеология стихов Демьяна Бедного// Вопросы стилистики. Межвузовский научный сборник. Вып. 12. Москва. 1977.
40. Егоров В. Г. Словосложение в тюркских языках// Структура и история тюркских языков. М., 1971.
41. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова—Щедрина. М., 1953.
42. Жуков В. П. О семантической цельности фразеологизмов// Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. 1. Новгород, 1971.
43. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
44. Калчаева С. В. Выразительные возможности русского стиха М., 1977.
45. Кенесбаев С. К. К вопросу об экспрессивно-стилистических функциях фразеологизмов (на материале казахского языка)// Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968.
46. Кириллова Н. Н. Компонент фразеологической единицы и слово. (на материале соматических фразеологизмов соврем. французского языка). Автореф. дисс.:. канд: филол. наук: Л:, 1975:
47. Колшанский Г. В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации.// Вопросы языкознания, 1973. №1.
48. Копыленко М. М. и Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972.
49. Красильникова Е. В. Жесты и языковые фразеологизмы (к соотношению вербального и жестового кодов)// Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку. М., 1977.
50. Кузнец И. Л. и Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка: Л:, 1960.
51. Кунин А. В. Английская фразеология (Теоретический курс) М., 1970.
52. Кунин А. В. Лингвостилистические оссобенности фразеологического эллипсиса// Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 131. М., 1978.
53. Кунин А. В. Замена компсенетов фразеологизмов как стилистический прием// Иностранные языки в школе. 1979. №3.
54. Ларин Б. А. Оечрки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)// Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
55. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-ое изд: Т. 29:
56. Ломов А. Г. Понятие о фразеологической тавтологии// Актуальные вопросы фразеологии Вып. 2. Самарканд, 1971.
57. Ломтев Т. П. Избр. труды. Общее и русское языкознание: М:, 1977:
58. Лыков А. Г. Окказионализм и языковая норма// Грамматика и норма. М., 1977.
59. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т: 26. Ч: 3:
60. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.
61. Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания// Фразеологический словарь русского языка 2-ое изд. М., 1968.
62. Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1968.
63. Назаров А. П. Способы усиления значения фразеологических единиц в кыргызском языке// Эл агартуу, 1982. №1.
64. Назарян А. Г. Фразеология и лексика французского языка. М., 1976.
65. Назарян А. Г. Фразеология и лексика французского языка в их генетических отношениях,// Вопросы языкознания, 1979. №4.
66. Ожегов. С. И. Лексикология. Лексикография: Культура речи: М:, 1974:
67. Ониани А. Л. Фразеологизм и слово (на материале картвельских языков)// Вопросы фразеологии. Вып. 111. Самарканд, 1970:
68. Осмонова Ж. Кыргыз тилиндеги идиомалар. Канд. дисс: ...филол: наук: Фрунзе, 1969.
69. Павлоав З. А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в речи (на материале газеты «Морнинг Стар») Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1975:
70. Павлович Н. П. Семантика оксюморона// Лингвистика и поэтика. М., 1979.
71. Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
72. Попов Р. Н. Взаимодействие в языке лексической и фразеологической систем// Русский язык в школе, 1973. №4.
73. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПБ. Ч. У. 1885.
74. Рагимов А. С: Тропы и фигуры речи как средства, используемые при образовании фразеологических единиц в английском и азербайджанском языках// Учен. зап. Азерб. пед. ин-та русского языка и литературы им. Ф. Ахундова, №12. Серия язык и литература №4. Баку, 1975.
75. Райхтшейн А. Д. О семантической структуре образных словесных ком

плексов// Вопросы описания лексико-семантической системы языка Ч. 11. М., 1971.
76. Райхштейн А. Д. О семантической членимости фразеологической единицы// Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза.вып. 66, М:, 1972.
77. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
78. Ренская Т. В. Эллипсис фразеологических единиц в русском языке. Канд дисс. .:. филол. наук. Тула. 1983.
79. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь справочник лингвистических терминов. 2-ое изд. М., 1976.
80. Ройзензон Л. И. и Абрамец И. В. Совмещенная омонимия в фразеологии// Вопросы языкознания, 1969. №2.
81. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.
82. Руденко С. А. Фразео-лексическая глагольная синомнимия в современном английском зяыке. Автореф. дисс. .:.канд. филол. наук. М., 1981:
83. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
84. Салиев А. Человеческая психология и искусство. Фрунзе, 1980.
85. Сарсенбаев Р. И. Жакыпбеков М. Об экспрессивно-эмоциональной природе фразеологизма// Казахский язык и литература. Вып. 3. Алма-Ата, 1973.
86. Сейдакматов К. Кыргыз тилиндеги сөз маанилеринин жана варианттарынын өнүгүшү. Фрунзе, 1982.
87. Синюк В. К. К вопросу о фразеологизмах-оксюморонах// Русский язык в школе, 1976. №4.
88. Талышкина С. Г. Тавтологические фраземы и их стилистическое использование// Актуальные вопросы фразеологии. Вып. 2. Самарканд, 1971.
89. Телия В. Н. О количественных преобразованиях фразеологических единиц// Тезисы докладов предстоящей научно-методической конфенции аспирантов. Ростов-на-Дону гос. пед. ин-т, 1964.
90. Телия В. Н. О термине «фразема» (в связи с описанием вариантности фразеологизмов).// Проблемы лингвистического анализа. М., 1966.
91. Телия В. Н. О вариантности слов и вариантности идиом// Вопросы фразеологии. Вып. 111. Самарканд, 1970.
92. Тихонов А. И. Семантическая членимость слова и фразеологизма// Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков. Тезисы и доклады. Ч. 1. Новгород, 1971.
93. Торопцев И. С. К вопросу о возникновеннии фразеологизмов и способе их ограничения от сходных с ними единиц// Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской т. 160. М. 1966.
94. Ураксин З. Г. Фразелогия Башкирского языка. М., 1975.
95. Федосов И. А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Издательство Ростовского университета, 1977.
96. Федоров А. И. Фразеологизм как экспрессивно-стилистическая единица языка// Межвузовский сборник. Вопросы стилистики. Вып. 12. Новосибирск, 1977.
97. Чанышева З. З. Лексические средства обозначения паралингвистических компонентов речи в современном английском языке. Канд. дисс. .:.филол, наук. М., 1979.
98. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка М., 1970.
99. Чернышева И. И. Фразеологическая система и ее семантические категории// Иностранные языки в школе. 1973. №2.
100. Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии// Вопросы языкознания 1977. №5.
101. Шадрин Н. Л. Перевод контекстуально-преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема. Автореф. дисс. .:.канд. ифлол. наук. Л., 1979.
102 Шадрин Н. Л. Перевод контекстуально-преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема. Канд. дисс филол. наук. Л., 1979.
103. Шадрин Н. Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов// Лингвистические исследования. Ч. 11. М., 1973.
104. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 2-ое изд. М., 1969.
105. Шомаксудов А. и др. Узбек тили стилистикаси. Тошкент. 1983.
106. Эгембердиев Р. Фразеологизмы в эпосе «Манас». Канд. дисс. .:.филол: наук. Фрунзе, 1979.
107. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии (Опыт семантического анализа фразеологических единиц). Самарканд. 1972).

Summary

Though it is generally accepted that idiomatic phrases i.e. phraseological units are expressive means of the language the following questions still demand answers. What factors, means and qualities do make possible expressivity of phraseological units? How do they work?

Solution of the abovementioned problems represent great interest to linguistic theory as a whole and phraseological styistics in particular.

This work deals with the expressivity of phraseological units of the Kyrgyz Language which belongs to the family of Turkish languages. As our analysis shows the expressivity of phraseological units is conditioned by the semantic, structural and sound organization peculiarities of phraseological units and their use in speech.

Inherent expressivity of phraseological units are the result of several linguistic factors and a great number of stylistic (image bearing) means. Both factors and means of expressivity are of systematic character. They are interrelated and interconditioned, and their coordinative work ensures expressivity to phraseological units. But semantic factor plays the leading role as far as no phraseological unit and consequently phraseological expressivity can exist without semantic transferance.

In the Kyrgyz Language linguistic factors of expressivity are represented by the semantic, lexico-stylistic, stylistic and sound organization peculiarities of phraseological units.

Stylistic means are the following: metaphor, metanomy, reduplication, tautology, synonymic reduplication, hyperbole, litotes, euphemism, antithesis, oxymoron, irony, periphrase, personification, symbolism, alliteration, assonance, rhythm and rhyme. Expressiveness is created by their convergency in different combinations.

Adherent expression is the result of functioning of phraseological units in speech. Functional expressiveness of phraseological units (i.e. expression created by various methods in speech) is tightly connected with transformational qualities of phraseological units and relative semantic divisibility of their components, keeping intergrity of phraseological meaning at the same time. Functional expression of phraseological units of the Kyrgyz Language are made by the following methods:

1. Methods based on structural and semantic transformations of phraseological units:

a) component change; b) inlarging the phraseological unit; c) narrowing the phraseological unit;

2. Dual use of a phraseological unit both as a phraseological unit and as a free wordcombination. 3.Simultanious use of a phraseological unit either with its identifier or with its phraseological synonym.

With the help of these transformations different images are made which insure high expressivity.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА.

НАЗАРОВ А. П.

Редактор — ИРИСОВ П.
Техн. редактор — ЩУЛЬЧЕНКО Л. И.
Корректор — МАТЖАКЫПОВА Г.

Сдано в набор 05.02.97. Подписано в печать 28.07.98. Формат 60x84/16
Объём — 7 п. л. Заказ №354 тираж 1000 экз. Цена договорная

Отпечатано в Ошской областной типографии г. Ош, ул. Курманжан Датка, 209.

ОПЕЧАТКИ

№№ страниц	Не правильно	Следует читать
стр. 29 сверху 15 строк	чын	чык
стр. 41, сверху 3-я строка	находит	находить
снизу 3-я строка	«допекат»	«допекать»
стр. 70 строка 18 сверху	искорбонит	искоренить
стр. 72 строка 24 сверху	важно	не жно
стр. 82 снизу последняя строка	трожест-	торжест-
В содержании раздел 2	основные	основанные
стр. 91 раздел 3. снизу строка 12	основание	основанные
стр. 98 § 2	исползование	использование
стр. 101 20 строка снизу	—	скобка закрывается после слова жизнь
стр. 106 строка 17 сверху	стр. 17 не читать	строку 17 не читать
стр. 108 29 строна сверху 30 сверху	В. Гумбольт 1974 г.	В. Гумбольд 1984 г.